

Орла
Танец

ЖУМЫ

Хатар
Бургэд

ТАНЕЦ
ОРЛА

БУРГЭД
ХАТАР

УДК 89
ББК 84 (2 Рос=Буря)
М 757

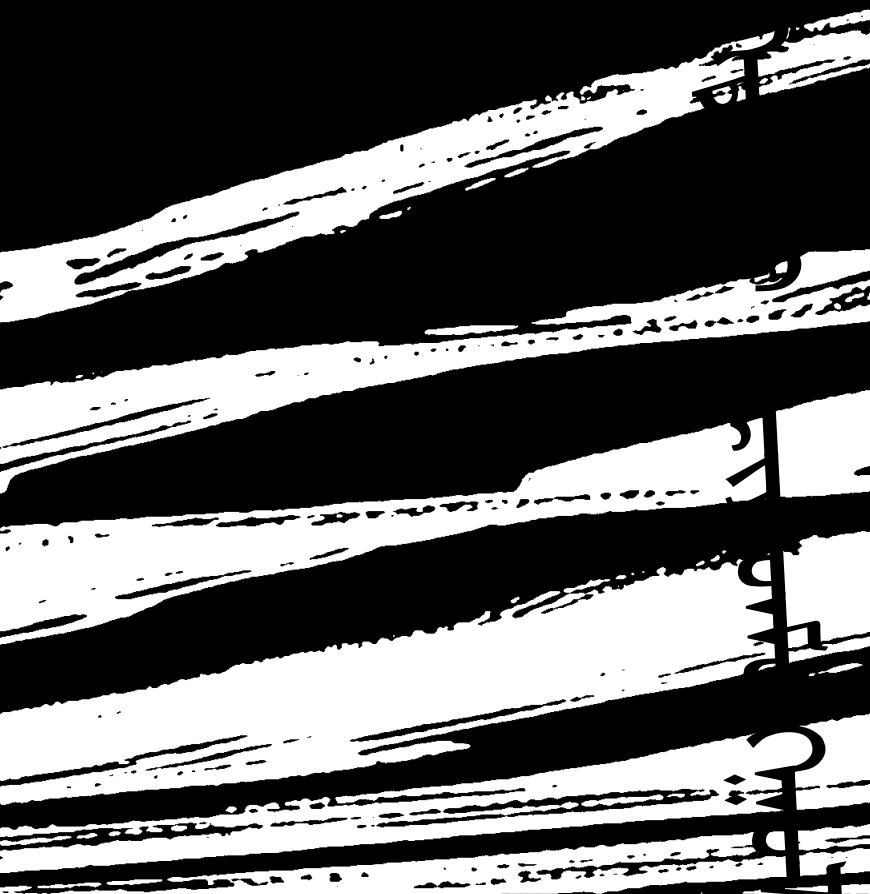
2014
© Булат Молонов
© Жаргал Цыбикова
© Буряад-Монгол Ном

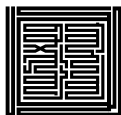

ISBN 978-5-9905883-2-5

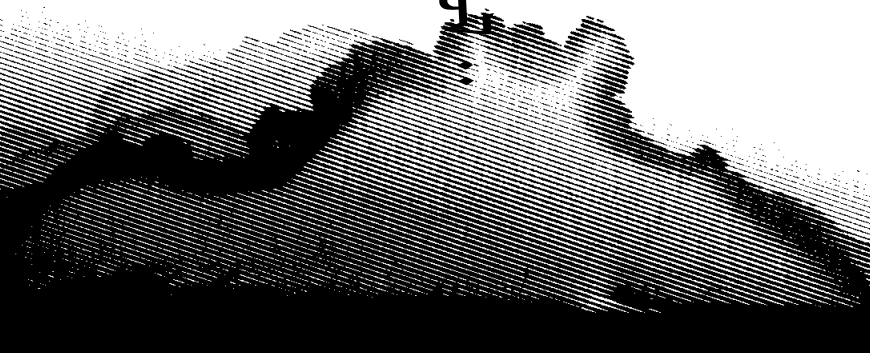
Басагандаа

Посвящается
дочери

ഒപ്പ് & അയക്കുന്നതിന്

Холын холо нютагта
Хотон айлаа ханахалиш,
Буурал хүгшэн эжсүдээ
Бусажа һөөргөө ерэхэлиш...¹

Дондок
Улзытуев

1 Вдали на чужбине
Ты вспомнишь свой дом,
К седой бабушке
Ты вернешься вновь.

| ПЕРВЫЙ ЛУЧ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Первый луч восходящего солнца бежал по горам и равнинам, перепрыгивая через лужи, реки, озера, моря, он бежал на Запад. Он бежал, рассекая ясным светом темноту западных границ. Деревья тянулись к нему ветвями, озябшими за холодную темную ночь листьями, глядели ему вслед и улыбались, зная, что скоро рассвет и день — целый день — бесконечность...

Рыбы плескались в реке, резвились и смеялись, оттого что в их глазах осталась частичка первого луча восходящего солнца, искра. Они выпрыгивали из воды и, за ту долю секунды, что они находились над водной гладью, смотрели вслед убегающему на Запад первому лучу восходящего солнца и благодарили его за то, что он пришел и принес с собой Солнце...

Овцы, коровы, кони провожают его взглядом. В их глазах светится радость, которую он зажег своим ясным светом, им слышится «топот копыт» убегающего на Запад первого луча восходящего солнца, они знают, что будет день, и будет Солнце! Они не могут скрыть своей радости, они не умеют этого делать — что-то скрывать...

Заштопанное грубыми нитками будней сердце и разорванная горькими потрясениями душа потянулись своими кровоточащими лохмотьями к первому лучу восходящего солнца.

Они благодарят его за то, что он вернул им надежду и Солнце, которые они потеряли, казалось бы, навсегда. Теперь они знают, что все будет хорошо, пока мчится первый луч восходящего солнца.

Орел, степной орел, расправил крылья, оттолкнулся от холодного камня и полетел в Вечное Синее Небо, чтобы громким криком известить степь, что пришел Он — Первый Луч Восходящего Солнца, что будет Свет и целый день — бесконечность...

MOBOOK

Лето. Солнечно. По небу неспешно плывут на восток белые, легкие облака. Прохладный ветерок приятно пробегает по поверхности земли порывами средней скорости. Я сижу в кижингинской степи, собираю мангир,² слушаю ветер, слушаю шелест травы, вдыхаю запах родной степи. Чувствую себя чертовски хорошо. Мне хорошо от того, что я вырвался из городского ритма в родную степь, сменил горячие бетонные коробки на раздолье степи. Сажу я и даже не собираю мангир, курю сигарету и гляжу на юг. Моему взору открыта чудесная картина. В синей дымке тонет Ябаган Дабаан,³ покрытый лесом, видна Кижинга, извиваясь, несет она свои воды в Кодун. Сажу я и думаю, что зашибись, что есть на этом свете Родина — такое место, где ты чувствуешь себя счастливым, куда ты, наконец-то, приехал. Вспоминаешь ее со щемящей душу тоской, когда ты далеко от нее. Вспоминаешь, как ты скакал по степи на коне, ветер бьет в глаза, а конь несет тебя по степи, сидишь в седле, отпустив узду, раскинув руки, запрокинув голову, глядишь на проносящиеся над тобой облака, а в сердце образ той, которая заполнила собой всю твою душу, что нет там места больше ни для одной другой, кричишь на всю степь:

1 Кижинга.

2 Дикий лук.

3 Яблоновый хребет.

«Чуло-о-о-о!», — подгоняешь коня. Или — сидишь на берегу Кижинги, жжешь шину от ГАЗ-53, тело покрыто пупырышками, зубы отбивают ритм, ритм-энд-блюз, глаза красные, вечер, голодный, с самого утра на речке. *«Хүгшэн баабайнда орожо эдеэлээд, гэртээ ошохоб даа...»*,¹ — думаешь, выжимая трусы, собираешься идти домой.

Одним словом, примерно такие мысли текли в моей голове, пока я сидел, куря сигарету, забыв собирать мангир, когда до моего слуха донеслось: «Энд аaaa-и-аааай! Уил олвэ-э-эйс ла-а-ав ююююууууу-уууу!!!» — я обернулся, смотрю: из-за холма высыпает отара овец, и за ними на низкорослом вольере коня мальчишка-чабан, в старом засаленном тэрлике,² в бейсболке «USA», закрыв глаза, поет песню. Я ему: «Сайн!». Он открыл глаза, густо покраснел: «Сайн!», слез с коня, присел рядом со мной. Я ему предложил сигареты, он закурил:

— *Тэрэ зүүн тээгүүр муухай олон мангир ургаж байна*,³ — загорелый мальчуган лет четырнадцати вытащил из-за пазухи армейскую фляжку, предложил мне. Теплая вода бежит по пищеводу в желудок, утоляя жажду. Посидели, помолчали вместе, да и что там говорить?

— *Баяртай!*⁴ — садится на коня, делает рукой движение вроде «*Баяртай!*» и «Энд аaaa-и-аааай! Уил олвэ-э-эйс ла-а-ав ююююууууу-уууу!!!» — удаляется вслед отаре.

Смотрю я на него и думаю, что действительно: «Аaaa-и-аааай!!! Уил олвэ-э-эйс ла-а-ав ююююууууу-уууу!!! *Миний түрэл нутаг! Баян уужам Хэжэнгэ!*»⁵ Аaaa-и-аааай!!! Уил олвэ-э-эйс ла-а-ав ююююууууу-уууу!!!».

1 Поем у дедушки, после домой пойду.

2 Летний халат.

3 Там восточнее — ужасно много дикого лука растет.

4 До свидания!

5 Моя родина! Широкая раздольная Кижинга! (строка известной песни).

Я иду поглощенный толпой, иду, отбрасывая тень, иду с лицом нахала, отражаясь в стеклах витрин — в них я похож на Виктора Цоя. Жизнь в стеклах витрин...

Мне восемнадцать лет. С четырнадцати я знаю, все, что мне нужно знать. Знаю, что в 43-м квартале пьют вино мои друзья, которые идут по жизни маршем, и я иду к ним, прикупив еще вина.

Дождь. Третий день с неба течет вода, очень много течет воды. Я иду, не прячась под сенью зонтов, которые распустились на улице великим множеством самых разных цветов и оттенков. Я шагаю по улице. Весело тряхнув головой, разбрызгиваю капли с мокрых, как трава в клумбе, волос, еду в переполненном трамвае, рисую пальцем на запотевшем стекле плохие слова.

Вино в духовке, тошнотики — закуска, гитара с оторванной первой струной, веселые лица друзей. Кто-то спит, кто-то ведет крутой спор. Я сижу с вином в стакане, улыбаюсь. Выходим из дома в пору, когда во всех окнах погасли огни — один за другим. Мы идем, мы сильны и бодры, пьяные. Драка без правил в парке со шпаной. Люди в фуражках, с дубинками и свистками. Бегу, смеюсь, кулаки разодраны в кровь.

Я смотрел на нее и понимал, что безнадежно влюблен. Я видел ее пухлые щеки, черные косички, черные, как черемуха, глаза и мечтал, чтобы она обратила на меня свое драгоценное внимание. Что делать? Я решил действовать. В синей школьной форме, с длинной до носа челкой, напевая «Розовый вечер», я подошел к ней и по неопытности слишком публично, слишком громко произнес: «Н., давай, я понесу твою сумку!». Все одноклассники, да и те школьники, что были в коридоре, не могли не услышать этих слов, а мне было наплевать на то, что они подумают, для меня было важно, чтобы она согласилась на мое предложение, ведь это значило бы, что она непротив, чтобы общаться со мной. Что возможно она непротив, чтобы «дружить» со мной... в смысле, что она, может быть, тоже думает обо мне так же часто, как и я о ней.

Но она ничего не ответила, прошла мимо, смущенно улыбаясь. Я стоял и смотрел ей вслед. Вместе с одноклассницами она удалялась по коридору. Девчонки оглядывались, смеялись, их забавляло то, что я вот так вот обломился. Если вы думаете, что на этом мои попытки прекратились, то вы глубоко ошибаетесь. Я довольно-таки часто предлагал ей то понести сумку, то проводить домой, но всякий раз она отказывала и я очень грустил по этому поводу.

Однажды мы надумали играть футбол на Центральном стадионе и собрались в ограде у Баира, а он — ее двоюродный брат. Скрипнула калитка, и появилась она. Сердце мое в груди: «Тук-тук-тук!». Я: «*Сайн байна, Н.!*».¹ Она, смущенно улыбаясь, мимо, в дом. Я смотрел, как закрылась за ней дверь, пацаны качали втроем мяч. Один налегал на насос, второй держал мяч, третий — шланг насоса прижимал к мячу, хотя могли бы управиться и вдвоем.

На дворе стоял 1989 год. «Кино», «Ласковый Май» и «Мираж» собирали стадионы, из Афганистана выводили войска, перестройка-гласность-демократия... А мне на все на это было наплевать, я весь был занят тем, что думал о ней.

| НОСТАЛЬГИЯ

1.

На улице идет снег, напоминая мне мою родину. На память приходят бесшабашные школьные годы. Классные вечера, танцы под «Романтик», «Ласковый Май». Веселые были времена: *«Что ж ты лето обещало нам любовь и летний теплый са-а-а-амый вечер. До рассвета будут листья падать вновь, в порыве их подхватит ветер...»*. После — провожаешь всей гурьбой девчонок по домам, кидаешься снежками, без причины заливаясь веселым смехом. Как давно это было, и было ли вообще? Идешь домой по пустынным улицам, пугая бродячих собак и стуча замерзшими ногами, как звонкими поленьями: «тук-тук», а в голове образ той, с которой танцевал медленный танец и, двигаясь с ней на расстоянии вытянутой руки, так и не решился сказать ей о том, что хотел сказать. Идешь домой, а сердце переполнено какой-то непонятной радостью, и наплевать на то, что не сделано домашнее задание по английскому, по которому постоянно проблемы.

И вдруг я ускоряю шаг и перехожу на бег, ловя лицом пушистые снежинки. Хочется крикнуть что-нибудь и я кричу: «А-а-а-а!!!». Не знаю, почему именно «а-а-а-а», а не «о-о-о-о», или «у-у-у-у». Мда...

В голове сплошной бардак, мысли накладываются одна на другую, образуя очень приятную кашу. Я не цепляюсь за них, пусть текут. Добравшись до теплой постели, залезаю с головой под одеяло и, улыбаясь своим мыслям, крепко засыпаю... *«Что ж ты лето обещало нам любовь и летний теплый са-а-амый вечер...»...*

... хотя снег здесь какой-то не такой...

2.

Вчера поскользнулся на подлом корейском гололеде, и всплыл в памяти эпизод из восьмого класса.

Зима. Время около двух дня. После уроков иду домой, а за моей спиной идет толпа девочек младше меня на год, живущих в моей стороне, то есть — *һургуулиһаа зүүлжээ*,¹ их много, они все симпатичные и... очень наглые. Они идут, общаются, смеются, а я, спускаясь по Коммунистической улице, которая имеет крутой склон и постоянно залита водой местными мальчишками, катающимися здесь на рулетках, думаю: «Как бы не поскользнуться и не упасть на виду у этих девочек...», — а ботинки у меня были скользкие. Я шел, ступая, как мне казалось, на шершавые места в гололеде, но все-таки наступил не туда и поскользнулся. И нет, чтобы сразу же упасть — решил удержаться на ногах и сотворил довольно-таки смешной танец. Я размахивал руками, пытаюсь удержать равновесие, а ботинки скользили на гололеде, и я вынужден был делать ногами движения подобные какому-то танцу в сумасшедшем ритме. Это длилось секунд пятнадцать, если не больше, и под конец я красиво так шлепнулся на Коммунистическую улицу.

1 На восток от школы.

Я был расстроен. Девочки смеялись заливистым веселым смехом, а у меня в душе творилось такое, что можно выразить одним словом: «кошмар!» Я сразу же завернул в переулок у кочегарки, вышел на свою улицу Кижингинскую и, очень переживая за такой вот неприятный конфуз, быстро удалился в направлении *хургуулиһаа зүүлжээ* — на восток от школы.

А в ушах звенел этот веселый смех девочек, что на год младше, что живут в моей стороне, красивых и наглых.

3.

На *работе* все движения доведены до автоматизма и, следовательно, мозг занят всякими посторонними мыслями. Пучишь помы, или же крутишь болты, а сам вспоминаешь всякие эпизоды из детства, школьных лет, институт. Так вот, недавно вспомнил эпизод из далекого детства. Мне года два-три, точно не помню. Помню, что ходил в детские ясли-сад.

Так вот, каждое утро отец меня возил в ясли в коляске, а коляска была кайфовая. Насколько помню, я любил в ней сидеть. У меня был бурятский *дэгэл*, *хүгшэн эжын оёһон*,¹ и все говорили — взрослые, когда я в дэгэле сидел, развалившись в своей кайфовой коляске, — что я похож на нойона.² Воспитательница в яслях была большая толстая русская женщина с невыносимым русским духом из подмышек, но меня любила. Говорила: «Сосед мой». Жила она по соседству с моим *хүгшэн баабайтай*.³

Там, в яслях, в горшечной (туалет, типа, где много-много горшков), стоял слишком концентрированный запах хлорки. С тех пор ненавижу этот запах. Когда жена моя начинает де-

1 Пальто национального кроя, сшитое бабушкой по отцовской линии.

2 На господина.

3 Дедушкой по отцовской линии.

лать дома уборку, беру дочку и — на улицу. Любит мыть полы и тому подобное с хлоркой. Но дело не в хлорке и тем более не в воспитательнице с русским духом, а в коляске!

Однажды зимой, как обычно собравшись в ясли, я с довольным выражением лица уселся в свою кайфовую коляску и, тут, колесо одно хруст и отлетело. Коляска покосилась. Я с раздражением слез с коляски и тупо уставился на то место, где секунду назад было колесо. Отец мне и говорит, по-бурятски: «Все, Булыха, коляска твоя сломалась. Теперь будем пешком до садика топать. Ты сильно не огорчайся, ты же ж уже большой. Хватит мне тебя катать, у тебя же ж свои ноги есть». Я подумал, действительно, я же ж уже большой, пришло время ходить самому, не всю же жизнь отец меня будет катать и, ухватившись за отцовый указательный палец, я пошел на встречу ветру и новой жизни... на своих двоих.

4.

Весна. Меня и Булытку из нашего класса вызвали в пионерскую, для того, чтобы обсудить проведение Дня пионерии. Мы пришли, сели за длинный стол, там уже были представители всех классов. Тут я заметил девочку: черные волосы, пухлые щеки, черные глаза. Я был поражен. Убит наповал. Уже четыре года учился с ней в одной школе и только сейчас ее заметил. Хотя первые четыре года было не до девочек. Как вы сами понимаете, я не стал предпринимать никаких активных действий, так как стеснялся и смущался по-страшному, даже не сказал никому, и Булытке тоже.

Мы с Булыткой были знаменосцами, а она и еще несколько девочек стучали в барабаны. Наша школа как всегда заняла в районе первое место. А потом через два года образовался класс с физико-математическим уклоном, и из нашего «А»

класса туда перешли трое: я, Мункошка и Булытка. Была осень, у меня дома был «Романтик» и пять концертов «Ласкового Мая», я носил длинную челку. Не только я, а почти все, а некоторые носили гривы, как у Шатунова. Пришли в восьмой кабинет, расселись. Смотрю, а эта девочка сидит за второй партой в первом ряду. Я засмотрелся на нее, а она, видимо, почувствовав на себе мой взгляд, обернулась, и мы встретились глазами, я ей подмигнул, она смущенно отвернулась.

Так я и не решился подойти к ней и признаться.

5.

Была районка. Я выступал в весовой категории до 43 кг — «бараний» вес. Выхожу на ринг, смотрю по сторонам и вижу наших одноклассниц. Она тоже среди них. Переживал, волновался, в итоге проиграл по очкам. Слез с ринга и пошел в раздевалку, низко опустив голову. «На ринг вызываются боксеры весовой категории до 48 килограммов», — объявляет главный судья соревнований, а я иду, и мне плохо, что проиграл у нее глазах. Зашел в раздевалку, сел на скамейку и сидел, уставившись в потолок. Голова гудела от ударов, а мысли были о ней. Сидел и думал, забыв размотать бинты.

6.

Шел я по улице Целинная, шел на Центральный стадион играть футбол. Лето, жара, на небе ни облачка. Выхожу на улицу Жанаева, смотрю — идут одноклассницы, идут цепью, сцепившись за руки, болтают о чем-то, смеются. Спрашиваю:

— *Таанар юундэ хуу бултадаа шагтагалдашоод ябаа юмтэ?*¹

Они типа обиделись:

— *Шамай яагаа юм?*² — и прошли мимо. Ушли вниз по Жанаева. Я смотрел им вслед и видел среди них только ее.

«Иии-эх!», — выдохнул я тяжелые мысли из горячей своей головы и пошел играть футбол, на Центральный стадион.

7.

Стою и смотрю на нее. Думаю: «Как же я ее люблю». Она сидит за партой и читает учебник истории, готовится к уроку. У нее розовые резинки в косичках и алый румянец на щеках, и нет ей дела до того, что я тут стою, и что-то тут думаю. Пацаны кричат в коридоре, играют в чехарду, а я стою — будто изучаю расписание — смотрю на нее и думаю, как же я ее люблю.

1 *Что это вы все сцепившись идете?*

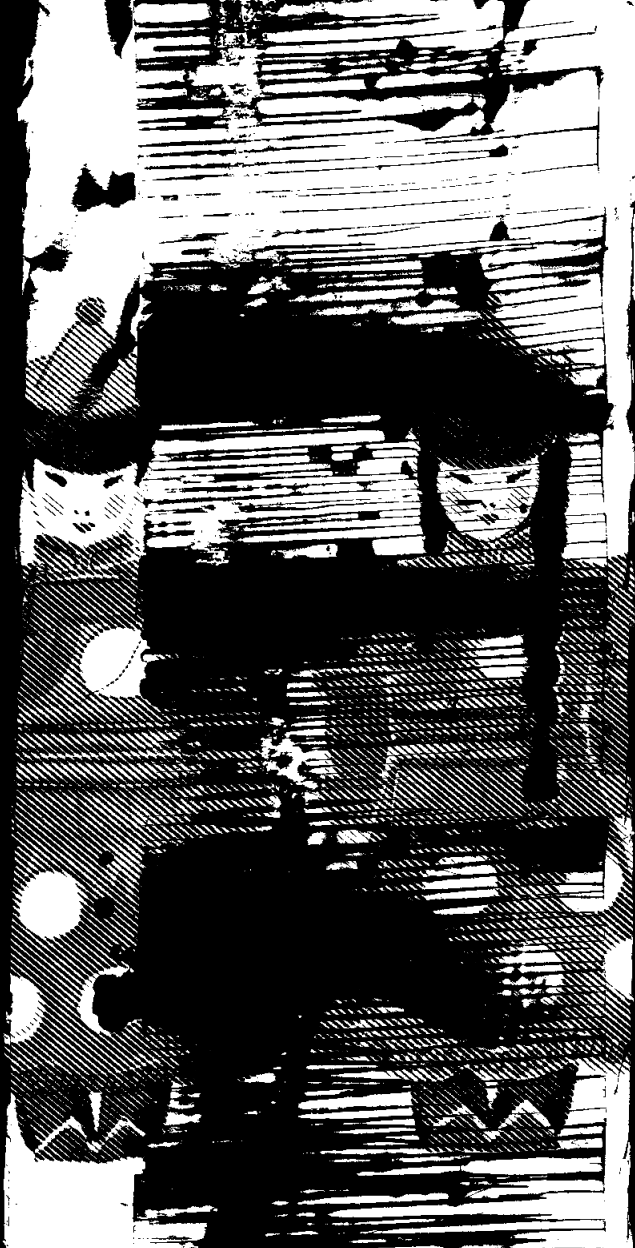
2 *Тебе-то что?*

| ВМЕСТЕ!

Если бы у меня были сильные ноги, я оттолкнулся бы ими и прыгнул через сотни километров к своей красавице и умнице — к тебе. Если бы у меня был талант, я сочинил бы про тебя самую красивую на свете песню, где воспел бы твои красивые глаза с веселой искоркой, твоей ямочке на щеке посвятил бы целый куплет. Если бы я умел летать, я воспарил бы в Небо и прилетел бы к тебе стремительным орлом. Если бы у меня был конь-ветер, я оседлал бы его и направил к тебе. Ветер в глаза, дыхание перехватывает от скорости — позвонил бы тебе в дверь и стоял бы с цветком ромашки в руке. Ты открыла бы дверь, и в твоих глазах я увидел бы радость! Я протянул бы тебе ромашку и сказал: «Я так долго ждал этого момента...». Если бы у меня был телепортер, я бы телепортировался к тебе и обнял тебя крепко-крепко, заглянул бы тебе в глаза близко-близко и поцеловал нежно-нежно...

Но у меня нет сильных ног, нет таланта, я не умею летать, у меня нет коня-ветра и нет телепортера. Но с каждым прожитым мгновением наша встреча становится ближе. Капля за каплей из времени дни; отсчитывая секунды до нашей встречи, худеет календарь, облетая листвой-днями. Улыбаюсь солнцу, подставляю лицо весеннему ветру. Отражаюсь в талой воде рядом с солнцем, иду вперед с открытым забралом, с раскрытыми картами и бьющимся парусом надежды над моей горячей головой.

Знаю, мы будем вместе.

1.

После тренировки я пришел к своей девушке. Мы уже расхотелись, уже в наших отношениях имели место быть какая-то недоговоренность и холодность (не могу слово подобрать, пусть будет холодность). Пришел, разозлил ее собаку. Собака лает, выбегает она: «Сайн!», — записку мне в руку и убегает. Разворачиваю записку, там в двух словах — все! Кончилась любовь энд бла-бла-бла. Не сказать, что я очень расстроился, но все-таки было неприятно, немного огорчился, конечно. Иду домой, думаю: «Зай, болоһон юумэн болоо»,¹ — примерно такое. Вспоминаю, как все начиналось, как я находил в своей сумке записки с признаниями в любви, вспоминаю наши прогулки по вечерней Кижинге, когда мы шли на расстоянии метра друг от друга, болтали ни о чем, и я был счастлив. Вспоминаю о том, как даже мечтал иметь с ней троих детей. Как мы целовались первый раз — зубами «тыц!». Неудачно, одним словом. И всякие разные, такие, примерно, штучки. Взгрустнулось.

Стояла ночь, то есть часов восемь-девять вечера, а зимой темнеет быстро — была темень. Тут из темноты вылезают пацаны, ленинзамские, мои ровесники, Эрдэни и Чингис:

1 Что случилось, то случилось.

— *Сайн, Булад! Архи уухагши?*¹ — была суббота, на завтра выходной.

— *Ууха!*²

Чингис из-за пазухи показывает бутылку чебурашки — «Спирт питьевой», поллитра. Пошли в Ленинзам,³ с нами девчонки на год младше. Зашли в дом Чингиса. Там никто не жил. Маленький домишко напротив Ленинзамского клуба, теперь его нету, снесли. Чингис протопил печку заранее. Развели спирт на две бутылки. Пили из горла, запивали водой из трехлитровой банки. Я смотрел на ее одноклассниц, и мне было сосем невесело. Пил я много. Со злостью какой-то. То ли на себя, то ли на нее, и, естественно, опьянел быстро. К тому же после тренировки, к тому же на голодный желудок. Помню все лишь отрывками.

ОТРЫВОК 1. Стою в позе Цоя и пою: «Перемен требуют наши сердца!», — выпячиваю нижнюю губу, девчонки угорают, пацаны курят в печку и тоже угорают. ОТРЫВОК 2. Бегаю вокруг печки, прыгаю на диван, падаю с дивана, опять вокруг печки и опять на диван. ОТРЫВОК 3. Хватаю Чингиса и — с криком: «Прогиб!» — бросаю его. Затем просыпаюсь. Девчонки нет. Чингис и я на диване. Тренировочные лежат по всему дому, видимо, я их разбросал в каком-то энергичном порыве. В голове цель: «Домой!». Кое-как собираю вещи в сумку, надеваю полушубок и на нетвердых ногах выхожу из дома. Смотрю на небо. Полная луна, ясное небо и миллионы звезд глядят на меня равнодушно. С перил крыльца хватаю ладонями снег и тру им лицо. Выхожу на улицу и, шатаясь, направляюсь домой. Пьяный и кривой, как турецкая сабля.

1 Привет, Булат! Водку будешь пить?

2 Буду.

3 Восточная часть Кижинги, по названию существовавшего ранее колхоза «Ленинай Зам» — «Путь Ленина». (ред.)

2.

Иду домой по улицам Ленинзама. Здесь на этих улицах прошло мое детство, здесь я маленький бегал на речку, здесь я, чуть постарше, ездил на речку на велике, заранее настраиваясь на драку, старшие пацаны заставляли нас, младшаков, драться. Здесь я иду теперь с потухшими глазами, пьяный вдребезги, иду на автопилоте, в голове одна мысль: «Домой!». До сих пор есть это: напьюсь и — «Домой!», — где бы я ни был.

Прохожу мимо совхозного садика. Днем, когда садик работает, дети ленинзамские сидят на заборе точно воробьи и поют: «*Мама ерээрэй! Папа ерээрэй!*»¹ — это традиция. Так пел ахай,² когда ходил сюда, так пел я, так поют до сих пор. Смешно, когда маленькие щекастые буряты сидят на заборе и поют: «*Мама ерээрэй! Папа ерээрэй!*». Прохожу мимо водокачки, где столько воды выпито. Сюда я столько раз приходил за водой, столько раз пил воду из трубы, даже один раз зимой прилип к этой трубе губами. Прохожу по переулку, в котором меня однажды хлестнул плеткой пьяный всадник. Выхожу на улицу Жанаева, там надо перейти ров по бетонной балке, перекинутой через этот ров. Что за ров? Это во времена СССР у нас в Кижинге начали строить комплекс: баня, прачечная, школа, но все замерло почти на нулевом уровне. Сейчас все растащили по кирпичику, ров остался и бетонная балка через него. Подхожу к этому рву и, как в фильмах, балка троеится в глазах, я, как истинный буддист, выбираю срединный путь и, сделав несколько шагов, проваливаюсь вниз. Но туда намело снега — по самые края — я в этот снег: хр-р-р!

Смотрю, надо мной миллионы звезд, полная луна. Отключаюсь. На улице, как минимум, -30° .

1 *Мама, приходи! Папа, приходи!*

2 *Старший брат. Ахай — [ахэ].*

Проснулся оттого, что кто-то треплет меня по щекам. Открываю глаза, смотрю — два мужика склонились надо мной, вытаскивали изо рта. Один трет мне ноги, сняв ботинки, второй по щекам:

— *Ши хэрбши? Гэртэшни хургөөд үгэхэмнэй гү?*¹

— *Хайн даа, ахатан! Үгы, битнай өөрөө гэр хүртэрөө ошохоб,*² — поблагодарил их, надел ботинки и пошел домой. Оглядываюсь, вдали два огонька от сигарет, стоят мужики, смотрят мне вслед, переживают, наверное. Я машу им рукой: «*Хайн даа, ахатанар!*».³

Прихожу домой, снимаю полушубок, ботинки и, стараясь как можно тише, в свою комнату, на кровать, в одежде, забыв выключить свет в коридоре и в комнате. Тут заходит мама:

— *Но-ка, бодол даа! Ши хаагуур энэ хүнндөө зайгаад ерэбэ гээшэбши?*⁴

Я встал.

— *Хогтуугши?*⁵

Наблюдаю за собой в зеркале в шкафу — кривой, как турецкая сабля. Пытаюсь придать своему лицу трезвое выражение.

— *Үгы!*⁶

— *Яажашье байһан хүн гээшэбши? Үтэр унта!*⁷

Я на кровать. Мама снимает с меня одежду, укрывает одеялом, плачет.

Чувствую себя говном.

1 Ты как? Может, тебя до дома проводить?

2 Спасибо, уважаемый! Не надо, я сам до дома дойду.

3 Спасибо, уважаемые!

4 Ну-ка, вставай! Ты где этой ночью шляется?

5 Ты пьяный?

6 Нет.

7 Что же ты это делаешь? Быстро ложись спать!

4.

Утром часов в семь мама разбудила меня. Строго так: «Уһан-да ошоод ерэ!».¹ Я еле-еле передвигаюсь, похмелье ужасное, спирт как-никак. Сходил за водой, нарубил дров и тэ дэ и тэ пэ... сделал всю работу. Зашел домой, снял валенки, полушубок, шапку и с виноватым выражением лица хотел пройти в свою комнату, но мама:

— *Коридор соо һуу! Үшөө энээгүүр архи ууха, хара нохой! Би шамай унтуулхагүйб!*²

— *Ошоод унтаһуулби даа... ажалаа хуу хээ ха юмбиб.*³

В ответ жесткое:

— *Яагааб тезд!*⁴

Мама злится на меня, я ее понимаю, но и себя жалею и оправдываюсь, как могу.

— *Ходо архи уужа байдаг үгы ха юмбиб,*⁵ — на что следует бурная реакция мамы:

— *Үшөө ходо архидахашни дутаа гү?! Ши ямар һонин хүн гээ-шэбши? Би ажалдаа үдэр һүнигүи та гурбаниие хүн болгохо гэжэ оролдожо байхада, ши энээгүүр архи уунхай юумэ ерэхэши, үшөө урдаһаам дуугарха, нюһаа аршаха шадалгүй аад!*⁶

Сижу, голова тяжеленная, внутри все горит, думаю: «Анир-

1 Сходи за водой!

2 Сиди в коридоре! Будет водку пить негодяй! Я тебе спать не дам!

3 Можно я пойду прилягу? Я ведь всю работу сделал.

4 Ну и что?

5 Я же не пью водку все время.

6 Значит, еще не хватает, чтобы ты все время пил?!

Ты какой интересный?! Я на работе днями и ночами, стараюсь вас троих людьми вырастить, а ты тут приходишь пьяный, и мало того, перечишь мне, а сам еще сопли толком не научился вытирать.

гүй нууха юм аад...»,¹ — а мама разогналась, давай звонить всем родственникам: «Сайн! Энэ манай Булад үсэгэлдэр шал hogтуу юумэ ерээ. Манайда ерэжэ, энэ нэгэниие хараагтыл даа!»² — гэжэ байгаад,³ обзвонила всех родственников. И не взглянув в мою сторону: «Коридор сооһоо бү гара!»,⁴ ушла в зал, включила тв. Я сижу возле телефона, состояние близкое к самому плохому из человеческих состояний. Не могу больше сидеть, надо лечь. Мне становится по фигу до всего и я ложусь на пол в коридоре. Даже ловко так, прохладно. Отдыхая, умираю. А дело было в Сагаалган.⁵ Тут к нам заходит соседка: «Хэй! Энэ хүбүүнтнай юундэ пол дээгүүр хэбтэшөө юм?»,⁶ Мама выходит из зала: «Сайн!» — соседке, мне: «Кухня руу оро!».⁷ Я на кухню и сразу на пол, лежу, умираю. Заходит бабушка, наш родственник: «Сагаан Һараар!».⁸ Мама налила ему сто грамм, накрыла на стол. Я лежу на полу и смотрю на них снизу вверх. Лежал бы лучше с закрытыми глазами, а то выглядел тупо, наверное.

— Энэ Буладые хараагыт даа! Үсэгэлдэр архи уунхай юумэ, шал hogтуу ерээ!⁹ — на что бабушка, выпив водки, закусив буу-
зами:

— Тезд, архи уугаад hogтонгүй яаха юм?¹⁰

Как бы мне ни было плохо, я хихикнул даже: молодец де-

1 Надо было помалкивать.

2 Здравствуйте! Наш Булат вчера пьяный в стельку домой пришел. Приходите к нам, отругайте его!

3 Таким образом.

4 Из коридора не выходи!

5 Праздник Белого Месяца. Национальный праздник, встреча Нового Года по лунному календарю.

6 Ой! А что это у вас сын на полу лежит?

7 Зайди на кухню.

8 С праздником Белого Месяца!

9 Вот, отругайте Булата! Вчера напился водки, пришел домой пьяный.

10 А как же он от водки-то не опьянеет?

душка! Мама глазами на меня сверкнула так, что я сразу забыл, что было смешно и закрыл глаза, типа сплю. Тут начали приезжать нагасанар.¹ Первый — жаа нагаса.²

— *Абгай, юундэ Буладые зобоожо байгаа юмта?*³

Обращаясь ко мне:

— *Булад! Ошоод өөрынгөө шэрээ дээрээ хэбтэ! Юун гэжэ энэ пол дээгүүр хэбтээбиш.*⁴ Я доволен. Лежу на кровати. Подъехали почти все, кого мама обзвонила. Они сидят на кухне, общаются, выпивают за Сагаалган. Жаа нагаса мне принес *уһан шүлэ*: «Уу! Һайн болохо»,⁵ — подмигивает, типо нормально все. Я лежу на своей кровати в своей комнате, на табуретке рядом с моей кроватью в литровой кружке стынет уһан шүлэн, под кроватью таз, на случай, если меня будет тошнить. На кухне түрэлхид⁶ смеются, мама успокоилась. Лежу на кровати и думаю, как мало нужно человеку для полного счастья, лежать на своей кровати, а не на полу кухни или коридора. Думаю о ней... она сама разорвала, я не виноват. Думаю о вчерашнем дне. «Прогиб!», — кричал я и бросал Чингиса. Так же меня бросил «Спирт питьевой». «Прогиб!» — и я в отключке. Засыпаю, улыбаясь. В голове: «Прогиб!».

1 Дядя по материнской линии (братья матери).

2 Младший дядя.

3 Сестра, зачем же вы так Булата мучаете?

4 Булат, иди ляг на свою кровать.

С чего это ты будешь на полу валяться.

5 Бульон. Пей, полегчает.

6 Родственники.

| ОМ МАНИ ПАД МЕ ХУМ!

На душе муторно. Мысли путаются, цепляются за нее. Хочу все вернуть, но понимаю что уже конец, по крайней мере, на сегодня. Не могу найти себе место, не могу успокоиться, не могу даже наесться досыта, не могу спать как раньше — до одиннадцати часов. Мне плохо. А рядом Бэра сидит и с весьма важным видом точит топор.

Спрашиваю у него:

— О чем думаешь?

В ответ:

— Молюсь во благо всех живых существ.

— Как это?

На что он спокойно отвечает:

— Очень просто. Ом Мани Пад Ме Хум!

Мое сердце умирает как дерево, теряя надежды, одну за другой, словно листья. Холодный вечер, легкий снег, иду по улице с непокрытой головой, дышу на ладони. Снег на голове — легкая белая шапка. Где же ответ? Или, может быть, нет ответа на мой вопрос? Ладно. Сломанная, скомканная сигарета летит в урну. Мой привет стынет на устах, так и не слетев с них. Все это было в том самом сне, который я видел давно и, проснувшись, подумал: «... какой тупой сон... погасите свет!».

Как в ускоренном режиме мимо пролетают автомобили, пробегают прохожие. Сажу на скамейке, созерцаю город.

Знаешь, я хотел бы сейчас пройти с тобой по ночному городу. Пройти, чувствуя тебя рядом. Можно молча, главное, чтобы ты была рядом со мной, чтобы ветерок доносил до меня твой запах, чтобы я видел твою улыбку в свете лысых фонарей, чтобы слышал стук твоих каблучков по асфальтированной дорожке. Звезды смущенно погаснут от твоей ослепительной улыбки. Луна обиженно спрячется за облако от твоей удивительной красоты. Я буду счастлив от осознания того, что имею возможность идти рядом с тобой! От того, что имею возможность заглянуть в твои глаза и увидеть в них радостный блеск! От того, что ты разрешила мне проводить тебя домой! От того, что ты разрешила мне посидеть с тобой на кухне!

Знаешь, а у нас весна. Яркое Солнце и голубое Небо. Веселые лица прохожих и Цой в наушниках. Сердце жмет в груди и улыбка на все лицо.

Ну, а ты? А ты бежишь по своим делам, и Солнце бьет в твои красивые глаза, ветерок треплет челку, асфальтированная дорожка морщится от твоих каблучков, щекотно.

Лежу в холодном нетопленном доме, укрывшись двумя одеялами, укрывшись с головой, оставив щелочку для того, чтобы дышать. Выпускаю изо рта пар, который уходит из щелки в пространство комнаты и растворяется там, подобно дыму от сигареты. В печке весело горит уголь, но это нисколько не вдохновляет меня на хорошие и приятные мысли, ибо, если нагреется этот дом, то только к завтрашнему утру. А пока я лежу и дышу в щелку, укрывшись двумя одеялами, укрывшись с головой. Лежу и думаю, что надо переезжать отсюда куда-нибудь, где коммунальный рай без таких хлопот и забот, как вода, дрова, уголь. Лежу и думаю, что все-таки зашибись, что я еще живой, зашибись, что имею возможность видеть Вечное Синее Небо над своей головой, зашибись, что могу всеми своими пятью драгоценностями чувствовать этот мир. Зашибись!

Засыпаю. Снится мне сон. Снится эпизод из далекого детства. Зима. Я учусь в классе пятом. Нагаса эжы как всегда сварила мелкую картошку в мундире. Дома тепло. В печке трещат дрова. Шэрэм дээрэ,² на краю, чайник с горячим ногоон сай.³

1 Бабушка по материнской линии.

2 На чугунной плите печки.

3 Зеленый чай.

Мама сидит у себя в комнате, обложившись книгами, пишет план урока, готовится к завтрашней работе. Делает вырезки из «Буряад Үнэн»¹ и т.п. Очки ее, как всегда, съехали на кончик носа. Она сидит, укрывшись пледом, почему-то. Ахай с абгай² смотрят телевизор. А мы с нагаса эжы сидим на кухне возле жарко натопленной печки и чистим картошку в мундире. Есть такая привычка у моей нагаса эжы — наварит она мелкую картошку в мундире, начистит ее, а потом жарит с луком. Вкусно!

Вот мы сидим с нагаса эжы, чистим картошку, и она мне рассказывает про свою жизнь. Я, конечно, все это не раз слышал, но каждый раз мне любопытно, ведь она вспоминает такие моменты, что я удивляюсь снова и снова тому, какая же интересная жизнь у моей нагаса эжы. Она рассказывает о том, как ее семью два раза раскулачивали, как у них забрали все, включая шэрэм³ с печки, как угнали на принудительные работы ее отца, мать и старшего брата, как она осталась со своей восьмидесятилетней хүгшэн эжы⁴ вдвоем. Как она с арбы забрала свой торгон дэгэл,⁵ потому как кто-то ей сказал, что она маленькая и под законы эти не попадает. Как потом приехал ее брат, больной тифом, и люди перестали им помогать. Она ходила по деревне, подходила к домам, а из окон люди качали головами, мол, уходи, ничего не дадим. Как потом приехал ее отец, сходил в Шулуутын дасан,⁶ принес какие-то түгэд эм,⁷ и брат ее излечился. Потом снова забрали ее отца, брат уехал на работу в другую местность. Как однажды, проснувшись,

1 «Правда Бурятии» — республиканская газета.

2 Брат с сестрой.

3 Чугунная плита.

4 Бабушка по отцовской линии.

5 Традиционная верхняя одежда из шелка или покрытая шелком.

6 Шулутский дацан.

7 Тибетские лекарства.

моя шестилетняя нагаса эжы, перелезая через бабушку, вдруг заметила, что та лежит как-то странно, глядит в пространство, и поняла, что ее хугшэн эжы умерла. Как потом она работала в Сулхаре на лесоповале, потому что ее выгнали из школы, где она очень неплохо училась, выгнали за то, что она дочь кулака. Как она встретила моего нагаса баабай¹ после войны ёохор наадан дээрэ.² Мой нагаса баабай был с огромной шевелюрой, боевыми орденами на широкой груди, с молниями в черных глазах, гордой осанкой благородного степняка, на ходу сочинял песни и пел красивым голосом, что сердце моей нагаса эжы дрогнуло, и между ними вспыхнула любовь, которую они пронесли через всю жизнь. Когда нагаса эжы говорит о нагаса баабай, ее голос начинает дрожать, а в глазах загорается огонек. Как бы я хотел, чтобы после моей смерти так же говорила обо мне моя постаревшая жена, красиво задумавшись, а еле заметная слезинка, блеснув, тонула бы в ее черных глазах.

Проснувшись, я ощутил, что очень скучаю по своей нагаса эжы. Как же мне не хватает ее сейчас. Как бы хотелось сейчас сидеть рядом с ней, чистить картошку в мундире и слушать ее рассказы. Как бы хотелось слышать ее голос. Как бы хотелось, чтобы она целовала меня в щеки, взяв в теплые ладони мою голову. Как бы хотелось съесть ее талхатай шүлэ.³ Никто так вкусно не варит талхатай шүлэ, как моя нагаса эжы. Как бы хотелось прижаться к ее груди и вдохнуть ее запах, такой родной запах моей нагаса эжы. Не знаю даже, что это за запах, но я узнаю его из тысячи других! Любимая моя, нагаса эжы! Помню, как перед тем, как я уходил в школу, она мне всегда говорила: «*Таба абаад ерээрэй!*».⁴ Придя со школы,

1 Дедушка (по материнской линии).

2 На ёохоре (национальный бурятский хоровод).

3 Суп с лапшой.

4 Возвращайся с пятеркой!

я показывал ей пятерки. Даже, когда я учился в институте, она мне так же говорила: «Таба абаад ерээрэй!», или же «Дувайха абаһан байгаад үзөөрэй!»¹ — и, смеясь, показывала мне кулак. Помню, как мы мяха сабшадаг байгаабди.² Поставишь стегно (баранину или говядину) на чурку, и нагаса эжы показывает, куда и как надо рубить. Я рублю, не всегда попадая туда, куда она говорит, на что нагаса эжы: «Ши, Булдаа, ямар худалша хүмши!»³ — и мы вдвоем смеемся. Помню, как я, приехав из Кореи, прибежал к нагаса эжы, и мы всю ночь проговорили о всяких разных вещах. Помню, как мы с нагаса эжы постоянно критиковали действия мамы. Мама всегда говорила: «Эдэ хоёр ходо намай муушалдаг!»⁴ — на что мы с нагаса эжы смеялись. Помню, как мы с одноклассниками однажды пили водку у меня в ограде и спалились моей нагаса эжы, но ее реакция поразила моих сверстников. «Таанар хара архиншад бэшэ аад, юундэ газгаа уужа байна гэшиэбта? Үтэр гэртэ орогты!»⁵ — завела нас домой, вытащила закуску, рюмки и ушла к себе в комнату. Пацаны были восхищены моей бабушкой. Помню, как однажды, приехав к ней, вдруг с удивлением заметил, что она постригла волосы, и понял, что моя нагаса эжы совсем постарела. Сейчас она, наверняка, сидит спиной к жарко натопленной печке и эрхеэ татажа⁶ молится, чтобы у всех у нас все было хорошо. Так пусть же все у нас будет хорошо! Потому что не может быть иначе, когда молится моя нагаса эжы.

1 Попробуй только двойку получить!

2 Рубили мясо.

3 Какой же ты, Булат, врун!

4 Эти двое меня всегда критикуют.

5 Разве вы горькие пьяницы, чтобы пить на улице?
Быстро в дом заходите!

6 Перебирая четки.

1.

Получили зарплату. Традиция: после зарплаты завтрашний день — выходной. Поехали в Ансан, отправили деньги в Россию, затем в Бупэ (буфет, то есть), шведский стол. Платишь пять тысяч воней и кушаешь, сколько в тебя влезет. Тут мой телефон: «Трын-трын! Дзинь-дзинь!». Я вытаскиваю телефон: «Алло!». На другом конце провода Батоха: «*Сайн байна, Булад! Бидэ Сокчо ерээд байнабди, юһэн сагта маанадые Ансанай автовокзал дээрэ угтаарай!*».¹ Я естественно: «Зай».²

Арсик снимает квартиру в промышленном районе Ансана. Знаете, район похожий на негритянские гетто, какой-нибудь Гарлем или Бронкс. Мусорные баки переполненные, ветер гоняет по улицам бумажки, целлофанки, катает пустые пивные банки, таксофоны с разбитыми стеклами, пьяные прохожие, дешевые проститутки со своим вульгарным боевым раскрасом на лицах не первой свежести, они курят сигареты и громко матерятся вслед проезжающим автомашинам. И там, в трехэтажном доме, на втором этаже, мой дружище Арсик снимает убогую квартирку. Кто только у него там не останавливался. Почти все буряты юга Сеула знали, что в Ансане живет Арсик,

1 Привет, Булат! Мы приехали в Сокчо, встречай нас в девять на автовокзале Ансана.

2 Хорошо.

что у него можно остановиться, что он всех примет. Пользовались этим. Иногда в корыстных целях. Комната одна, кровать двухспальная, телевизор, буфет, газовая плита с отключенным газом. Туалет и душевая совмещены. На потолке разводы, видимо, топило квартиру сверху. На телевизоре книжки «Я — вор в законе», «Гарри Поттер». Вещи Арсика аккуратно развешены на плечиках, на гвоздях вбитых в стену над кроватью. У него в квартире можно курить, бороться, пить, материться, петь песни, даже орать, так как соседи у него такие же — орут, пьют, матерятся.

Я отключаю телефон: «Арсик, можно у тебя сегодня сабантуй устроить? Пацаны приехали, водки бурятской привезли». Арсик, пожав плечами: «Ну, естественно! Ты же меня знаешь, не могу вам отказать». Все, значит решено! Набиваем животы мясом, травами, встаем и идем в РС-банг (Интернет-кафе), занимаем места и начинаем рубиться в Контер Страйк. До девяти еще пара часов.

2.

Забегаю на автовокзал Ансана, смотрю на часы — 21:15. Опоздал, блин. Смотрю — на другом конце зала ожидания стоят Батоха, Батор и ахай. Увидели уже меня, поднимают сумки и, с улыбками на лицах, идут ко мне навстречу. Объятия, рукопожатия, все дела. Выходим на улицу, тормозим тачку, едем к Арсику. Пацаны уже там, ждут нас.

Батоха, сделав очень серьезное лицо:

— *Зай, Булад, ажал байна гээшэ гү?*¹

— *Харин, хураад үзэхэл гүбди, байха ёһотойл даа,*² — отвечаю

1 Ну что, Булат, работа будет?

2 Ну да, надо поспрашивать, должна быть.

я, подкуривая синий «ЛМ», привезенный пацанами из России. А мимо — неоновые огни реклам, народу куча по тротуарам. Машины едут потоком, согласно всем законам дорожного движения застывают на красный свет, трогаются на зеленый. Батор впервые в Корее. Больше его интересует не тема нашего разговора, а вид из окна.

— *Далаар абахагүй гэшиэ гү?*¹ — не унимается Батоха.

— *Мэдэнэгүй, үглөөдэр хөөрэлдүүжэлди даа...*² — выдыхаю сизый дым в приоткрытое окно «Сонаты-2». Тут мой телефон: «Трын-трын! Дзинь-дзинь!». «Алло!», — выкидываю окуроч в окно, ловя на себе недовольный взгляд таксиста. На другом конце провода: «Чо! Вы едете?» — Арсик. «Едем! Будем минут через десять». «О'кей!». «О'кей!» — привычка корейская. На работе постоянно «О'кей!». Тимджан кричит: «Булат, пом олемын польту чэе о'кей?» — я, вытирая пот с лица: «О'кей!». И так всегда: «О'кей? О'кей!». Это «О'кей!» вошло в наш повседневный лексикон, хотя сейчас уже все, исчезло, чему я, собственно, рад: не люблю американцев, несмотря на то, что Джим Моррисон, Чак Бэрри, Курт Кобейн, но есть что-то, что заставляет меня не любить американцев, наверное, это еще из СССР — холодная война и тому подобное, «тлетворное влияние Запада», все это оставило свой след в моих географических пристрастиях.

Подъезжаем к Арсику, мимо этих самых мусорных баков, полных мусора, мимо пьяных прохожих, дешевых проституток, мимо постового на перекрестке. Поднимаемся на второй этаж. «Тык-Тык-Тык!». «Чкхк!» — дверь открывается, на пороге Арсик со своим пиратским прищуром: «Сайн байна!».

1 *За семьдесят не возьмут?*

2 *Не знаю, давай, завтра поговорим.*

У Арсика пребывают двое мужиков-бурят. Лет под пятьдесят. Скитаемся, говорят. С работы уволились, зарплату им не заплатили, денег нету. Хана, одним словом, черная полоса. Мы все тоже в таких ситуациях не раз бывали и поэтому понимаем их. «*Барагал даа! Ажал олон ха юм, нэгэ юумэн олдохол даа!*»¹ — поддерживаем их. Пьем «Байкал», курим «ЛМ». Батоха рассказывает мне кижингинские новости. Ходят слухи, что я здесь в Корее женился, что у меня здесь жена, даже ребенок! Я недоумеваю: кому это надо про меня такое придумывать? Странно и очень неприятно. Блин! Ахайшка, как всегда, что-то увлеченно рассказывает пацанам. Тут Арсик, доставая из-под кровати гитару: «Булат! Давай сбцаем чо-нить!», я: «Базар тебе нужен!». Мужики: «*Буряад дуугаа дуулая!*».² Я, настраивая гитару: «О'кей!». Смотрю на мужиков, у них лица печальные — коричневые буряты, деревенские. Что заставило их покинуть Тоонто нютаг³ и приехать в эту Корею? Нужда. Работы ведь в деревнях нет. Забивают скот, меняют свои родные — Бадмаев, Дамдинов, Батуев — фамилии на корейские — Цой, Хан, Ким — и едут в Корею в надежде заработать денег для учебы своим детям... и зарабатывают! Но бывает, что спиваются и ходят по христианским миссиям, питаются там. Всяко бывает, главное, чтобы людьми оставались. Настроив гитару, затягиваю очень красивую песню Баира Батордоржиева на стихи не знаю кого: «*Саран хүүхын аялгаар, дайдамни уняар-тан нэргэнэ...*».⁴ На припеве вдруг один из мужиков начинает плакать навзрыд, в полный голос. Только заехавшие пацаны

1 *Да ладно, бывает! Работы ведь достаточно, найдется что-нибудь.*

2 *Давайте петь бурятские песни.*

3 *Родину.*

4 *«Под напев кукушки, в дымке просыпается моя степь...».*

смотрят с удивлением, остальные с пониманием. Я не оставлюсь все три куплета. Когда затихает последний аккорд, мужик говорит: «Хүлисөөрэйгты!».¹ Мы в один голос: «Барагал даа!».² Мне самому вдруг стало грустно, вспомнилась родная Кижинга со своим лаем собак, мычанием коров, с прохладными рассветами, с ясным Вечным Синим Небом, когда летом просыпаешься по утрам от: «Еэр! Еэр! Еэр!» — это кто-то выгоняет коров на пастбище. Затосковал по своей улице с Чингисом, который по утрам звал свою собаку: «Пири! Пири! Пири!». Громко звал. А Пират у него был глупый. Когда Чингис его отвязывал по ночам, тот убегал и домой как-то не очень хотел возвращаться. Поэтому по утрам Чингис ходил по окрестностям с цепью и кричал: «Пири! Пири! Пири!». И так повторялось почти каждое утро. Затосковал по нагаса эжы. Она, наверное, также сидит спиной к печке и эрхээ та-тажа байна.³ Затосковал по маме. Она, наверное, также сидит за своим заваленным книгами столом и пишет план открытого урока, а очки ее, наверняка, съехали на кончик носа. Я бы тоже заплакал, но я рад, что могу так тосковать. Рад, что понимаю этого эльгэ нимгэтэй⁴ бурята! Рад тому, что мы здесь собрались, буряты, и у меня сложилось такое впечатление, что мы ни в какой ни в Корее, а в Кижинге или где-нибудь в Солдатском. Говорим буряад хэлэн дээрэ,⁵ поем буряад дуунууды.⁶ Рад! Спасибо, Ансан! Люблю этот город! С его быстрым ритмом, с его монгольским рестораном, с его «Лайф

1 Простите.

2 Да нормально.

3 Перебирает четки.

4 Сентиментальный.

5 На бурятском языке.

6 Бурятские песни.

зоной», с его биржами труда, на которых мы сидели и ждали, пока нас не наймут. С его кошевыми, «гробиками», с его драками между узбеками и казахами, с его промышленными районами, с его Чутэк Сагури, на котором мы боролись с Батхой, загородив движение, машины стояли и бибиликали нам, типо, пропустите, а мы боролись. Народ на тротуарах свистел и кричал, болея за нас.

Спасибо, Ансан!

7 0 0 - 8 8

8 8 0
안산시

| РИНГТОН

Вчера сидел и думал, какую песенку поставить на звонок телефона. А то эта: «Аллах акбар! Возьми трубку, Чечня на связи!» мне надоела.

Сидел и слушал все подряд. Кино, Ленинград, Зоопарк, Земфира, Каста, Триада, Крэк, Дип Перпл, Зэ Дорс и тому подобное что есть у меня на телефоне. В конце остался Дип Перпл. Уже установил «Смоук он зэ уотэ», но потом передумал и поставил Земфиру, «Хочешь?».

Мне понравилось, что телефон голосом Земфиры говорит мне: «Пожалуйста, не умирай или мне придется тоже...».

Страдание. Сегодня я как-то слишком явно ощутил, что каждую секунду своего существования делаю не что иное, как страдаю. Это даже не то как, например, страдание от боли, когда прищемишь в дверях какую-нибудь конечность, не то как, например, страдаешь, когда тебя обманет кто-нибудь близкий, которому доверял как себе, это даже не то как, например, страдаешь, когда ты далеко от своей родины. Это страдание скрыто в тебе и с каждым мгновением оно становится все яснее и острее. А все дело в том, что окружающая нас действительность — это Хорбоо, такая подлая штука, что, за что бы ты не зацепился, все то, что казалось тебе прочным, окажется на самом деле фуфлом. То, что казалось нерушимым, разрушится как картонный домик в одно мгновение — вроде было, а теперь лишь пыль. Сейчас ты вроде сыт, но пройдет несколько часов и придет страдание оттого, что захочется поесть. Сейчас тебе вроде тепло, а выйдешь на улицу — и будешь страдать от холода. Сейчас ты вроде радуешься от общения со своими друзьями, но придет день — и будешь страдать оттого, что тебе вдруг не с кем распить бутылку водки. И так

можно продолжать до бесконечности. Почему это так? А потому что, дорогие мои, мы здесь — в Хорбоо, которое меняется каждое мгновение. Вроде бы говорю, что сейчас я здесь, но с тем самым мгновением как я сказал, это уже становится прошлым, уже что-то изменилось. И знаете, хочется отсюда уйти: уйти не оглядываясь, уйти, не цепляясь за те привычки, которые имеют место быть. Уйти смело, уйти бесповоротно. Уйти! Уйти! Уйти!

Говорят, в древности, да и сейчас, наверное, тоже, Налжорба (Йогины) уходили от Хорбоо в горы и труднодоступные места и занимались духовной практикой, надев на шею ожерелье из человеческих костей. Это не кровожадность. Это для того, чтобы напоминать себе каждую секунду, что скоро, очень скоро их тело станет трухой и костями, чтобы в то короткое мгновение, пока они есть на этом свете и имеют возможность вырваться из Хорбоо, они не думали ни о чем, кроме как: «Уйти! Уйти! Уйти!».

*Энэ наһандаа гү, үгү һаа, нүгөө наһандаа Налжорба боложо энэ Сансарын хүрдэһөө гарахамни болтогой!*¹

1 Пусть в этой или в последующей жизни я стану Налжорба и покину круговерть Сансары!

Где-то произошло нападение на инкассаторов, кровавое ограбление казино в Лас-Вегасе. Где-то какой-то шизанутый студент хладнокровно застрелил из автоматического армейского ружья двадцать пять студентов в коридорах университета какого-то южного штата. Спокойно переходил из аудитории в аудиторию, *headshot, doublekill, multikill...*

У Дамдина корова отелилась двумя телятами, ветром сдуло антенну мтс, снег помешал футболистам сборной России показать техничный футбол, хотя все знают, что никакого техничного футбола в России нет — был хоккей, и тот продался сша, и теперь наши хоккеисты тупо забрасывают шайбу в чужую зону и бегут туда быками, тупыми быками. Силовой хоккей — к черту, а раньше, будучи ребенком, я сидел и смотрел хоккей. Никто не мог оторвать меня от телевизора, когда играли цска, Крылья Советов, Спартак, чемпионат ссср — это был хоккей, а сейчас? К черту! Такой хоккей нам не нужен!

Где-то упал пассажирский самолет, погибли все пассажиры. Где-то кто-то сделал предложение своей единственной, и она радостно согласилась. Кто-то плачет и несет в руках отвергнутый букет, кто-то бежит на свидание, запыхался, а у него из кармана летят бумажки — деньги. Кто-то сидит и думает о трех рублях, а кто-то о трех миллионах.

А у нас тут вчера выпал снег. Проснулся утром, а на заборе за окном лежит снег, такой ненужный и нежный снег. Я бежал и вдыхал этот свежий снежный воздух. Бежал, раскинув руки, глядя в Вечное Синее Небо, потом поскользнулся, чуть не упал и, к черту, перестал бежать как Кевин Костнер в фильме «Танцующий с волками», правда, он там не бежал, а скакал на лошади. Враги стреляли в него из ружей, пушек, пистолетов и никак не могли попасть. Движущаяся мишень, чего вы хотели? Это вам не по самураям из пулемета, ну, да ладно.

Знаешь, я часто мечтаю, я всегда это делаю, с самого детства — мечтаю. Возможно, реальность несколько не соответствует моим мечтам, но мне все равно. Я верю и надеюсь, этим и живу.

Обернусь свирепым серым волком и продерусь сквозь весенние ветра, снега и дожди к своей нежной волчице. Раскину руки-крылья и стремительным Степным Орлом прилечу к тебе, усядусь на твоём подоконнике и буду смотреть, как ты спишь, как ты смешно морщишь носик, как улыбаешься во сне. Улягусь неподкупным, лютым волкодавом у твоих дверей, никого не подпущу, отпугивая яростным рычанием. И если ты мне скажешь те несколько слов, я сойду с ума. Побегу быстро-быстро, чтобы ветер в ушах и, подпрыгивая, буду хлопать ступнями, как зайчик из диснеевских мультиков. Буду прыгать, хохотать и стонать, как шаман в иступленном экстазе...

И еще, милая моя, знаешь, первый подснежник, пробившийся из-под тяжелого и черного прошлогоднего снега — для Тебя! Крик Степного Орла, извещающего всю степь о том, что пришла весна — Тебе! Песенка звонкого веселого весеннего ручейка — о Тебе! Звон капли искрящейся на ярком Солнце — про Тебя!

Украдем друг друга у всех! Убежим в Вечное Синее Небо танцевать страстную самбу!

Хочешь?

| ЗИМНИЙ ДОЖДЬ

«Знаешь, каждую ночь я вижу во сне море...», — поет в наушниках Цой. Иду по чужому городу, натянув бейсболку на уши, сверху надев капюшон куртки, засунув руки в карманы джинсов. Идет дождь, зимний дождь. Иду и понимаю, что безнадежно простыл. «Кхе! Кхе! Кхе!», — кашляю. Рюкзак за спиной намок и стал тяжелым. «Как хорошо, что часть вещей оставил у Арсика», — думаю, спускаясь в метро. Перепрыгнул через турникет, спустился на розовую ветку. Денег нет. Еду к Арсику... к Арсику... к Арсику...

Зуб разболелся еще вчера. Теперь я не могу даже спать, не то, что бы кушать. Адская боль. Такое ощущение, что я уже привык к боли, что уже не может быть хуже, чем сейчас. «Я люблю ночь за то, что в ней меньше машин...», — Цой в наушниках. Его песни как бальзам на мою больную душу, будто он, Виктор Цой, рядом, будто гладит меня по голове, успокаивая своими песнями, как брат. Да! Он мой старший брат, который привозил мне пельмени в больницу. Я стоял, маленький, в больничной палате, смотрел в окно и ждал ахай — старшего брата. Он приезжал, привозил мне передачу, гладил по голове и, заглядывая мне в глаза, спрашивал: «Зай, хэрэбши даа?». ¹

Сейчас Цой из наушников гладит меня по голове и участливо вопрошает: «Зай, хэрэбиши даа?»...

«Кхе! Кхе! Кхе!». Болят суставы. Такое ощущение, что скелет мой принадлежит не мне. Весь скелет болит. Болят кости от встряски, когда кашляю, тело содрогается, и от этих содроганий кости болят, еще к тому же этот зуб. Короче я расклеился. Хочу домой! Хочу, чтобы обо мне заботились, чтобы сидели рядом со мной мои близкие, заглядывали мне в глаза, хочу чувствовать на лбу теплую участливую ладонь. Сижу в вагоне метро, прикидываюсь спящим, чтобы не уступать место старикам и старухам. «Дождь не может идти вечно...» — думаю я. «Все меняется. Надо пережить это. Мой организм справится с этой простудой, а зуб? Выдернуть к черту его! Арсик его вырвет. Арсик его вырвет!», — засыпаю. Проснулся оттого, что кто-то тормозит меня. Смотрю — на конечной станции. Блин! Проспал свою остановку. Поднимаюсь, одежда влажная, джинсы липнут к ногам. «Брррр!» — неприятно. Вышел на перрон, поднял глаза к небу: «Шалсаана Буурал Баабай, харалсыт даа намайгаа! Хэрэгүүдни бүтэмжэтэй байгал даа! Үбшэ хабшанда халдангүй, элүүр энхэ ябахыем хаража байгаарайгты! Намайгаа харалсаарайгты!».¹ А на небе ни одной знакомой звезды. Ночь. С неба падают зимние капли. Я стою на перроне в совершенно чужом городе абсолютно чужой страны, простуженный, мокрый, замученный зубной болью, без денег.

«... Может будет тот день, может будет тот час, когда нам повезет», — Цой в наушниках. Печаль в моих глазах. Ночь. Зимний дождь.

1 Белый старец горы Челсана, прошу, оберегайте меня!
Пусть дела мои будут удачными! Да не пристанут ко мне болезни,
да буду я здоровым! Оградите меня от напастей!

| ПЕЧАЛЬ

Все. Я уже не верю. Не верю я всей этой болтовне. Уйди! Не стой у меня на пути! Вообще забудь меня, забудь номер моего телефона! Забудь коленки в «Аэрофлоте», Нирвану в «Стрингсе», забудь запах унай¹ во дворе, костер в Соорхой, забудь «неуд» в зачетке. На фиг тебе это все нужно?! Забудь и прощай!

Ушел. Ушел, оставив за собой следы на белом, свежем, хрустящем снегу. Пар валит из пасти низкорослого, бошкастого, мохнатого коня. Блики огня играют на стали. Все это похоже на какую-то разводку. Где-то, что-то не так, вроде все как всегда, так же как и всегда, солнце встает каждое утро, так же как и всегда гудят машины за моим окном, так же как и всегда поет Цой в наушниках, но что-то не так...

Печаль. Солнце село уже. Темно. Холодно. Дую в ладони. Доживу ли до понедельника?

1 Дым кизяка для отпугивания комаров и гнуса.

Улаанбаатар. Хожу по городу с завернутым в душу воплем. Быть может, оттого, что не все в жизни совпадает с теми понятиями, к которым я привык, и наплевать на то, что не сходится решение данной проблемы с ответами в конце задачника. Главное, что оно есть, хоть какое, но решение. Быть может, это бред, но меня пока устраивает такое несоответствие. Быть может, скорее всего, так и будет, что в будущем буду улыбаться над этими строками и, качая головой, думать: «М-да, было время...». Так сейчас я вспоминаю себя четырнадцатилетнего: с «Ласковым Маем» в голове, пачкой «Опала» в кармане, с отражением кижингинского синего неба в глазах.

Все меняется. Как бы мы ни хотели, чтобы все оставалось неизменным и прочным, в конце концов, становится изменчивым, прочное становится хрупким и рассыпается на миллионы частей, из чего вытекает, как следствие, этот вот свернутый в душу вопль.

Но тут есть одно огромное но. Мы ведь живы. Надо, значит, жить и идти дальше. Пересмотреть все: ненужное забыть, нужное переосмыслить и, гордо подняв свой продырявленный пулями и осколками будней, опаленный огнем страстей и привязанностей флаг, двинуться вперед к известному концу.

Ом Мани Пад Ме Хум!

| ПОБЕДА НАША!

Какие-то несколько слов могут сделать тебя счастливым, самым счастливым человеком среди всех людей, но могут также и ранить: прямо в сердце.

Упал, пронзенный вражеской стрелой. Упал, будучи уверенным в том, что уже все — победа наша! Мой конь умчался в черную степь. Унес с собой правый гутул.¹ Мой меч сломался о каленое копьё врага. Сердце перестало биться, глаза сомкнулись, выхватив из пыльной степи красный цветок улаалзай.²

Слова уже не слетят с моих уст, чтобы обжечь любимую нежностью и теплотой. Моя единственная не дожидается меня. Будет стоять и смотреть на Юг, но так и не дожидается своего Степного Орла.

Закат. Моя стрела не долетела каких-то несколько метров... потеряла всю свою кинетическую энергию и... упала легкой деревяшкой — «тыц».

Как бы там ни было, но победа наша!

1 Сапог.

2 Саранка (лилия кудреватая).

Я вышел из парикмахерской и весело зашагал по весенней солнечной улице. Настроение отличное. Оно напрямую зависит от количества выпитого пива, а выпито 1,5 литра «Верхнеудинского». Конечно, это отвратительное пойло, но в то время, в далеком 199..-м году, я не был знатоком хорошеи пива и поэтому «Верхнеудинское» вполне меня устраивало. За спиной, в дермантиновом чехле черного цвета, гитара «Урал», в рюкзаке два тетрапака испанского вина «Крузарес», в кармане пачка папирос «Казбек», в голове красиво дымится бардак. В витринах магазинов я похож на Бадди Холли. Иду по весенним лужам и мне по фигу, что у меня проблемы по матанализу, по фигу, что моя девушка на меня обижена, по фигу, что я на последние деньги купил два «Крузареса», пачку папирос и подстригся, главное, что на мне черная куртка как у Цоя, и в рюкзаке вино. Иду к друзьям. Иду бухать, и мне никого и ничего не нужно. Солнце под ногами. Небо, Вечное Синее Небо раскинулось надо мной. Я шагаю по лужам, и мне зашибись!

Проснулся в кошевоне — в этом, как мы его называли, «гробике». Комната 2×3, без окон, телевизор, вешалка, матрас на полу, вентилятор на потолке. Состояние: голова болит, сушняк. Вот так и умирают, думаю. Душно, покрыт тонким слоем пота. Футболка липнет к телу, делаю усилие, поднимаюсь на ноги, ощущение, что голова притягивает легкие штучки вроде пушинок и прочего. Роюсь по карманам в надежде найти хотя бы чонон. Нет, только один жалкий бегон — на один телефонный звонок. Кому? Кому? Булкин в Чонане, Аюр? Нет, он уехал вчера к какой-то девочке, не помню куда, но далековато. Баяр? Не-эээ... Манвольса еще дальше. Кому? Кому? Думаю так, спускаясь к таксофону. А-а-а! Арсик! Как зашибись, что я помню его номер, он приедет, он обязательно приедет! В таком состоянии кажется что все, кого хоть мало-мальски знаешь, бросят все дела и примчатся к тебе.

— Тыыын-тыыыыын-тыыыыын-чкхххххххх...

— Алло!

— *Арс! Сайн! Энэ Булад хонходожо байна.*¹ Ты сейчас где?

— На работе, — слышно как звучит конвейер, звякают железки.

1 *Арс! Привет! Это Булат звонит.*

- Арс! Спасай, умираю.
- Ты-то сам где?
- В «гробике».

Тыщцц... Бегон закончился. Тын-тын-тын... Вешаю трубку, поворачиваюсь и, бережно неся тяжелую голову, поднимаюсь на полусогнутых ногах на второй этаж. Включаю тв и умираю. Кличко падает налево, направо, на коленки, назад. Сандерс на одиннадцать лет старше, на 30 кг легче. Негатив. Настроение падает окончательно. Слушаю коридор, затаив дыхание. Шаги, звякают бутылки, открывается дверь, и с лучами солнца в «гробик» заходит Арсик, со спасительным пакетом в руках. После обязательных ритуалов приветствия он достает запотевшую бутылку «О'Би Лэйджера», открывает его зажигалкой и протягивает мне.

- *Хэрэбиш?*¹
- Ничего. Гыр-гыр-гыр...

Чувствую, как живительная влага заполняет мое нутро, и тяжесть отступает, освобождая место легкости и хорошесть.

— На,— отрывая правую ножку жареной курицы,— *амиды-раагши?*²

- *Амидыраа...*³
- Одевайся, пошли в «Монголку», буузы кушать.

— Ага,— натягиваю футболку понаряднее, проглатывая кусок курицы. Выходим на улицу под палящее корейское солнце, выкидываем пустые бутылки в урну, закуриваем сигареты и удаляемся в сторону «Монголки».

Иду и думаю, не забуду никогда этого поступка со стороны Арса, бросил работу и приехал выручить меня, хотя знако-

1 Как ты?

2 Ожил?

3 Ожил.

мы-то всего два месяца, из них общались плотно часов десять, не больше. А дальше? Дальше еще один год вместе, на одной стройке, бок о бок. Хороший парень — Арсик. Провожал меня в Монголию, смотрел мне в глаза со своим пиратским прищуром и молчал, а я все понимал, да и зачем слова.

| ГОРОД СМЕРТИ

Обижаться, надувать губы и делать вид, что уходит, хотя по глазам, да и по движениям видно, что ей хочется, чтобы ты бежал за ней и говорил что-нибудь вроде: «Прости!», «Останься!» и тому подобное. Чтобы ты целовал ей руки, чтобы уговаривал ее, умолял, и тогда, возможно, она снизойдет до такой благосклонности, чтобы осчастливить тебя своим обществом. Но только мне это на фиг не нужно. Сажу, пью, курю и даже не смотрю в ее сторону. Хочет? Пусть уходит! *«Уходи, но оставь мне свой номер... я, может быть, позволю... а вообще, я не знаю, зачем мне нужны эти цифры...»* — Цой. Хочешь — уходи, только закрой дверь за собой поплотней, сквозит. Хочешь — оставайся, и мы с тобой будем жить долго и счастливо, хотя это все фигня, как говорит одна моя знакомая, фигня это все. Любовь — гнилая морковка, прогнившая насквозь, лежит и воняет всякими разными несбыточными надеждами, поднимешь ее позырить — что это, и будешь потом просыпаться под воздействием паров нашатырного спирта, и окажется, что прошло несколько до-о-олгих лет. *«Наступил лишь одной ногой, а в говне уж по уши...»* — Егор Летов.

Я вот последнее время частенько ловлю себя на мысли, что неплохо было бы жениться. Дети, диван, тв, холодильник и еще какое-нибудь удовольствие, и зажить себе долго

и счастливо. Лежать на диване, зырить тв, из холодильника что-нибудь вкусное взять и жева-а-ать, такой ленивый и сытый. Рядом жена-красавица, на паласе играют дети, зашибись! Только вот откуда взялась *печаль*? *«Вроде жив и здоров, вроде жить-не тужить...»*.

Моя хугшэн эжы, провожая меня, дала мне хантаас,¹ который сшила для меня, чтобы я не замерзал зимними вечерами, а теперь ее уже нет в живых, умерла. Этой осенью ездили по Улаанбаатару на такси, зажигали в ночных клубах, смеялись и веселились, ели буузы, сансар бууза — космические буузы. А вчера звонят и говорят: «Олега умер». Убили. Поздравление с днем рождения прилетело из Москвы от любимой одноклассницы, летом должны были встретиться и отпраздновать ее кандидатство, не получилось со временем. А осенью звонят: «Ирка умерла». Опухоль мозга. Встречаю родню по юности: «Зда-а-аро-о-ова!», «Хали-бали!», «Ай-уй-Саянтуй!», «Хай-вай-Тарбагатай!»,² «Как делишки? Что нового? Как Макс поживает?». В ответ: «Макс умер». Сидим, курим, уже без всяких ай-уй и хай-ваев. Передоз. Я как-то необыкновенно остро ощутил, как из меня вытекает жизнь. Я не смогу точно сказать, что в будущем году или через четыре года сделаю что-либо, откуда я могу знать, что я буду жив? *«Песен еще недописанных сколько? Скажи кукушка... Пропой!»* — Цой.

Посмотрите в Вечное Синее Небо! Вы увидите сотни больших и тысячи маленьких птиц, но как бы высоко они ни летали, все они летят в Город Смерти. Они придут туда в полном неведении о месте и времени своей смерти и в полном одино-

¹ Жилет, безрукавка с подкладом из овечьей шкуры.

² Саянтуй и Тарбагатай — название местностей в республике. Здесь — игра слов, местные жаргонизмы.

честве и поэтому необходимо искать Прибежища у Великого Сочувствующего, и повторять его шестислоговую мантру — Ом Мани Пад Ме Хум!

Посмотрите в бездонные глубины рек. Вы увидите сотни больших и тысячи маленьких рыб, но как бы глубоко они ни плавали, все они плывут в Город Смерти. Они придут туда в полном неведении о месте и времени своей смерти и в полном одиночестве и поэтому необходимо искать Прибежища у Великого Сочувствующего и повторять его шестислоговую мантру — Ом Мани Пад Ме Хум!

Посмотрите на улицы Большого Города. Вы увидите великое множество людей, старых и молодых, но какими бы они ни были сильными, умными, богатыми, все они шагают в Город Смерти, они придут туда совершенно голые, без всего того, что успели накопить за короткую, как выстрел, человеческую жизнь. Без квартир и машин, без диванов и холодильников, без жен и детей, в полном неведении о месте и времени своей смерти и в полном одиночестве и поэтому необходимо искать прибежища у Великого Сочувствующего и повторять его шестислоговую мантру — Ом Мани Пад Ме Хум!

Сию в *хүгшэн эжын оёһон хантаасе*,¹ ем сансар бууза, вспоминаю как с Иркой провожали в Томск Надю, помню Максима, который любил напевать: *«Попробуй спеть вме-э-эсте со мной! Вставай рядом со мной!»*, — и повторяю про себя: «Ом Мани Пад Ме Хум!».

1 В жилете, сшитом бабушкой.

| МИЛАЯ МОЯ, СОЛНЫШКО ЛЕСНОЕ!

Куплю себе какую-нибудь абсолютно ненужную штучку, совершенно беспонтовую, главное, чтобы была эта штучка маленькая и помещалась в кармане. Пусть будут у этой фенечки ремешки, всякие там застёжки блестящие, пусть будет эта шняга из какой-нибудь приятной мягкой материи, пусть даже будет кожаной...

Значит, буду я ходить с этой фенечкой в кармане, даже если она мне никогда и не пригодится, и я нисколько не буду беспокоиться потерять ее. Нисколько не буду плакать и прыгать в нервном иступлении, повредив ее, ведь она мне совершенно не нужна. Хотя, может статься так, что я привыкну к ней, буду класть ее перед сном под подушку, стану иногда протирать ее влажной тряпочкой, прицеплю к ней какую-нибудь очень важную вещь, типа, ключ от квартиры, где деньги лежат, или же флэшку со всеми своими программами, фотками, видео и мпз. И совершенно неожиданно для меня эта вот абсолютно ненужная штучка станет чуть ли не самой важной штучкой из всех моих штучек. А-ха-ха!

Но однажды я подойду к тебе, возьму за талию и, сделав очень торжественное и серьезное лицо, подарю тебе эту уже нужную и важную штуку, оторвав ее от своего выпяченного Эго с мясом.

Вот как ты мне дорога, милая моя, солнышко лесное!

| ЦВЕТЫ

Это может показаться вам странным, но шел снег, было очень холодно, а я шел с непокрытой головой, в расстегнутой куртке, концами моего шарфа играл ветер. Я улыбался, подставив лицо колючему ветру. Шапка слетела еще два квартала назад, но я даже не удосужился поглядеть ей вслед, я был занят совершенно другим, я был занят счастьем, которое имело место быть в моей груди, не помещалось там и лучилось из моих глаз. Я шурил их, и чувствовал, как счастье стреляет из узких щелочек крупнокалиберным пулеметом. Прохожие улыбались, глядя на меня. Наверное, их забавляло что, вот, идет чувак без шапки на сорокаградусном морозе, куртка его расстегнута, и к тому же улыбается. «Дурак!» — думали, наверное, они. А я шел, и оставлял следы-цветы. Не каждый их видел, а те, кто видел, смеялись и приветствовали: «Сайн!». Я в ответ: «Һайн!». Закидывал трамвай букетами. В ответ летели приветы: «Сайн!», «Мэндээ!», — но все больше плевки да окурки. Мне все равно. Иду дальше, пока еще есть силы идти... пока еще не замерз... пока еще живой...

1.

Пучонэ. Это деревушка в десяти минутах от городка Осан, а Осан в двадцати минутах езды от города Сувон, где состоялся матч Бразилия — Коста-Рика, 4:2. Мы работаем на заводе Ханг-Донг, делаем какие-то железные детальки. Поговаривают, что эти детальки используются при изготовлении ракет средней дальности, еще поговаривают, что эти детальки для кондиционеров. Короче, не знаю, для чего они нужны, но есть пять линий, на которых делают примерно одинаковые, но разные по размеру детальки. Нас, бурят, на этом заводе трое. Я, Олег и Баяр. Олег с Баяром работают в другую смену, то бишь, если я в день — они в ночь, я в ночь — они в день. Встречаемся только на пересменках. Со мной в смене ортодоксальные мусульмане-узбеки Бахтиар и Роз-Мухаммед. Узнав, что я буддист, Баха спросил:

— Вы, буддисты, молитесь на изображение человека, это ведь неправильно, он же не бог, а вот мы — ислам, христианство, иудаизм — имеем единого Бога... Не понимаю буддизм, объясни?

Никогда раньше не объяснял, что есть буддизм.

— У нас в буддизме нет такого понятия бог как у вас, у нас есть «состояние сознания». Когда твое сознание становится

всеобъемлющим, тогда ты сливаешься с Абсолютом, по-вашему — с Богом, что ли... примерно так... в двух словах... А человек, которому мы молимся — это Будда, он первым из людей достиг такого состояния сознания посредством медитации.

— А-а-а, как все сложно... — чешет репу Баха.

— Нет, Баха, наоборот: все понятно, сложно у вас. Вот скажи мне, где твой Аллах?

Баха, глядя на меня, чувствует какой-то подвох, показывает на небо.

— Раз на небе, стало быть, везде?

— Ну, да...

— А тогда почему ты, да и все мусульмане молитесь на Мекку? Почему?

На что Баха не может дать вразумительного ответа.

— Ну, так в Коране написано.

— А Коран кто написал? Человек?

Баха начинает злиться:

— Не просто человек, а Пророк!

Я не унимаюсь:

— Вот ты, Баха, в свои двадцать лет женился бы на сорокалетней вдове?

— Нет!

Я вспоминаю все, что я знаю о Мухамеде.

— А он, Пророк-то ваш, женился, потом еще несколько раз женился на вдовах, заметь, Баха — на вдовах, тем самым он стал обеспеченным человеком...

— Ну и что? Люди-то разные бывают...

— Люди-то разные бывают, а мы с тобой разбогатеть таким способом считаем неправильным, так ведь?

— Ну, в общем-то, да.

— Теперь ты, Баха, стоишь тут передо мной и говоришь, что

молишься на Мекку, потому что так написал человек, разбогатевший способом неприемлемым с твоей точки зрения и, таким образом, получивший время и деньги для своих молитв...

— Не, если ты, Булат, враг, так и скажи, что ты враг!

— Не-э-э... Баха, я не враг, ты уж поверь мне. Просто ты сам начал этот разговор. Зачем нам судить другие религии, не разобравшись в своей, правильно? Давай не будем об этом. Тебе кажется неправильным молиться на изображение человека — мне кажется неправильным верить всему, что написал человек, живший по неправильным понятиям. Давай закончим.

— Давай!

Стоим на улице. Курим сигареты и думаем каждый о своем.

2.

Я купил себе плеер «Sony», у меня кассеты «Кино», «Ленинград», «Ласковый Май», «The Doors», «Metallica», «Nirvana» и тэ пэ.

Встанешь у станка и слушаешь эти кассеты. Время летит быстрее. На пересменах домой я не тороплюсь: пообщаешься с пацанами, перекрутишь кассету с «Кино» на начало песенки «Кончится лето», выключишь плеер. Затем выходишь с завода, врубаешь плеер и, с первыми аккордами песни, бежишь домой. Цель — добежать до дома до конца песни, — минуты за три-четыре.

Зима.

«... я выключаю телевизор, я пишу тебе письмо про то, что больше не могу смотреть на дерьмо...», — Цой своим — моим любимым — голосом. Я бегу по заснеженным рисовым полям, на этнической родине Цоя. Не успеваю добежать, но с каж-

дым разом все дальше и дальше продвигаюсь за песню. Когда работаю днем: бегу по ночным рисовым полям. При свете луны искрится белый снег, хрустит под ногами, я тороплюсь, бегу, и пар валит изо рта. Когда работаю в ночь: бегу по утренним рисовым полям. Солнце встает на востоке, озаряя рисовые поля, я стою на пригорке, курю сигарету и настраиваюсь добежать-таки сегодня до дома за эту песню, выкидываю окурок, разминаю ноги, шею, руки, врубаю плеер и начинаю свой бег. Нет. Не успел добежать каких-то метров двадцать до дома, но ничего, я добегу, я обязательно добегу...

«... может будет тот день, может будет тот час, когда нам повезет...», — из наушников Цой. Бегу, хватая раскрытым ртом свежий морозный воздух, по заснеженным рисовым полям, в тысячах километрах от своей родины. Бегу с целью добежать, бегу с целью убить время, бегу к цели. Так и мы — все бежим куда-то с целью, а цели у каждого свои.

Забегаю на этаж, достаю ключ из-под бака, открываю дверь, захожу в квартиру, и тут песня заканчивается. Я доволен. Добился своего!

Первый раз я видел танец орла в исполнении Алдара Гончикжапова году эдак в 1987-м, когда он стал Абсолютным Чемпионом по Бүхэ барилдаан¹ на районном Сурхарбане.² Впечатление было потрясающее. Пластика, величие силы, красота движений, все, что есть у бурят красивого — все в этом танце. Потом сам пытался также танцевать, когда, естественно, никого рядом не было. Нравятся мне эти движения. Наверное, потому, что в крови сидит это понимание красоты национального танца. В детстве боролись на речке в Бүхэ барилдаан, уронишь кого-нибудь, и — обязательно — танец орла!

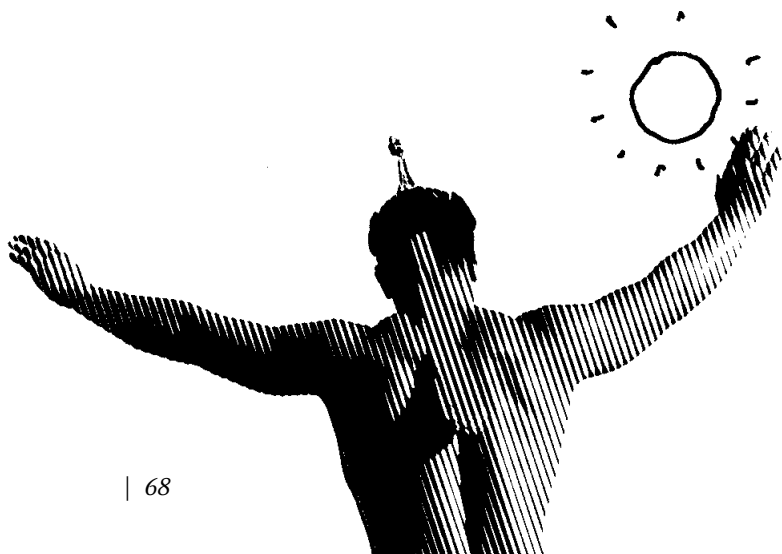
Прошли годы. Иду по улице Сеула, льет дождь, я без зонта, промокший до нитки. Навстречу торопливые прохожие, мимо — автомашины. Смотрю на это все, а вижу перед своими глазами родную Кижингу. Ее улицы, залитые дождем, вижу свой родной дом, вижу лица родных, слышу песню вольного ветра, гуляющего по кижингинской степи, чувствую запах родной улицы. Стосковался я по Тоонто Ньютаг,³ дорогие мои,

1 Национальная бурятская борьба.

2 Сурхарбан — летний национальный праздник с Тремя играми мужей: национальной борьбой, стрельбой из лука и конными скачками.

3 По родине.

стосковался ужасно! Что делать? Как избавиться от этой то-ски? И тут я, абсолютно интуитивно, абсолютно неосознан-но, вдруг начинаю танцевать танец орла. Пешеходы, проходя мимо, изумленно смотрят на меня. Из окон автомашин глядят на меня удивленными глазами. Мне все равно. Я танцую та-нец орла! Я, стосковавшийся по Тоонто Ньютаг, бурят. Я весь в этом танце! Я выплеснул все, что не мог сказать словами, да и некому было сказать, да и нет таких слов. В этом танце я весь без остатка. Смотрите на меня, вот он я — танцую Танец Орла!

У нас в Кижинге нет ни яблонь, ни груш, зато есть степь, которая проснется после зимы. Побегут ручьи, поднимется трава, потучнеют стада — я приеду домой, оседлаю своего черного Морхоона и улечу в степь. Остановлю коня у буусы¹ что в местности Шанаа, в десяти километрах от центра, расседлаю его и отпущу пастись. Сам же лягу на берегу Кижинги и буду валяться на спине, закинув руки за голову, буду смотреть в Вечное Синее Небо, думать о Вечности и моем месте в нем. Кижинга будет шептать мне о том, что произошло в степи в мое отсутствие. Прошепчет о том, что розовощекая черноглазая Оюна приходила сюда, на это место, посидела минут пять, затем вскочила на свою гнедую кобылу и умчалась на юг, и что ее слеза вскормила росток цветка улаалзай.² О том, что у хромого Дамдина медведь-шатун забил четыре коровы, одну за другой, и многое другое, а я буду улыбаться и думать, что все-таки зашибись, что нет здесь ни машин, ни асфальта, ни троллейбусов, ни гаишников со свистками, ни толпы в переходах метро, да и самого метро зашибись, что нету...

¹ Бууса — родовое место; стойбище, стоянка.

² Саранка (лилия кудреватая).

| ЛЕТИТ МОНЕТА

2002 год. Лето. Жара, тополиный пух, плавящийся асфальт. Пространство, брошенное между бетонными коробами и асфальтом, нагрето до такой степени, что очень хочется уехать в деревню, домой. Сесть на мотик, велосипед, коня, машину, вертолет, самолет (хотя самолет вряд ли, взлетная полоса и всякое прочее нужно, не-э-э, самолет отпадает) и уехать на Кодун. Валяться на его крутом берегу, раскинув руки, и смотреть в Вечное Синее Небо... или уйти в лес... бродить там, делая вид, что по грибы, хотя на фиг они мне нужны, да и дождей нет, какие на фиг грибы, но зачем-то ведь надо идти, и поэтому пусть будет, типа, по грибы. Пугать бурундуков, их там много, и они ужасно любопытные, кидаются шишками, смеются и горланят свои дурацкие песни (про песни я только что придумал, не верьте всем словам). Или просто тупо лягу у себя в огороде под кустом смородины, в прохладной тени, и буду сквозь ветки и листья глазеть на солнце. Солнце! Солнце дома светит иначе, светит по-другому. Примерно такие желания у меня имели место быть, когда вечером к часам 20:00, в квартире, где я проживал со своей семьей (жена, дочка), раздался звонок, который, как оказалось, был звонком перемен, подобно школьному звонку, который кричит о том, что что-

то закончилось и должно начаться нечто новое. Это звонил мой друг Баяр. Сидели мы с ним во дворе, курили сигареты, попивали пиво, как он вдруг говорит: «Поехали в Корею?», — и в двух словах описал все плюсы. Коротко они звучали так:

- 1) 1500 \$.
- 2) За год я смог бы закрыть долг за квартиру.
- 3) Съездить в Корею, позырить на другую страну.

Я сказал, что подумаю. Смотрел вслед уходящему Баяру и думал: «*Нээрээшье ошоод ерэхэм гээшэ гү?*».¹ В кармане у меня лежала пятирублевая монета, я вытащил ее и решил (это решение перевернуло всю мою жизнь): «Решка — еду! Орел — остаюсь!», — и подкинул монету. Летит монета в Небо, летит, крутясь вокруг своей оси, летит и не знает бездушная железка, что оттого как она упадет, зависит судьба нескольких людей: меня самого, жены, дочери.

Летит монета...

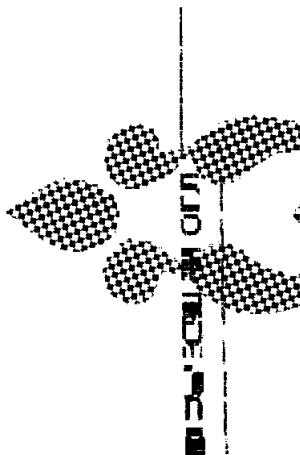
1 А может мне и на самом деле съездить?

| БЛИСТАЮЩИЙ ЯРКИЙ ДЕНЬ

Блистающий яркий день. Блистающий яркий шлем. Блистающе яркое настроение. Я вышел из дома и пошел в блистающий яркий день. Иду к тебе, хотя это не совсем к тебе, но все-таки к тебе. Я увижу твои тексты, увижу твои буквы, увижу и ощушу твое присутствие в он-лайн. Он-лайн, он-лайн...

Это тяжело, когда он-лайн и голос из телефона. Хочется увидеть твое лицо, хочется вдохнуть твой запах, хочется почувствовать тебя рядом с собой, услышать звуки твоего голоса из первоисточника, а не переданные через сотни километров звуковые волны, преломленные издержками сотовой связи. Хочется тупо обнять тебя и заглянуть в твои глаза — близко-близко. Но я точно знаю, что это случится, что будет наша встреча и будет общение в реальности, не в виртуальной, а в реальной реальности. Я знаю разницу, хотя не исключаю возможности, что найдется такой умник, который запутает меня в реальности, и я, может, даже отвечу, что виртуальная реальнее, чем реальная реальность... блин! Но я-то знаю, чего я хочу! И плевать мне на эти схемы, логические схемы, схемы, схемы... как паутина заплели мое сознание — схемы. Есть много разных схем, и все они у меня в сознании. Они даже противоречат друг другу, но я каким-то образом делаю вы-

борку в пользу какой-нибудь одной из них, слушаясь здравого смысла или шагая на поводу у своего гнева, страсти, незнания чего-либо. Схемы. Логические схемы. А есть не совсем схема, недосхема или пересхема, или совсем не схема, а уверенность. Есть уверенность! В том, что одна схема сработает! Она обязательно сработает! Не может не сработать, потому как, я всю жизнь искал решение этого уравнения, но не мог найти, ошибался, а сейчас, подставив данные, интуитивно почувствовал, что вот оно — решение! Вот оно! И все сходится до мельчайших частей, идеальное совпадение. Ощушаю радость от того, что ответ сошелся с ответом в конце задачника. Сошелся до 100 000 чисел после запятой! И я иду в блистающий яркий день к тебе! Солнце весело светит в глаза! Ветер швыряет в лицо шорой!¹ Я иду широкими шагами, шурясь от весеннего ветра, улыбка на все лицо.

Мы расстались в прошлой жизни возле покоянного временем куста акации, чтобы в этой жизни встретиться там же.

Я бежал на свидание и загадал: «Если она выйдет меня встретить, значит, она моя судьба, а если нет, то, увы». Тороплюсь, запыхался, и тут — вижу ее возле покоянного временем куста акации. Я узнал ее, хоть и не видел никогда прежде, узнал по осанке. Узнал ее по тому движению, каким она поправляет волосы, узнал по тысяче мелких признаков, которые не могу вам объяснить, потому как это из области невыразимого.

Она вышла меня встретить! Я разорвался в клочья от радости! На тысячи благоухающих цветов! На миллионы разноцветных огней! Упал на небо веселой радугой! Она сказала мне, глядя на меня тепло и ласково: «Я так долго тебя ждала». Я подошел к ней, обнял ее, она положила свою голову мне на плечо, я вдохнул ее запах, такой знакомый и родной: «Я так долго тебя искал». И мы пошли вместе, держась за руки, навстречу радостям и горестям этой жизни.

Вместе! До конца!

Яркое весеннее Солнце в Вечном Синем Небе, и высоко-высоко парит в нем Степной Орел. Видишь?

Разбежимся с дельтапланом быстро-быстро, так быстро, чтобы ветер бил в глаза, прыгнем с высокой скалы навстречу Орлу в Вечное Синее Небо! Хочешь?

Будем смеяться и говорить, говорить неважно о чем, ведь мы не любим молчать. Кушать курочку-гриль, лежать на траве, закинув руки за голову, смотреть в Небо и говорить, говорить о нас, о них, о Вечности и нашем месте в нем. Будешь?

Ночь. Я люблю ночь. Луна. Я люблю Луну. Слышен шум прибоя. Мы идем, взявшись за руки, по золотому песку. Лунная дорожка на водной глади Байкала. Танцуем ламбаду на золотом песке. Я смотрю тебе в глаза и вижу в них отражение Луны. Веришь?

Ждать, зная, что месяц, два, три. Зная, что придет через месяц, два, три. Лежа, засыпая, писать смс-ки, отправлять их на Юг со скоростью света. Ждать. Сможешь?

Развернулся на крепких ногах, прыгнул и встал, ноги шире плеч, согнуты в коленях, руки раскинуты в стороны как крылья Степного Орла. Постоял так, секунд пять, и пошел — в Талец Орла. Радость лучится из глаз.

Видит! Хочет! Будет! Верит! Сможет!

2 71 3 8 00002 RUSS1 505

А НАШ БРАТ В АРМИЮ УЕХАЛ

1.

Сэлмэг-нагасабгай² рассказывает, что однажды ахай пришел к ним в гости. Нагасабгай его накормила, конечно. Он съел, как обычно, две тарелки супа, попил чай и вдруг начал хохотать. Сэлмэг-нагасабгай вопросительно посмотрела на него, на что ахай сквозь смех: *«Тэндэ Булыдка хорой доогуур гараха ханаатай байгаад, хабшагдашоод байна... Ха-ха-ха!»*.³

Мы с ним шли вместе, мне четыре-пять, ему десять-одиннадцать. Он перелез через забор, а я не смог, так как был очень неловким и решил пролезть под забором, но застрял — ни туда, ни сюда. А ахай зашел к ним, поел, и только потом сказал про меня.

Нагасабгай его жестко ругала, пока я, весь заплаканный, кушал. Жаахай⁴ стоял в дверях кухни, и они вместе с ахайшкой похихикивали надо мной. Булытка с важным видом убирался в своей комнате. Затем мы все вместе пошли купаться на речку.

1 Старший брат.

2 Тетя (по материнской линии) Сэлмэг.

3 Там Булытка хотел пролезть под забором и застрял.

4 Брат (зд.—двоюродный брат).

2.

Я не умел запрыгивать на раму велосипеда на ходу: как вы уже все знаете, я был неуклюжим. Ахай ехал, убирал правую руку и кричал мне: «Һүрөөд һуу!».¹ Я бежал рядом с великом и никак не мог запрыгнуть, он хватал меня за волосы и затягивал на раму и говорил: «Обрадоваться болошоо гүш даа?».² Я начинал плакать.

3.

Ахай с детства читал очень много книг. Начитан, как не знаю кто, наверное, как Три Табуна,³ хотя нет — больше, чем Три Табуна. В общем, начитан до безобразия, а читать он начал, когда научился читать. С тех пор — постоянно с книгой. Прикалывался надо мной всяко-разно. Вот один пример. Мне опять же лет пять, ему где-то одиннадцать. Он сварил вкусный суп. И когда я попросил добавки, он заставил меня стоять с тарелкой и говорить: «Подайте Христа ради!». Я с тарелкой: «Подайте Христа ради!», — он в эту тарелку суп из поварешки. Я в то время вообще по-русски не понимал и, естественно, не знал, чего я там говорю. Он же смеялся.

4.

Когда я научился играть в шахматы, я всех доставал: «Шатар наадайл даа!».⁴ С мамой было неинтересно, она не умела играть, абгай тоже, оставался ахай, его-то я и доставал больше всех.

1 Запрыгивай.

2 Ну что, обрадовался?

3 Писательница, автор блога www.stepisvet.ru.

4 Поиграем в шахматы?

Я учился в первом классе, он в шестом. Ахай говорил перед игрой: «Шүүгдээ хаа, бархирахгүй гүй?».¹ Я естественно: «Үгүй!».² Ахай выигрывал. Я начинал плакать. Ни разу ахай мне не проиграл. А я не любил и не умел проигрывать.

5.

Однажды у меня на ноге опух палец. Не знаю почему, но, когда приехала скорая, мама говорит фельдшеру: «Энэмнай хүлөө угаадаггүй!».³ Было стыдно. Я лежал, ходить не мог. Это было после четвертого класса, летом. Передачи мне привозил на своем мотоцикле ахай, иногда абгай, иногда мама, но чаще всего ахай.

В первый же вечер он привез мне пельмени и книгу «Тихий Дон», том первый. Говорит: «Муухай хонин ном, уншаарай!».⁴ — и уехал, оставив за собой облако пыли и выхлопного газа. Я посмотрел на книгу, ну ладно, что делать, придется читать. Начал и зачитался. Через три дня, когда ахай привез мне передачу, я даю ему первый том и говорю: «Хоёрдохи номынь үглөөдэр асараарай!».⁵ Он посмотрел на меня удивленно и обрадованно: «Зай!».⁶

За месяц в больнице я перечитал чуть ли не всего Шолохова: «Тихий Дон», «Донские рассказы»...

1 Проиграешь, плакать не будешь?

2 Нет!

3 Он у нас ноги не моет.

4 Страшно интересная книга, почитай.

5 Привези завтра вторую книгу.

6 Хорошо.

6.

В третьем классе я ходил на шахматы. Ахай ходил на бокс. «Ши, Булад, намда адляар боксдо ябадаг боло, юун гэжэ шатарта ябана гэшиэбиш?»¹ — и назавтра он меня повел на секцию бокса.

Первый тренер, Бата Ширапович, на первой тренировке младшей группы говорит: «Наншалдахадаа хайшан гээд наншалдадагбта байгты!».² Все встали в боевые стойки, но один я стоял в правосторонней стойке. Бата Ширапович сам левша и, следовательно, начал меня натаскивать своим приемам.

В десятом классе я выступал на «республике», ахай болел за меня больше всех. «Шаагыш!»³ — слышал я его голос и бил. Первые три боя выиграл ввиду явного преимущества, но в финале проиграл Маврину. Слез с ринга, был очень расстроен. Ахай подошел ко мне, потрепал по мокрой голове: «Молодец, Булат! Красавчик!» — и эта его похвала мне была очень важна. Спасибо, ахай!

7.

1989 год. Июль. Мы с папой поехали в Монды, к ахай, он там служил. Саяны, горы до небес. Макушки покрытые снегом давили меня, степняка, своим величием. Саяны. Там, высоко в горах, в ста метрах от монгольской границы, стоял барак, в котором совмещено было все: казарма, санчасть, оружейка, столовая.

Помню, как мы туда поехали с папой, в часть. С Монд уходил «Урал» — из части брата. Мы уселись в него и поеха-

1 Ты, Булат, как я начини ходить на бокс,
а-то что это ты на шахматы ходишь?

2 Встаньте так, как вы во время драки стоите.

3 Бей!

ли. Все выше и выше. Деревья чем выше, тем кривее и чахлее. Кое-как забрались туда — подобие плоскогорья. Пока ехали, я представлял себе его часть как в «Служу Советскому Союзу»: красивые казармы, асфальтированные дорожки, и пр. Но то, что я там увидел, меня потрясло. Покосившийся барак и несколько вагонов. Не вагоны, а такие штучки наподобие цистерн. Там жили офицеры. Зашли в барак, в прихожей вся стена в шинелях. Офицер кричит: «Молонов!». Тут из казармы выходит ахай — упитанный, наглый, верхние пуговицы расстегнуты, под кителем футболка «Монтана», на лице улыбка. Поздоровался с папой, меня поцеловал в щеку, намочил всю. На голове у него фуражка, тогда как у всех остальных пилотки.

— Ахай, ши юундэ фуражка үмдөөд байна? Бэшэн хуу пилоткануудые үмдэнхэй байна ха юм,¹ — спросил я.

— Бишни секретчик байна ха юмбиб,² — ахай, заводя нас с папой в санчасть, — эндэ хонохобди,³ — комната, коек семь. Привезли мы ему с папой что-то — не помню, вроде сладости.

— Папа, эндэ нэгэ хүбүү харыт даа, үбдэхөө һанана лэ,⁴ — ахай привел солдата. Папа его осмотрел, он у нас хирург, и говорит:

— Баяр, ши энээнээ эльгэ руунь шаагаагши?⁵

Ахай:

— Үгы!⁶ — а сам, глядя на меня, хитро подмигивает, типо: «Пусть знают наших».

Всю ночь мы говорили на всякие темы. Утром завтракали с солдатами. Кусок хлеба, на нем масло, чай, три куска рафинада. Ахай показал мне, как надо это все съесть: надо в чай за-

1 Брат, ты почему в фуражке, тогда как у всех остальных пилотки?

2 Я ведь секретчик.

3 Здесь мы будем спать.

4 Папа посмотрите здесь одного парня, приболел что ли.

5 Баир, ты его случайно в печень не бил?

6 Нет.

кинуть все три куска сахара, масло намазать на хлеб и съесть, запивая сладким чаем. Тут вдруг один солдат лезет в раздаточное окно, вытягивает оттуда солдата в белом халате и начинает избивать, подбегают еще двое, и они методично запинывают повара. Моему удивлению не было предела, а ахай, как ни в чем не бывало: «А, энэшни чмо, ходо сохюулдаг».¹

Ахай был отстранен от всех занятий. Папу офицеры попросили осмотреть весь личный состав, а мы с ахай ходили по расположению. «Монгол ошоод, шээгээд ерээ!»,² — мы ходили в Монголию и справляли малую нужду. На пограничной вышке ахай в бинокль показал мне озеро Хубсугул, показал Мунку-Сардык. Рассказал, почему у них в бараке на стенах рельсы с болтами. Они их подкручивают каждую неделю, так как барак стоит на вечной мерзлоте и земля ходит под ним, а рельсы держат барак и еще много чего.

Вечером мы уехали. Сели в «Урал» и поехали. Я смотрел в окно и видел, как ахай махал фуражкой нам вслед, и слезы непрошенные катились по моим щекам, хотя я знал, что у него там все нормально, что он там как рыба в воде, но все-таки слезы текли по щекам... сентиментальный я просто.

Как сейчас помню, мы отъезжаем, ахай идет вслед за машиной, снимает фуражку и машет нам: «Баяртай!»,³ а вдали белеет Мунку-Сардык.

8.

Однажды у нас откуда-то, не помню, откуда, появилась банка бразильского кофе. Ахай заставлял нас, братьев двоюродных (ахай самый из нас старший), пить кофе, обязательно приго-

1 Да он чмо, всегда позволяет себя бить.

2 Сходим в Монголию, справим нужду.

3 До свидания!

варивая перед каждым глотком: «Я пью бразильское кофе!». Мы, маленькие: «Я пью бразильское кофе!» — пили этот кофе. Было даже ощущение какой-то торжественности.

«Я пью бразильское кофе!» — и, закатывая глаза, пили его. «А-а-а-а!» — выдыхали. Ахай смеялся.

9.

Как-то ахай из дранки и целлофана смастерил нечто подобное дельтаплану. Выглядела эта штука очень даже неплохо: с ремешками для рук и тэ дэ и тэ пэ. Видимо, он опять каких-то книжек обчитался.

Залез на крышу и, разбежавшись, прыгнул и, естественно, упал, *хүлөө булгалжархёо*.¹ А мы, ахай в том числе, были уверены, что он полетит.

Мама его ругала, а он улыбался.

10.

Мы работали в Корее. Получили зарплату. Ахай пошел звонить и забыл свой бумажник в таксофоне. Мы побежали, посмотрели — нет, кто-то забрал. Там — месячная зарплата, тысяча с лишним долларов. Реакция ахай меня поразила. Видно было, что он расстроился, и это естественно, ведь это целый месяц работы, и нелегкой работы. Он стоял, курил, нахмутив брови и, выкинув сигарету, произнес: «Зай, яахабиши. Бумажнигыем олоһон хүн энэ мүнгөөр һайн юумэ абажа жаргалтайл байг лэ даа».² Я смотрел на ахай и думал: какой же у меня мудрый брат.

1 Вывихнул ногу.

2 Что поделаешь. Пусть человек, нашедший мой бумажник, купит себе что-нибудь хорошее и будет счастлив.

| МЫ ВЕДЬ РАБОТАЕМ

Был год 1982 или 1983. Короче, я не ходил тогда в школу. Лето, жара, тополиный пух, пыль на улице. Стоячий зной. Я жил у хүгшэн баабай¹ в Ленинземе, там как раз начали армяне или айзеры, хачики, одним словом, асфальт класть. «Хачик», в переводе с армянского — «крест», где-то вычитал и удивился. Хачикян — стало быть, Крестов. А мы зовем хачиками даже мусульман. Ну и ладно. Они работали довольно-таки быстро. Черные, волосатые, бородатые, они пугали меня какой-то своей звериностью что ли, не могу слово подобрать подходящее. Кладут они этот асфальт, кладут и удаляются от нашего дома, а у нас в ограде собралась толпа ребятишек примерно одного возраста. Играли вместе, в «голю», «знамя» и всякие разные подвижные игры. И вот эта толпа, и я вместе с ними, выбегаем на улицу и начинаем на теплом и мягком асфальте оставлять отпечатки рук, ног и подобное, короче — портить асфальт. Я написал гвоздиком свое «А М А М» и «А П А П»: с детства был левшой и писал справа налево, почему-то, затем в бэлтэгэл² классе Валентина Цырендашиевна переучила меня с левой

1 У дедушки по отцовской линии.

2 Искаженное от бэлэдхэл — подготовительный.

на правую руку. Зачем? Не знаю. Но я научился писать правой и слева направо, а до школы упрямо писал справа налево левой рукой. Но это все не так важно.

Я старательно выводил «АПАП», когда заметил, что вся шпана сорвалась и со смехом и визгом девочек побежала прочь. Я, надо заметить, был толстым и очень неуклюжим, быстрота была совсем неприменима ко мне, даже сейчас не набрался резкости и быстроты, хотя вроде боксовался неплохо, но за счет продуманных движений и левому боковому в печень. Обернулся я в другую сторону, смотрю: бежит хачик с какой-то палкой в руке, я оторопел, испугался, но не дернулся даже, а левая рука гоёжо байгаад¹ последнюю букву «А» выводит на мягком и теплом асфальте. Как сейчас помню его лицо, да и весь его образ, этого хачика. Рубашка в клетку, с оторванными рукавами, на животе завязанная в узел, на голове платок как у Вицына в «Джентльменах удачи», недельная щетина, впалые щеки, большой горбатый нос, брюки солдатские, сапоги кирзовые.

Прибежал, посмотрел на меня серьезно, затем присел рядом со мной и этой самой палкой начал ровнять наши отпечатки ног, рук и прочее. Он заделывал асфальт ровно, смотрел очень внимательно на то, что делал и говорил: «Ну, что же вы творите, мы ведь работаем», — и капли пота, стекая по его носу, падали на мягкий теплый асфальт. А я сидел рядом с ним, и во мне в тот миг родилось нечто, которое позже я называл уважением к чужому труду.

Тоска. Я узнал это чувство впервые в пять лет, когда мама уехала на курорт. Уехала, пока я спал. Проснулся, протер глаза, смотрю, а мамы нет. Спрашиваю у нагаса эжы: «*Мама хаана бэ?*»,¹ в ответ: «*Курорт ошоо*».² Я сразу начал плакать, но потом как-то забылось. Я выходил на улицу, играл с друзьями, ходил на речку купаться — в общем, веселился, но по вечерам остро тосковал по маме, забивался за диван: там был угол, диван и стенка, между ними маленькое пространство, я прятался там и плакал. Порой мне казалось, что вообще не было мамы, она мне приснилась — вот я проснулся и обнаружил, что ее нет. А на улице было лето, было жарко, я играл *гэрэйнгээ хойто талада*,³ в тени, своими прищепками — они мне заменяли солдат. Из пластилина я лепил им фуражки, автоматы. Были такие бои в моем воображении, что вам и не снилось! Кусок дранки я втыкал в землю и бил по торчащему концу, получалось подобие взрыва, осколки падали на прищепки, которые стояли в окопах, которые я сам рыл для них. Баталию я озвучивал, тут были и госпиталь, и санитары, героически

1 Где мама?

2 Уехала на курорт.

3 На северной стороне дома.

выводящие раненных с поля боя. Я погружался в эти игры до такой степени, что нагаса эжы чуть ли не силой заставляла меня заходить домой пообедать.

Однажды наступил такой момент, что мне вдруг стало остро необходимо сэржэм үргэхэ.¹ Мне привиделся Буурал Баабай² на белом коне и в бурятской национальной одежде и сказал мне, что я сэржэм үргэдэг болооб.³ Вот до чего дошла моя тоска, что ребенок пяти лет от роду начал сэржэм үргэхэ, чтобы у мамы там на курорте все было хорошо. Нагаса эжы до сих пор вспоминает: *«Жаахан юмэ, — нагаса эжы, сайгай дээжыень намда хээд үгыт даа, гаража сэржэмээ үргэхэм гэнхэй юмэ байжа байгша нэлиш даа»*.⁴ Как говорил один известный философ по имени Винни-Пух — это неспроста. Благодаря этой тоске я развил свою фантазию. И сентиментальность моя, скорее всего, тоже оттуда.

Помню, шел дождь, я сидел на кухне, опершись локтями о подоконник, ладонями подперев голову, смотрел на дождь, и думал: «Может быть, там, где мама, тоже идет дождь, и она думает обо мне». Слезы навернулись на глаза, и я убежал в свое потайное место и неслышно плакал. Абгай была в лт о, ахай на сенокосе, одиннадцать лет ему было, а он уже на сенокосе! Потом в одно прохладное утро я проснулся оттого, что меня целовали в щеку. Открываю глаза: мама! Поначалу я обрадовался, потом будто обиделся. Прижавшись к маме, я сидел и был неописуемо счастлив, и были безразличны мне те подарки, которые она привезла, главное, чтобы была со мной

1 Сделать подношение духам.

2 Белый Старец — Дух местности, защитник и покровитель.

3 Могу совершать подношения духам.

4 Как сейчас помню, маленький, ты подошел — нагаса эжы, налейте мне свежий чай, я сэржэм поднесу.

рядом. А мама говорила: «Энэ самса үмдөөд үзйш даа»¹ и прочее, а я все сидел, прижавшись к ее груди, и не было человека счастливее меня.

Позже, когда мама куда-нибудь собиралась, я уже одетый стоял в дверях. Это длилось год или два.

1 *Примерь эту рубашку.*

| БУЛЫТКА

1.

Булытка. Булытка — мой двоюродный брат. С ним прошло все мое детство, счастливое детство. Играли вместе. Он старше меня на три месяца. Булытка называл меня Молоня (Молонов потому что фамилия моя), я его — Цыремпа (Цыренжапов потому что). Солбон-хуряхай¹ меня до сих пор Молоней называет.

Булытка, худенький и быстрый, затягивал ремень очень туго, родственники говорили: «Шоргоолзон шэнги...».² Рубашку обязательно застегивал на все пуговицы, подтянутый, быстрый. Говорил тоже быстро, а голос у него был писклявый. Записывались на магнитофон, бобинный (короче такой магнитофон с катушками вместо кассеты, раньше такие были, сейчас их нет, там, по-моему, даже четыре дорожки). У Солбон-хуряхай такой был, и мы на него записывали наши голоса. Потом слушали и смеялись. У Булытки голос писклявый: «День Победы, как он был от нас далек!», — пел он своим писклявым голосом, а у меня голос был не писклявый, хотя тоже высокий. Я был толстый и неуклюжий, штаны спадали под живот. Булытка говорил Сэлмэг-нагасабгайда: «Юундэ Молё-

1 Дядя Солбон. Хуряхай — муж тети, старшей сестры, зять.

2 Точно муравей.

нийн габаадагниин (и показывая на пальцах сантиметра два-три) эдэсээхэнээр харагдажайл байдаг бэ?».¹ До сих пор ношу штаны под животом, потому, наверное, что привык с детства, но «габаадагни харагдахаа болёо».² И рубашку я никогда не застегивал на все пуговицы. Всегда носил майку и сверху рубашку. Застегивал только верхнюю пуговицу и думал что все, хватит и остальные не застегивал. И вот такие мы вдвоем гоняли по нашим улицам. Булытка весь такой подтянутый, худенький, а я такой толстый, и антоним подтянутого.

Однажды шли мы по улице. Нам по четыре-пять лет. Лето. Солнечно. Нашли короткую железную лестницу. Булытка мне говорит: «Энээнийе аба!».³ Я взял эту лестницу и потащил за ним. «Эндэ!».⁴ Я поставил один конец лестницы на землю, а второй стал держать на уровне груди. Булытка забрался на лестницу, встал в позу Ленина и начал произносить какие-то красивые речи. Говорил он быстро, поэтому не все было понятно, но я улавливал такие слова как «Солдаты! Пистолеты!» и другие очень красивые слова для нашего возраста. Эту лестницу я таскал за ним дня два, потом она куда-то пропала, но это не очень огорчило меня.

Он болел и не ходил в садик, а я, видимо, не так часто болел и исправно посещал садик, и по этой причине знал очень много стихотворений. Играли мы с ним в «кто знает больше стихотворений». Я: «Наша Таня громко плачет» и тому подобные стишки, на что он мне: «Пистолеты, автоматы, офицеры, солдаты, танки, пушки, война!». Я признавал свое поражение, думая про себя: «Ямар гоё шүлэг гээшэб даа...».⁵

1 Почему у Молони попка всегда на столько выглядывает?

2 Попка больше не выглядывает.

3 Возьми это!

4 Здесь!

5 Какое красивое стихотворение!

Жили мы по соседству: он на Комсомольской, я на Кижингинской. На Комсомольской, через дорогу от Булытки, жили «халзашки» — Асеевы, русские пацаны старше нас на два года. Мы с ними враждовали, то есть, если они нас ловили, то били, а в том маленьком возрасте два года разницы — это много, и мы, ясное дело, не могли оказать им достойного сопротивления. Однажды они поймали нас возле своего дома и говорят мне: «Твой брат у нас на веранде стекло разбил!». Я не знал, что такое «веранда» и говорю Булытке: *«Би ошоод верандынъ харахамни, удаан болоо хаамни, ахай жаахай хоёрто хэлээрэй!»*.¹ Булытка кивнул: «Зай»,² и я пошел с «халзашками» к ним домой, узнать, что же такое «веранда».

2.

Такое красивое слово «веранда» означало всего лишь сеник. Это я знал, у меня у самого была «веранда». Одним словом, обломился, и еще, естественно, получил от них по шее.

Булытка ждал меня, сидя на столбе своего забора и стуча в железный барабан, с нарисованными на нем обезьянами и другими обитателями джунглей. Я с широко открытым ртом, плача, шел от «халзашек» к нему. Ахай и жаахай у него дома не были, так что за меня никто не отомстил в тот день. Да и мы с Булыткой не были злопамятными, дети ведь. Забывали сразу — поплачешь и забудешь. Булытка сидел на заборе и стучал в свой барабан, глядя на меня сочувствующе. У него была такая привычка залезать на столб своего забора, сидеть на нем и, устремив взгляд своих узких зорких глаз на улицу, бить в барабан. Я шел к нему и, если слышал барабан, то точно

1 Схожу посмотрю на их веранду, если задержусь, скажи старшим братьям.

2 Хорошо.

знал, что Булытка дома. Затем он потерял палочки, стал старше, одним словом, уже через год он не бил в барабан. А тот барабан я последний раз видел уже после института. По нему проехал то ли трактор, то ли грузовик и не один раз. Шел по улице и вдруг заметил до боли знакомый рисунок, из далекого счастливого детства: обезьяны, тигры, лианы. Я даже поднял то, что раньше было Булыткиным барабаном, смотрел на него и улыбался своим воспоминаниям. Вспомнилось, как Булытка сидел на столбе своего забора и барабанил в барабан, в этот самый барабан.

Чтобы не встречаться с «халзашками», мы ходили к Булытке по Кижингинской, доходили до середины и проходили через ограду новостройки. Булытка перелезал, я проползал под забором, и мы оказывались у Булытки дома. Однажды нас поймал один парень, «*унөөхи хүбүүн*»,¹ прозвал его Булытка, и мы начали называть его «*унөөхи хүбүүн*». Он нас тянул за уши и говорил: «*Энээгүүр бү ябагты!*».² Это был сын хозяина этой стройки. И теперь, чтобы сходить к Булытке, мы всяко-разно рисковали быть пойманными: на Комсомольской — «халзашками», на Кижингинской ждал «*унөөхи хүбүүн*», что вообще-то нравилось Булытке. Он говорил: «*Бидэ разведчигуудбди...*».³ У него была удивительная способность превращать все в игру и, притом, в увлекательную игру. Даже если просто куда-нибудь идем, он начинает играть. На земле тень от облаков: если нас накрывает тень, значит мы в плену у немцев, если мы на солнце — значит, нас освободили «наши». Мы бежали, пытаясь не попасть в плен к немцам. Вот такой Булытка. Меня мама ругала за то, что я рвал штаны, на что я: «*Теед Булытка: “В атаку за мной!” — гээд, гүйжэ ерээд, хорой дээрэ гарашахадань,*

1 Тот самый мальчик.

2 Не ходите здесь.

3 Мы разведчики.

би арай гэжэ тэрэ хорой дээрэнэ гарамсаарни: “Отступаем!” — гэжэ ерээд, хүрөөд, хорой дээрэнээ буугаад, гүйшэхэдэн, би хүрэнжэ байтараа үмдөө хахалжархёоб, хадааһанда шагтагалдаад».¹

Мы с Булыткой ходили на детскую площадку. Очень познавательная история, чтобы понять насколько мы разные с ним, с Булыткой. Это ведь всегда — лучшие друзья бывают разными. Там наша воспитательница сказала: «Хэнтнай хэнһээшье олон круг стадион соогуур гүйхэб, тэрэ шоколад абаха!»² — естественно, все побежали, и я в том числе. Булытка всегда очень быстро бегал, два раза меня обогнал, пока я один круг пробежал. Булытка успел пробежать три круга и, естественно, он устал, да и все устали. Один я остался бежать, бежал медленно и долго: даже воспитательница устала ждать. Булытка, смотря на меня сердито: «Энэ Молоня гүйнэ гү, миин ябана гү?»³ В конечном итоге, шоколад достался мне. Не зря ведь говорят: «Тише едешь — дальше будешь».

3.

Однажды Солбон-хуряахайтан⁴ решили стряпать буузы, а их мясорубка была у нас, и за ней к нам Сэлмэг-нагасабгай отравила Булытку. Он вроде бы вышел уже, как немного погодя забегает обратно: «Молоновуудта бууза шанахамнай гэжэ хэлэхэ гүб?»⁵ Сэлмэг-нагасабгай: «Ши үшөө ябаа рды гүш? Ошо

1 Так ведь Булытка побежал: «В атаку за мной!» и забрался на забор, я пока туда еле вскарабкался, он: «Отступаем!» — прыгнул с забора и побежал. Я пока прыгал, штаны порвал — об гвоздь зацепился.

2 Тот, кто из вас пробежит больше всех кругов по стадиону, получит шоколад.

3 Этот Молоня бежит или просто идет?

4 Семья дяди Солбона.

5 Говорить Молоновым, что собираемся буузы делать?

түргөөр!».¹ Булытка выбежал и, как всегда, бегом к нам. Он в том возрасте (четырёх-пяти лет) всегда бежал — все делал бегом, даже кушал быстро — и меня приучил кушать быстро. Я что делаю быстро, так это только, наверное, кушаю. Ведь, если бы я медлил, все жирные куски съел бы быстрый Булытка, а я кушать любил и люблю, поэтому по быстроте в этом не уступал Булытке.

Так вот он прибегает к нам и к моей маме:

— *Мясорубкыемнай үгйт даа!*²

Мама у него:

— *Таанайхид бууза хэхэ гээ гүт?*³

На что Булытка своим писклявым голосом:

— *Үгы!*⁴

Мама протягивая ему мясорубку:

— *Юу хэхэ гээ юмтэ, тезд?*⁵

Булытка хватая мясорубку и убегая:

— Ну, погоди!

Выбежал на улицу и был таков. «Ну, погоди!» — это ответ Булытки на все вопросы, на которые он не знал ответа или же не хотел отвечать.

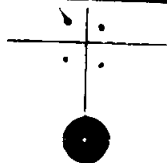
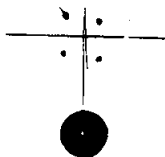
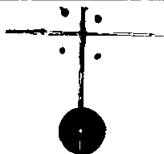
1 Ты до сих пор не ушел? Иди быстро!

2 Дайте нашу мясорубку.

3 Вы буузы собрались делать?

4 Нет!

5 Так что собираетесь делать?

Я учился в классе третьем. Шел от своих родственников домой. Проходил мимо туалета восьмилетки. Тут из туалета выходит мужик лет сорока, пьяный и, останавливая меня, спрашивает:

— *Ши хэн гэжэ нэрэтэйбиш?*¹

Я испугался, чуть было не обоссался, и забыл свое имя, а в голове вертится одно имя: Прохор, я и говорю:

— Прохор.

Он мне:

— *Ямар һонин нэрэтэй хүмши. Про-о-охор.*²

И немного погодя спрашивает:

— *Хэнэй хүбүүн хүмши?*³

А у меня, так как я был очень напуган, опять же все имена из головы вон, кроме Прохора.

— *Прохорой.*⁴

Он репу почесал:

1 Тебя как зовут?

2 Какое странное у тебя имя.

3 Чей ты сын?

4 Прохора.

— *Загустайн гүш?*¹

— *Aha.*

Он отстал от меня, а я пошел дальше, домой, и думал, откуда я знаю такое имя — «Прохор»?

1 Ты из Загустая?

Прим. ред.: Загустай (бур. «Рыбное») — село в Кижингинском районе, где проживают потомки переселенцев — кабанских бурят-монголов, некогда крещенных (отсюда русские имена), перебравшихся после провала прибрежных участков Байкала в результате крупного землетрясения в 1755 г. Землю для переселенцев предоставила Хоринская Степная Дума.

Есть у меня друг, Дондок — Дондогоодеэ, то бишь. Серьезный такой, но добрый. Не помню, как с ним познакомился, давно слишком, нам по три-четыре годика было. Черный такой, но симпатичный. Абгай говорила, тогда — в детстве, что он похож на Митхуна Чакроборти, имея в виду фильм «Танцор Диско» или подобные ему индийские фильмы. Серьезный и добрый. Такие люди обречены на то, чтобы над ними в детстве постоянно подшучивали. Шутки же воспринимал он серьезно, злился, догонял, что мне очень нравилось, я больше всех задираю его, потому как знал, что отходит он быстро, что он незлопамятный. Я до сих пор задираю его, но теперь он как-то очень серьезно меня останавливает, что дальше продолжать не хочется.

Играли мы по шпане в раненого танкиста. Я говорил ему, что, типа, мы танкисты, наш танк подбили, он живой, а я раненый, и он должен меня донести до госпиталя, который находится в конце улицы. Он стонал, но тащил. А я висел на нем и говорил: «Бросай меня, спасайся сам». А он по сценарию должен был говорить, вроде: «Оставь эти глупости, наши своих не бросают» и тэ пэ. Он не отходил от сценария. Я был больше его, но он жилистый, сильный. Прости, Дондогоодеэ!

Однажды мы с ним на его велике поехали на речку, он за рулем, я на раме. На улице Бригадная постоянно была лужа, не вода, а грязь с кишашими в ней пиявками. Мы разогнались с пригорка и решили на скорости проехать эту грязь, но как раз на середине этой лужи мы застряли в грязи в полколеса, не падаем, стоим. Смотрю, возле нас сухое место. Я ему говорю:

— *Дондошка, гараа абыш даа,*¹ — он убрал, я спрыгнул на это сухое место и по всем законам физики оттолкнулся, естественно, от велика, а велик вместе с Дондоком упали в кишашую пиявками грязь. Прости, Дондогоодеэ!

Однажды на перемене мы, пацаны-одноклассники, почему-то схватили Дондока за все конечности и таскали по школе, хохоча, крича и всячески балуясь, и вдруг те двое, что несли его за ноги, разошлись, и Дондок вынужденно сделал шпагат. Штаны порвались по шву, от магазина до пояса. Когда его отпустили, он присел и заплакал, а я вместе со всеми бежал от него и смеялся. Прости, Дондогоодеэ!

Когда у меня родилась дочка, я встретил его возле почтамта, он получал какие-то деньги, а у меня как раз в тот момент не было денег, и я пристал к нему: «Займи! Займи!». Он говорил, что, мол, очень нужны деньги, никак не могу, а я все свое: «Займи! Займи!». По концовке напились вместе. Он опоздал куда-то и ныл назавтра, а я смеялся. Прости, Дондогоодеэ!

На 9 мая в этом году он позвонил мне на трубу. Я был очень рад, встретились. Пиво, водка. Развелся с женой, говорит, очень много лишнего, ненужного наговорили друг другу, уже все, все мосты сожжены. Причина? Банальна до безобразия: недостаточно бифштексов в холодильнике. До чего же эти

1 *Дондошка, руку убери.*

бабы банальны — вывод. Пьяные, смотрели друг другу в глаза, и клялись в вечной дружбе, курили одну сигарету, в «цыганка». Потом он запросился уходить, я его не отпускал. С нами были какие-то студентки-монголки, пацаны-тувинцы и тэ дэ, потом появились менты и попросили нас удалиться. Я начал протестовать, типа, мы живем в свободной стране, и я где хочу там сижу, до сколько хочу и прочее. И тут, под эту шумиху, Дондогоодеэ скрылся. С тех пор я его не видел. А он у меня, летом еще, пришел с сыном своим и у моей дочки взял кассеты — мультики. Не принес еще. Ну и ладно, с кассетами этими, главное, чтобы Дондогоодеэ был всегда счастлив. Дорог он мне — Дондогоодеэ.

| СТРИЖКА

1.

После восьмого класса я решил пойти на стрижку. Июнь. 1990 год. Жара, пыль, тополиный пух. В первый день проснулся в 6:30 утра, помылся, поел и пошел до совхозной конторы. Там уже собралась толпа желающих, в основном, ленинзамские, потому что совхоз «Кижингинский» — это, в основном, ленинзамские. Не знаю почему, наверное, потому что хухэ-добинские¹ ходили на стрижку в Ушхайту.² Короче, не знаю. Но были, в основном, центровские и ленинзамские. Не так важно, так-то. И зачем я начал тут упоминать, откуда пацаны там были, ведь, одним словом, наши — кижингинские.

Стрижка находилась за Баянголом, от Кижинги урагшаа.³ Я записался стригалем. Мне выдали место и машинку, сказали, что я отвечаю за эту машинку. Я набрал себе штук пять ножей, сходил, наточил их и положил на полку возле своего места. Еще мне дали подавальщика — Маамаатай⁴ Зориг. Почему Маамаатай? Потому что у него были развитые грудные мышцы, как у Шварценеггера, и поэтому его ленинзамские пацаны

1 Хухэ-Добо — западная часть Кижинги.

2 Ушхайта — соседнее с Кижингой село.

3 На юг.

4 С грудью, грудастый.

называли Маамаатай Зориг, так как Зориг гэжэ нэрэтэй¹ пацанов слишком много. И еще дали девочку-носильщицу, чтобы таскала шерсть, которую я стригу, на весы.

Уже 7:30. Пригнали первую отару. Маамаатай Зориг дал мне овцу, я ее положил на один бок, привязал ноги и начал стричь. Затем, позже, дня через четыре я уже стриг оренбургским способом, то есть, баран сидит на жопе, а я сверху вниз стригу его. Так начались рабочие будни. Каждый день ели баранину. Обед с 13:00 до 14:00. Покушаешь, и лежишь на тюках, куришь папиросы. Там на стрижке я начал курить и материться. Моя подруга работала на сортировке. Однажды я имел неосторожность похвастаться ей, что умею ездить на мотоцикле — так-то я, конечно же, умел, но не так хорошо как некоторые. Так вот, значит, после обеда однажды лежим мы на тюках, курим папиросы, потому как в то время были напруги с куревом, и курили, в основном, папиросы «Любительские». Значит, лежим мы, курим, и тут ко мне подходит она и говорит: «*Булэд, намай мотоцикл дээрэ каталыш даа?*»,² на что я: «*Тезд бишни мотоцикл угы ха юмбиб...*»³, и тут Вадим, который мой сосед, который отлично знает, что я плохой мотоциклист, вытаскивает из кармана ключи от своего «Восхода» и бросает мне: «На!». Я ловлю ключи и думаю: «Назвался груздем, полезай в кузов», и иду к мотику Вадима, она за мной.

2.

Я сел на мотоцикл, она села сзади, я завел его с первого раза, отжал сцепление, врубил первую скорость и начал съезжать.

1 С именем Зориг.

2 Булат, покатай меня на мотоцикле.

3 Так ведь у меня нет мотоцикла.

Пацаны вышли позирить, сидели на поскотине как воробьи и глазели на нас, а вокруг был песок, да и корова лежала прямо по курсу.

Я повернул руль влево и газанул. «Рrrrrrr!!!», — мотоцикл занесло на песке, и мы с ней упали вместе с мотиком в этот песок, подняв клубы пыли. Надо заметить, после этого она ни разу не просила меня прокатить. Я встал, помог ей подняться, отряхнул ее от пыли и говорю: «Садись, поехали!». Она: «*Байг лэ даа*»,¹ — и, прихрамывая, ушла. Смотрю на пацанов, они отвернулись все, и видно было, как подрагивают их загорелые плечи.

После стрижки мы всей толпой купались. Смывали пыль и грязь. Жанчип — солдат Ленинзама! Угарщик. Из ничего делает такую смешную штучку, что все кругом падают со смеху. Сам он худой, а вылезет на крутой берег Кижинги в своих черных семейных трусах, которые называл «ночной Нью-Йорк», и начинает позировать как культурист. Было действительно смешно. Он напрягал лицо и копировал движения культуристов очень правдоподобно, но единственное, что было смешно — это семейные трусы и отсутствие мышц.

Однажды мы пришли на речку и давай скидывать одежду, чтоб быстрее окунуться в прохладную воду, когда зоркий глаз Жанчипа заметил на Баире купальные плавки и тут началось:

— *О-о-о! Ямар гоё плавкитай гээшэбиш! Басагандаа ошоходомни үмдүүлээрэй, зай гү?*²

— *Ямар сексуальна плавки гээшэб!*³

— *Ого! Баяр, эрьелдэл даа, хараяа, юун гэхэн аймшагтай гоё плавкитайбиш!*⁴

1 Не надо.

2 Какие у тебя плавки! Дашь поносить, когда я пойду к своей девушке?

3 Какие сексуальные плавки!

4 Ого! Баир, повернись, посмотрим какие у тебя ужасно красивые плавки!

— Баяр! Тэрэ басагадуудай уһанда ородог газарта гансал энэ плавкигаараа ошоо хаашни, хуу бултадаа шамда дуралшаха ёхотой!¹— гэжэ байгаад² замучили его пацаны.

Однажды у всех кончились папиросы, остались только у Жанчипа. К нему подошел Бикунэ. Почему Бикунэ? Расскажу историю появления клички Бикунэ. Зай?³

3.

Бикунэ. Кажется имя какое-то грузинское, а на самом деле Бикунэ— это бурятское произношение слова— как вы думаете какого? Ни за что не догадаетесь. Бегун!

Он учился во второй школе. У них был первый урок физкультуры в первом классе и, Баир— его так зовут, Баир бежал быстрее всех, за что физрук его похвалил: «Бегун!», а первоклашки ленинзамские по-русски вообще понимают с трудом и поэтому не знали, что же такое «бегун», и на свой лад повторили: «бикунэ», так и приклеилась к нему эта кличка. Многие в Кижинге думают, что его зовут Бикунэ, спросишь:

— Баярые хараа?⁴— в ответ:

— Ямар Баярые?⁵

А если:

— Бикунэ!

— А-аа! Бикунээмнай Баяр гэжэ нэрэтэй юм гү?⁶

Он, Бикунэ, любил ездить на мотике с голым торсом, я у него спросил:

1 Баир! Если ты пойдешь в этих плавках туда, где девочки купаются, они все в тебя влюбятся!

2 Подобным образом.

3 Ладно?

4 Баира не видели?

5 Какого Баира?

6 Бикунэ Баиром разве зовут?

— *Баяр, ши юундэ нюсэгэн бэээрээ мотигоор ябанабиши?*¹

На что он, улыбаясь:

— *Тезд грудной мышцануудаа няргаалжа байжа амаргүй Брюс Лида адли болохо ханаатай байна ха юмбиб,*² — и уехал в сторону центра.

Ну, так вот, подходит значит Бикунэ к Жанчипу: «*Тамхья татуулыш даа*».³ Жанчип лежит на тюках и, попыхивая папирсой: «*Анекдот хөөрэ! Энеэгээ хаа, үгэхэб*»,⁴ а мы все знаем, что Бикунэ не умеет анекдоты рассказывать. Видно было, что Бикунэ очень хочет курить. Все ждут, смотрят на него. И тут улыбка озаряет загорелое скуластое лицо Бикунэ: «*Нэгэ хүн «Шулуута» ороод* (и делая руками движения, типа, танцует) *хатараа!*»,⁵ — и начинает хохотать заразительно, да и все начали хохотать. Жанчип в том числе. Короче, Бикунэ получил-таки папироску.

«Шулуута» — это ресторан РСУ. Был в Ленинзаме, но закрылся в силу своей убыточности. Жанчип, после того как все успокоились: «*Ши, Бикунэ ямар шал үбүштээнскэ анекдот хөөрэжэрхибэ гээшэбиши!*»,⁶ а Бикунэ, дымя честно заработанной папирсой: «*Балай тиимэшье үбүштээнскэ бэшэл даа*»,⁷ — и, встретившись глазами с Жанчипом, опять начинает хохотать. Оказалось, что однажды там, в «Шулууте», какой-то родственник Бикунэ отмечал юбилей. Собрались родственники и друзья, в основном, все пожилые уважаемые люди, как туда вваливается пьяный Жанчип и начинает танцевать.

1 Ты почему раздетым на мотике едешь?

2 Так ведь я напрягаю грудные мышцы, хочу походить на Брюса Ли.

3 Дай сигарету.

4 Расскажи анекдот. Засмеюсь — дам.

5 Один человек зашел в «Шулуута» и начал танцевать.

6 Ты, Бикунэ, какой дурацкий анекдот рассказал.

7 Да не очень-то и дурацкий.

А учился тогда Жанчип в одиннадцатом классе. Он вообще талантливый на всякого разного рода пародии. Например, лежим после обеда на тюках, и тут Жанчип начинает голосом из видиков: «Гыжжж... телекомпания Ленинзам пикчерз представляет... гыжжж... (это он так озвучивал фон... постоянно в видиках был такой шум: “гыжжж”). Дoooольф Лундгрeн... гыжжж... Арнольд Шварценеггер... гыжжж... Жан-Чип-Ван-Дамм... гыжжж... в фильме “Возвращение Жанчипа”... гыжжж... в дале-о-о-о-оком дале-о-о-о-оком прошлом... гыжжж... отважный рыцарь Жанчип отправился на поиски своего счастья... гыжжжжж... (с нами рядом сидела девочка Туяна) и в богатой стране... гыжжжж... в Южном Китае... гыжжжж... встретил он прекрасную Туянь-Сянь... гыжжжж...» и так далее... Я уже не помню, чем там все заканчивалось, но было действительно очень смешно. Одним словом, интересное время было. Веселое. Работали, отдыхали, общались — и все со смехом, с шутками. А погода менялась. То дождь, то жара, то прохлада, но одно было неизменно — атмосфера на стрижке. Все относились друг к другу уважительно. Не было ссор, разве что несколько рейтинговых драк, но это не ссоры, а бои — рейтинговые бои.

Как сейчас помню — степь, ровная, как поверхность стола, местами поросшая кустарником, местами болотистая, местами с густыми перелесками, на южном горизонте виден хребет Ябаган Дабаана, на севере — Кижинга, вытянувшаяся с запада на восток. Видна Челсана, видно, как идет на стрижку отара, погоняемая чабаном на низкорослом гнедом коне, и высокое Синее Небо, где парит бургэд,¹ высматривая добычу в богатой кижингинской долине.

| А НАШ БРАТ В АРМИЮ УЕХАЛ

1988 год. Весна. Ленинским призывом в ряды СА уехал мой брат. Его браковали — глаза плохие, — а он все рвался туда, как сейчас я думаю, потому, что все его одноклассники ушли в армию, и он не хотел отрываться от коллектива, и вообще, тогда все пацаны с удовольствием уходили служить в Советскую Армию.

Готовился он к армии очень серьезно: он боксер, а вид у него такого очкарика, что ему очень часто приходилось в кроватных драках зарабатывать уважение среди пацанов, ведь почти каждый, увидев моего брата, ошибочно считал, что может его обидеть, за что отвечал синяками и кровью. Мама постоянно его ругала, когда он приходил с разодранными кулаками и фонарями, а он ел суп и подмигивал мне заплывшим глазом, типа: «Ништяк, братишка!». Так вот, он сшил себе такие штучки, как у Хон-Гиль-Дона: разобрал пару аккумуляторов, растопил свинец и засунул эти слитки в карманчики на этих штучках, одевал их на щиколотки, за спиной рюкзак, в рюкзаке кирпичи, ветровка, капюшон, так и бегал каждый день два раза, утром и вечером, километров пять-семь, не меньше. У нас был турник. Лазил на нем. Одним словом, он и так был здоровым, а тут еще накачался — но массы в нем не прибави-

лось. Жилистый стал, левым крюком разбивал банку из-под майонеза (маленького). Когда он сел в автобус и махал рукой в окно, а автобус тронулся, я почему-то побежал за автобусом и плакал. Не знаю почему. Наверное, потому что прощания переживаю крайне тяжело, обязательно слезы наворачиваются на глаза, даже сейчас.

Помню, когда мне было восемь лет, мы играли футбол на нашем стадионе «Строитель», Кижингинская против Комсомольской, я что-то разыгрался и забивал очень много голов, радовался, футболку на бошку натягивал и так далее, что очень не понравилось Мэргэну с Комсомольской, он на два года меня старше, так вот, он взял и побил меня за то, что я слишком хорошо играл. Я, весь в слезах и справедливой обиде, прибегаю домой и говорю ахайшке: *«Намайе Мэргэн яагаш үгы байхадам сохижорхёо, ошоод тэрээниие сохиш даа!»*.¹ А он как лежал на диване со своим Джеком Лондоном, так и остался лежать: *«Шамай сохёо гүбэ, өөрөө ошоожо тэрээниие сохиши!»*.² После этого случая я никогда в жизни не жаловался, никому. Зато потом Мэргэн рассказал, что ахайшка ему пару подзатыльников сунул-таки — позднее. А все-таки Джека Лондона с тех пор ненавижу, потому что он был важнее ахайшке, чем я. Ну, ладно, ближе к теме.

Ахайшка уехал в армию, а мотоцикл его остался. Мы — я, Булытка и Саяна — завели его и поехали. Саяна, наша двоюродная сестра, за рулем, мы с Булыткой сзади: *«Мастерскаар гүйлгэнэ лэ»*,³ — шептались. Ветер бил в лицо, дыхание перехватывало, было тепло, май. *«Закат окончил теплый летний вечер, остановился на краю земли»*, — пели, смеясь, закрывая

1 Меня ни за что Мэргэн побил, побей его!

2 Он тебя побил, ты его и бей!

3 Мастерски гоняет.

глаза от скорости. Мы решили доехать до Кодуна, но, не помню почему, передумали и поехали обратно в Кижингу. Там, на улице Трактовой, за нами «коробка»: «Синий Восход-3м, остановитесь!». Мы повернули зүүлжээ¹ по улице Жанаева, но «Уазик» прижал нас к забору Сымпилова Арсика. Мы слезли с мотоцикла и, как бы защищаясь мотоциклом, стояли и смотрели на Шурыгина, который вылез из «коробки» и молча разглядывал мотоцикл. Молчание длилось где-то минуты две. И тут Булытка говорит: «А наш брат в армию уехал!». Шурыгин молча кивнул головой, выдернул шланг, соединяющий бак с карбюратором и, сев в «Уазик», уехал. А мы толкали мотоцикл до Булытки. Уже не пели, уже не смеялись. Мне стало невыносимо грустно оттого, что гаишник сломал ахайшкин мотоцикл, что я даже немного поплакал. Зато после, мы долго смеялись над Булыткиным: «А наш брат в армию уехал!». Потом мама почему-то отдала этот мотоцикл Баргуеву Сереге, а тот его разбил. Ахайшка вернулся из армии и разбирался с ним. Но мотоцикла так и не было больше. А ахайшка где-то месяц ходил как обнаглевший дембель, говорил громко, смеялся еще громче, и весь вид его был как у агрессивного хищника. На него армия так повлияла, а служил он в п в о .

Как сейчас помню, стояли мы втроем, как бы защищаясь мотоциклом, перед нами Шурыгин, и Булытка: «А наш брат в армию уехал!».

1992 год. Зима. Мы готовились к сборам, изнурительные тренировки были с 15:00 до 20:00.

Суббота. В ксш-1 дискотека. После школы я встретился со своей подружкой, договорился с ней, что встретимся на дискотеке. Побежал домой, затопил печку, принес воды, убежал на тренировку. После пятичасовой активной тренировки, я, еле волоча ноги, приперся на дискотеку.

Раньше я учился в ксш-1, но когда появился Кижингинский лицей, перешел туда и начал замечать, что отношение пацанов ко мне как-то изменилось. У меня не было времени с ними часто видаться. Занятия, вариативы, тренировки. Отдалились, одним словом. Ну вот, пришел я на дискотеку, нашел там Свету, она сидела с Бадмой, с ним мы кентовались. Я говорю ей: «Когда уходить будешь, скажешь. Провожу тебя до дома». Она: «Конечно!».

Я пошел к пацанам, поздоровался со всеми, сел в кресло. Тут до меня начал докапываться Даши из «А» класса.

— *Ши, Булад, юумбэ, бүүрэ болоогши? Ши юундэ намай нах@й эльгээгээбиши тиихэдээ,*¹ — сделав очень недовольное лицо.

1 Ты чего, Булат, бурым стал? Ты почему меня тогда на х@й отправил?

— Хэзээ?¹

— Тийхэдээ, долоодохиин байхадаа.²

Я ох@еваю:

— Бүри саадигай байһан юумэээ һанахаа яанабиши?³

А он не утихомиривается, думает, что я его боюсь:

— Наншалдая!⁴

Я, признаться, не хотел драться, да и уставший был:

— Үгыл даа, Даши, хүрөө болыш даа. Бузараар эсэшөөд бай-
наб. Үглөөдэр наншалдуужабди, зай гү?⁵

Даши еще хуже:

— Ёэй! Бодол даа! Наншалдахаа һанаагүй хадашни, шамай
эндэшни сохихом!⁶

Да и пацаны тоже как-то неодобрительно посматривают
в мою сторону.

— Зай, ошоё!⁷ — встаю, и мы идем на второй этаж, в Центр
естественных наук. На ходу вытаскиваю бинты и наматываю
на кулаки: «Сейчас я его урою, порву, чтобы никто из них
больше не смел со мной так разговаривать», — я точно знаю,
что уделаю его, и не только его, а любого, так как тренировки
даром не проходят: чувствуешь силу в руках, чувствуешь дис-
танцию.

Ну, вот встали, проходит мой удар, правый прямой, далее
следует серия из нескольких ударов, пацаны разнимают:

1 Когда?

2 Тогда, в седьмом классе.

3 Ты еще детсадовское вспомни.

4 Давай драться!

5 Да нет, Даши, оставь. Я очень устал.

Давай завтра будем драться, ладно?

6 Эй! Ну-ка встань! Раз ты не хочешь драться,
я тебя здесь на месте побью!

7 Ладно, пойдём!

— *Хүрөө! Булад, болиши даа!*¹

Я успокоился, отвернулся и пошел к своей сумке с тренировочными, как тут Даши сзади налетает на меня и наносит мне удар в лицо. Опять завязывается драка. Пацаны разнимают. Смотрю, у него все лицо в крови, разбил ему губу, рассек бровь, подбил глаз. Нех@й назить! Вытащил из сумки салфетку и протянул ему: *«Шуһаа ариши!»*.²

Он взял, как-то странно посмотрев на меня, видимо, не ожидал такого участия с моей стороны, ну и черт с ним.

Спускаюсь вниз, на дискотеку, смотрю, а Светы нет. Спрашиваю у подруг, они: «А она с Бадмой ушла!». Я ох@еваю. Предательство! Расцениваю этот поступок как предательство! Как со стороны Светы, так и со стороны Бадмы. Злой! Весь в справедливой злобе иду к выходу из школы, как вдруг налетает на меня брат Даши — Бато: *«Ши юундэ Дашуухые ииштэрэн сохёобиши, а?!»*,³ — я приготовился к еще одной драке, как тут заходит в школу Мэргэн с Комсомольской, мой сосед: *«Бата! Ши юумбэ, амаргүй шадалтай болошооб гэжэ һанаагши?»*.⁴ Обращаясь ко мне: *«Булад, яба даа»*.⁵ Я выхожу на улицу и иду к ней. На душе творится нечто ужасное. Все поменялось: и пацаны, и девушка... и вроде как друг...

Иду и думаю: *«Тэрэнэй нюдэ руунь шагаагаад, эрьелдээд арилхам саашань»*,⁶ — и тут, в переулке вижу, как идет Бадма.

— *Зай, Бадма, ши хаанаһаа?*⁷

— Свету проводил.

1 Все! Булат, кончай!

2 Кровь вытри.

3 Ты почему Дашууху до такой степени избил?

4 Бато! Ты что, слишком сильным себя возомнил?

5 Булат, иди.

6 Посмотрю ей в глаза, повернусь и пойду прочь.

7 Ну что, Бадма, ты откуда?

Я, вообще больше не разбираясь что к чему, крюк слева, он падает, я его запинываю. Затем разворачиваюсь и иду домой.

— К черту вас всех! — а на улице ни луны, ни звезд. Ночь. Снег хрустит под ногами, а во мне потух огонь.

По инерции еще пару недель походил с ней, пока она не выскочила однажды из дома и, сунув мне в руку записку, не убежала обратно. В записке было написано, что все — любовь закончилась и прочее. В тот же день, первый раз в своей жизни, я напился до потери сознания. Спалился матери, потерял тренировочные... но это уже совсем другая история.

Я так хотел, чтобы меня забрали из садика не последним, но вот уже Сережу забрали, он корчит мне рожи и всячески радуется тому, что он не последний, а я сижу, нахмутив брови — последний...

Я так хотел, чтобы меня посадили за парту с одной пухленькой, красивой девочкой, но к ней посадили Даши, а со мной посадили большую и неповоротливую Дариму. Я сидел, нахмутив брови, недовольный...

Я так хотел, чтобы мама взяла меня с собой на курорт, но проснулся, а ее нет. Сидел я на заднем дворе, играл со своими солдатиками, нахмутив брови, грустный...

Я так хотел, чтобы в пару ко мне поставили Оюну, черные глаза которой снились мне по ночам, но к ней поставили Батора, а со мной в паре толстая и неповоротливая Дарима. Я стоял с ней в паре, двигался в танце и все поглядывал на Оюну, чьи черные глаза снились мне по ночам, безнадежно влюбленный...

Я так хотел, чтобы Виктория Дугаровна поставила мне «пятерку», но смотрю в дневник, а оттуда на меня смотрит «четверка». Я стою, нахмутив брови, злой на себя и на Викторию Дугаровну...

Я так хотел, чтобы пошел снег, но уже середина декабря, скоро Новый Год, а улицы черные, нет снега. Я иду по улице, нахмутив брови, руки в карманы, вниз глаза, замерзший, торопливый...

Я так хотел, чтобы у меня не было проблем по матанализу, но выхожу из аудитории: «неуд или иди, готовься». Иду готовиться, усталый и голодный...

Я так хотел, чтобы моя жена перестала пересаливать еду, но ем суп — пересоленный. Делаю вид, что мне даже нравится. Улыбаюсь, нахмутив брови, женатый и пузатый...

Я так хотел, чтобы киевский «Динамо» победил в полуфинале Лиги Чемпионов мюнхенскую «Баварию», но, переночевав из-за «Чайфа» в вытрезвителе, смотрю в новостях: о:1, проиграли. Ем пересоленный суп, вонючий и злой...

Я так хотел, чтобы мне выдали, наконец, мою зарплату, но уже полгода прошло, а зарплату задерживают. Недовольный Министерством образования РБ, договариваюсь с Батром насчет дров, расчет позже...

Я так хотел, чтобы перестали отключать свет, но вот уже целых два часа пишу план урока при свете свечи, злой на Чубайса и всю его ЕЭС...

Я так хотел, чтобы я перестал злиться, но кричу на братишку — тормозит — злой и сердитый...

Я так хотел, чтобы я перестал заглядываться на красивых девушек, но иду и чуть ли не ломаю себе шею, заглядываясь на стройные ножки ослепительной красотки в коридоре БГУ, сладострастно облизываясь...

Я так хотел, чтобы я перестал тупить, но сижу и битый час не могу разобраться с платежкой. Не могу прибавить символ в номере 1-С, тупой...

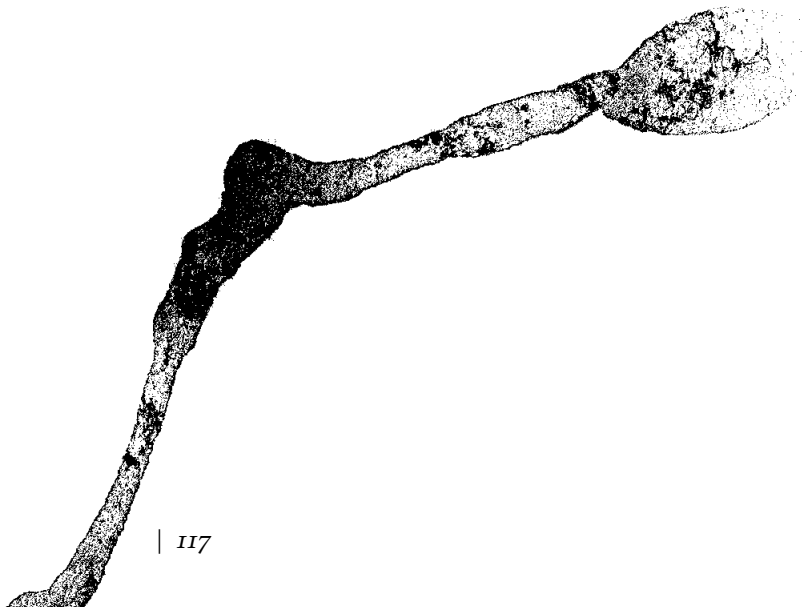
Я так хотел, чтобы у меня все было хорошо, но вот иду по улице, оставляя на снегу следы, потеряв свое сокровище, бедный и несчастный...

Я так хотел, чтобы в Зимбабве прекратился голод... Нет, вру. Мне не до Зимбабве, я даже не знаю где это...

Я так хотел, чтобы не было шторма в Желтом море, когда я буду его пересекать, но лежу и блюю в тазик. Шторм. Лежу, больной и уставший...

Я так хотел, чтобы завтра был дождь, но бригадир будит на работу... Синее Небо и яркое Солнце, завтракаю в Шиктане, нахмутив брови, усталый и недовольный...

Я так хочу ничего не хотеть, но... ссссука! Ссать хочу! Пойду поссу.

МГНОВЕНИЯ

| МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

1.

Он торопился на свидание к ней. Ехал в троллейбусе, смотрел в окно на проносящиеся мимо дома, тротуары, пешеходов. Думал, как он подойдет к ней, поцелует нежно в губы, обнимая за талию и, как заглянув ей в глаза, скажет: «Дорогая, я люблю тебя так сильно, что нет такого слова, способного выразить и сотую долю моей любви к тебе! Моя любовь к тебе бескрайняя, словно Агинская степь с тучными стадами и смелыми всадниками в островерхих малахях! Моя любовь к тебе чиста и прозрачна словно родник, устремленный вниз с вершин Саян, способный обточить крепкие камни, и такая же упрямая и устремленная к обладанию тобой, как родник устремлен вниз и упрям в своем порыве! Моя любовь к тебе огромна, словно Вселенная с миллиардами светил и всяких разных черных дыр и белых карликов, заключенная в моей груди и порывающаяся выплеснуться наружу, ослепив окружающих слепящим белым светом! Я весь в ожидании нашей встречи! Я весь без остатка с тобой — в мыслях, движениях, душевных порывах!», — и много чего еще примерно такого собирался он ей сказать. Перебегал через улицу, рискуя быть сбитым автомашинами. Счастливая улыбка не сходила с его лица ни на секунду.

— Сайн! — улыбаясь, он ей.

— Сайн! — улыбаясь, она ему. И они пошли по улице, держась за руки. Он шел рядом с ней и рассказывал, как он чуть не попал под машину, забыв все те красивые слова, которые придумал, спеша на эту встречу.

2.

Он ждал ее звонка. Ему было очень трудно ждать. Это всегда бывает трудно — ждать. Может, она выйдет в мессенджер, подумал он и побежал в Интернет-кафе. Нет. Офф-лайн. Метался по Интернету. Написал ей семь писем на ящик. Сплошные эмоции. Выходил на улицу покурить. Затягивался жадно, словно это была последняя сигарета, и сейчас его должны расстрелять. Поднимал глаза к небу, видел тучи. Ветер поднимал пыль. Весенний ветер. Это всегда бывает трудно — ждать... ждать... ждать...

3.

Она вышла в мессенджер со своим: «Превед!». Радость его неопишима. Реальность будто сразу наполнилась новыми, яркими красками, а в душе что-то приподнялось и опустилось. Такое ощущение, будто движешься с невероятно высокой скоростью. А на улице весенние ветра. Автомшины несутся по трассе. Пешеходы идут по своим делам, и никому нет дела, что там происходит у него на душе.

4.

Они шли по улице, под фонарями останавливались и целовались. Она смотрела в его глаза влюбленно и преданно. Он прижимал ее к своей груди и испытывал неопишное счастье. Он был счастлив оттого, что она смотрит на него влюбленно и преданно. Они смотрели на звезды, соприкасаясь головами, стояли так на перекрестках улиц, когда мимо проносились автомашины. Им было не до автомашин. Они были в другом измерении. Разговаривали о всяких разных вещах, смеялись, и не было людей счастливее, чем они. Глаза их горели счастливым блеском, и все бы ничего, и ничего бы странного, если бы им не было по семьдесят лет.

Она проснулась раньше, чем прозвенел будильник. Распахнула окно, вдохнула свежий утренний воздух полной грудью и, подняв глаза к Вечному Синему Небу, вдруг вспомнила свою нагаса эжы. Та каждое утро *сайнгаа дээжыень Тэнгэридээ үргэдэг байгаа*,¹ а она, маленькая девочка в белых гольфиках и коротком платице, смотрела на это действо и даже выучила все слова, которые говорила нагаса эжы, и сейчас она поблагодарила Вечное Синее Небо за то, что подарил ей это прекрасное утро. Наверное, сейчас нагаса эжы смотрит на нее с неба, следит за ней, делает все возможное, чтобы помочь ей, чтобы она сделала правильный выбор, чтобы у нее все получалось и, кто знает, может благодаря ее стараниям и молитвам она добилась всего, чего она сейчас добилась. Сейчас она как-то особо остро ощутила, как ей не хватает нагаса эжы, как хотелось бы ей сейчас почувствовать себя маленькой девочкой. У нагаса эжы она была любимой внучкой, знала, что любые проказы будут прощены, и поэтому иногда пользовалась этим. Однажды она играла вставной челюстью нагаса эжы, хотела засунуть ее себе в рот, а та не влезала, она взяла и сломала эту

1 Преподносила Небу верхнюю часть утреннего чая.

челюсть, затем, когда нагаса эжы у нее строго спросила: «Хэн энээнийе эмдээгээ бэ?»,¹ — а она, сделав очень честное лицо, ответила: «Мышка!». Нагаса эжы смеялась, широко открыв беззубый рот. Пока ей делали новую челюсть, она иногда злилась на внучку: «Юундэ шүдөөрни наадаба гэшибши? Тэрэ олон на-аданхайтай байна гүбши!»,² — но это было иногда. Она любила смеяться над произношением нагаса эжы, потому что та очень смешно выговаривала русские слова.

— Нагаса эжы, рюкзак гыт даа.³

В ответ:

— Иригзаг!

— Пальто.

— Пилто!

Приезжая на лето к нагаса эжы, она расслаблялась полностью, ведь та чуть ли с нее пылинки не сдувала, наверное, потому что она напоминала ей ее саму в детстве, потому, наверное, что у нее такая же родинка на коленке, как у нее, и еще, наверное, потому, что все ее повадки были похожи на ее. Ставила магнитофон и увлекала нагаса эжы танцевать. После они, обессиленные, вместе лежали на диване и смеялись. Они были очень близки по духу. Понимали друг друга с полуслова. Уже учась в институте, приезжая на каникулы к нагаса эжы, она спала до тех пор, пока нагаса эжы не принесет ей в постель утренний чай, так же, как в детстве: «Мухаа, бодо даа...».⁴ Вспомнила, как на первые заработанные деньги она купила две коробки продуктов и привезла нагаса эжы. Слезы благодарности катились по дрожащей щеке нагаса эжы: «Ямар

1 Кто это сломал?

2 И зачем это ты играла моими зубами? Так много у тебя игрушек!

3 Бабушка, скажите рюкзак.

4 Милая, вставай.

бэрхэ басагатай гээшэбиб...»,¹ — целуя ее, говорила она своим старческим голосом. Потом, гордая, она сидела во дворе со старушками-подружками и расхваливала им свою внучку. Вспомнила, как не смогла удержать слез, делая гороо² вокруг гроба нагаса эжы, а на улице накрапывал дождик, как будто Вечное Синее Небо тоже не сдержалось и пролило слезы по поводу кончины ее бабушки.

Тут зазвенел будильник: «Тук-ка-тук-дун! Тук-ка-тук-дун!». Она вернулась из воспоминаний в реальность, будильник разбудил ее от воспоминаний. Она выключила будильник, совершила весь утренний туалет, наскоро перекусила и, на ходу застегивая пальто, вышла из дома. Смотрела в окно такси на небо, над проносящимися мимо крышами домов, и думала: «*Нагаса эжы, би танаа амаргүй ехээр үгылнэб даа!*».³ А на улице стояла весна, со своими ветрами. Рваные облака спешили на запад, по тротуарам сновали пешеходы, в ее в глазах отражалось Вечное Синее Небо.

1 *Какая же у меня доченька молодец.*

2 *Ритуальный обход.*

3 *Бабушка, мне вас очень не хватает!*

Он проснулся в половине девятого с острым чувством грусти, тоски, недостатка чего-то очень важного. Сегодня утренним рейсом улетела на Ту-154 его любимая. Улетела на неделю. Не прошло еще и пяти часов, а уже так грустно, что не хочется спать, хотя вроде бы должен спать, ведь спал он всего-то часа четыре. Нет аппетита, нет и все... не хочется ничего.

Он сел на кровати, свесил ноги, нащарил тапочки, включил магнитофон и, почесывая шею, уныло побрел к умывальнику. *«Вокруг так много разных лиц в вечернем праздничном веселье, но никому не разделить с тобою нас, мы нераздельны»*, — Шатунов из динамиков. Он чистит зубы и смотрит в зеркало на свое отражение, и тут он так ясно, так отчетливо вспомнил день из далекого детства, что улыбнулся своему отражению и подмигнул ему, точно так же, как тогда.

1989 год. 28 декабря. Сегодня будет празднование Нового Года в школе. Сегодня он пригласит ее на медленный танец и, может быть, скажет ей то, что он так хочет сказать. Уже с первого сентября все его мысли заняты ею. Как увидел ее, так и потерял покой.

Он проснулся рано утром. Он дома один. Родители на работе, брат в армии, сестра в институте в Улан-Удэ. Включил

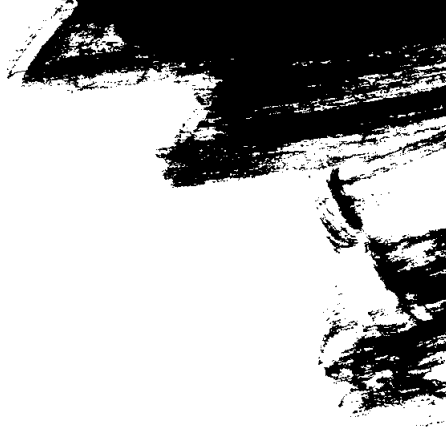
магнитофон «Романтик». Оттуда «Ласковый Май» голосом Шатунова запел про то, что этот зимний вечер самый лучший. Он чистит зубы и смотрит на свое отражение в зеркале. Настроение отличное, сегодня будет Новый Год в школе, сегодня он обязательно пригласит ее на медленный танец, сегодня он, может быть, скажет ей то, что так хочет сказать. Он улыбается и подмигивает своему отражению в зеркале, типа: «Все будет зашибись!».

Вечер. Мерцали огни дискотеки, елка горела разноцветными огнями, в спортзале КСШ-1 витал Праздник Новый Год. Все в маскарадных костюмах. Веселье, смех, радость! А ему было до всего этого все равно, он сегодня первый раз в своей жизни пригласит на медленный танец девочку, ту, которая для него значит очень много с того самого мгновения как он ее увидел, ту, которая всегда в его мыслях, ту без которой он не может прожить и дня. Он в своем дурацком ковбойском костюме, в картонной шляпе, смотрел на нее, а она была неотразима в своем костюме цыганки. Ее черные, как влажные ягодки черемухи, глаза светились радостью и весельем, она смеялась, танцевала. Он тоже двигался в темп музыке, но все мысли его были: «Хэзээ медляк табиха юм?!»,¹ — он так ждал, когда же поставят медленную музыку, что время начало тянуться чересчур долго. Наконец-то, объявляют медленный танец, и он уверенной поступью подходит к ней и приглашает ее. Она соглашается, и они начинают двигаться вместе, на расстоянии вытянутой руки. Он смотрит на нее и все никак не может найти в себе силы сказать ей то важное, что так хотел сказать, а она смотрит в сторону. Она так красива, ее ресницы загнуты кончиками вверх и от этого она похожа чем-то на лисичку, ее

1 Когда же поставят медляк?

пухлые щечки горят алым румянцем, ее черные-пречерные волосы распушены, а он за весь танец так и не нашел нужных слов и вообще ни слова не сказал, но все же был ужасно рад тому, что первый раз в своей жизни танцевал медленный танец с девочкой, которая свела его с ума своими черными глазами. Он был безумно рад, что она не отказала ему и вышла с ним танцевать. Вечером, идя домой, стуча по гололеду замерзшими ногами в ботинках, он вспоминал, как они танцевали медленный танец и переполненный непонятными его юной и чистой душе чувствами, он выбросил в снег черную, картонную, ковбойскую шляпу и побежал вперед, раскинув руки, ловя широко раскрытым ртом пушистые снежинки.

И вот, спустя пятнадцать лет, он так отчетливо вспомнил то настроение, то чувство, которое было тогда, довольный вышел на улицу, поднял голову к Вечному Синему Небу и попросил, чтобы у нее в этой поездке все получилось так, как она запланировала. Идет он и думает, что за все эти годы она нисколько не изменилась, те же глаза, две влажные ягодки спелой черемухи, те же ресницы, загнутые кончиками вверх, те же пухлые щечки, вспыхивающие иногда румянцем, тот же голос, самый любимый голос, который он узнает из тысячи других.

«... устал я тут сидеть без дела и зырить в окно на весенний ветер, который гуляет по улице, поднимая пыль и кружа мелким мусором, словно в каком-то танце. Знаете, может это покажется кому-то странным, но мне не нравится весна! Из четырех времен года, самое стремное для меня — это весна, потому что она изменчива: вроде солнечно, а выйдешь на улицу — дубак, вроде утром холодно, а днем жара. Ну да, ладно, это все так... просто так...», — записал он в своем дневнике и, встав из-за стола, направился к раздевалке. Застегнул куртку на все пуговицы, спустил уши кепки и, засунув руки в карманы джинсов, пошел к остановке трамвая. Едет на работу. Он сторож в киоске. 350 000 рублей зарплата. Ночь через две. Неплохая прибавка к стипендии. За ремнем на животе греются «Братья Карамазовы», в наушниках The Doors: «I tell you we must die!».

В трамвае час пик, народу точно селедок в бочке. Он стоит у окна и смотрит на отражение людей в стекле. Каждый из них движим какой-то целью, каждый из них хочет чего-то добиться в этой жизни. Кто-то думает о трех рублях, а кто-то о трех миллионах, но в чем-то они все похожи. А в том похоже, что с каждым мгновением из них всех вытекает жизнь, и надо торопиться, черт возьми, чтобы успеть. Успеть. Только

вот, что успеть? — этот вопрос не дает ему покоя уже несколько месяцев. «Что делать? Где-то, ради чего-то... Где это? Что это? Покажите мне это!».

Он закурил сигарету и, выдыхая дым через нос, звонким щелчком отправляет спичку по высокой параболе в Вечное Синее Небо.

Магнитофон «Романтик» дребезжал про то, что он не знает, что сказать ей при встрече, не может найти хотя бы пару слов. Он сидел и пытался делать домашнее задание по английскому, но никак не мог сосредоточиться на предмете. Все мысли были о ней, чьи черные глаза, похожие на влажные ягодки спелой черемухи, лишили его покоя. Он засунул в сумку учебники, тетради, ручку — подготовился к завтрашним урокам. «*Шихайшаа?*»,¹ — спросила его мама. «*Баатарта ошоод ерэхэм!*»,² — закрывая дверь. Выскочил на улицу, зажмурившись, взглянул на солнце, сжал в кармане письмо, которое он написал ей. Да, он решил сегодня сходить и опустить это письмо в ее почтовый ящик. Он шел к ее дому и был уверен в том, что он это сделает. В груди было как-то щекотно от того, что он собирался сделать, он улыбался своему решению, как же хорошо придумано — письмо! Ведь все равно не сможет он ей сказать в лицо все те слова, которые он написал в письме, а тут она прочтет и поймет, как он ее любит, как он не может не думать о ней, как он начинает смущаться, находясь рядом, как лю-

1 Ты куда?

2 К Батору схожу.

буется ею на уроке, забыв про все. Это было действительно так. Он влюблен. Он потерял покой, все его мысли заняты ею. Даже учителя заметили, что он стал равнодушен к занятиям, успеваемость резко снизилась, а ему самому до всего этого нет дела. Он идет к ее дому, к ее почтовому ящику, идет, сжимая в кармане куртки конверт с листком, исписанным его переживаниями. Он идет, а на улице апрель, весенний ветер кружится вокруг, солнце заглядывает ему в глаза. Он улыбается ветру, подмигивает солнцу, он счастлив. Он счастлив оттого, что она сегодня узнает, что он ее любит, что не может без нее. Он счастлив просто оттого, что на улице весна вступает в свои права. Вот он прошел мимо автовокзала, вот свернул на ее улицу, что-то стало боязно, а вдруг она его не любит и, когда она прочтет это письмо, то откажет ему, и как же тогда дальше быть? А? Он начал сомневаться, а, может, лучше не надо? Пока сомневался, уже дошел до ее почтового ящика, вытащил письмо и уже хотел спустить его в щель, как сзади: «Сайн байна!». Он вздрогнул, узнал ее голос, он узнал бы его из тысячи, самый красивый, самый любимый для него голос. «Сайн!». Он обернулся и увидел ее. Она стояла против него и, улыбаясь, смотрела ему прямо в глаза: «*Ши эндэ юу хэжэ байнабиши? Газетануудые хулуужархиха һанаатай байжа байнаг-ши?*»,¹ — и засмеялась звонким смехом. «*Үгы юм ааб даа!*»,² — он потупил взгляд, но тут почувствовал какую-то уверенность и, взглянув ей прямо в глаза, выплеснул ей все свои волнения, сказал что не может без нее жить, что все время думает о ней. Когда идет за водой, думает о ней, на тренировке думает о ней, на уроке смотрит на нее и думает, конечно же, о ней, что он ее

1 Что ты здесь делаешь? Думаешь, как бы стащить газеты?

2 Нет, конечно.

очень любит, что она для него значит больше, чем он сам, что он хочет с ней дружить. Она смотрела ему в глаза, и было невозможно понять, что она думает. Он же, сказав все, сунул ей в ладонь свое письмо и убежал. Засыпая, он думал, что все-таки хорошо, что он не испугался и сказал ей все.

На завтрашний день, после второго урока она, проходя мимо, сунула ему в руку записку. Там было написано, что она тоже равнодушна к нему, что она тоже слишком часто думает о нем, что она согласна с ним дружить! Он чуть не подпрыгнул от радости. Затем все в округе узнавали их издали, они все время были вместе, шли по улице, взявшись за руки, болтали ни о чем. Люди, глядя на них, не могли не улыбаться, слишком уж они были хорошенькие. Вы спросите, что же дальше? А дальше все было хорошо. Они закончили школу, поступили в университеты, окончили их, став высококлассными специалистами, женились, родили пятерых симпатичных детишек: троих мальчиков и двоих, стало быть, девочек. Дожили до старости, стали дедушкой и бабушкой, объездили весь мир, путешествуя и, достигнув возраста девяностоодного года, умерли в один день. Уснули, обнявшись, и так и не проснулись. На улице был апрель. Весна вступала в свои права. Перелетные птицы возвращались с юга.

| ЭТО НЕ ЛЮБОВЬ

Он вышел из подъезда, поднял воротник куртки и, закулив сигарету, пошел в сторону дороги, руки в карманах брюк, в глазах веселая искорка. Идет он на вечеринку — 8-е марта. Едет в такси. Смотрит на торопливых людей, витрины магазинов, улыбка теплится на губах.

«Сайн байна!», «Зда-а-арова!», «Ай-уй!», «Асса-трасса!»... Буузы, торты... Цветы девушкам, подарки, водка, вино, пиво... Пиво, водка, вино... Вино! Водка! Пиво? Не-э-э-э, лучше водки давай! Водка! Сидит с гитарой: *«Я стою в темном углу... Я не знаю, что случилось со мной»*, — вокруг много лиц, красивых и не очень красивых. Он поет, а в глазах образ той, которая причина его странной, доброй и спокойной улыбки. Все его песни только для нее. Она далеко. И, может быть, что она и не думает о нем, может быть. Шумной гурьбой вывалились на улицу. На трех такси в ночной клуб. Зажигательные танцы. Потные, горячие тела двигаются в быстром ритме. Он сидит с Джонни Уолкером в стакане, дымится сигарета. Он улыбается, вспоминает ночную прогулку, когда провожал ее, как проходили они под лысыми фонарями, целовались.

Он едет домой, когда прилетает смс-ка: «Скучаю», — и сердце застучало в груди пулеметом. Радость хлынула через край! Счастье переполняет его и вырывается фонтаном через его счастливую улыбку! Любовь? Нет! Оу, оу! Но это не любовь.

Ушел домой. Стремительно ушел. Ушел без оглядки. Ушел! Всякие механические штучки напрягают его сознание своим великим множеством определений, в большинстве своем латинского происхождения. Напрягают. Вольная борьба, уличные драки, бандитские разборки, все это наложило несмываемый отпечаток на его поведение в обществе. Он ставил себя выше очкариков. Он их давил психологически, уничтожал морально и, если находился кто дерзкий, сбивал его с ног правым боковым или стремительным броском через бедро, и все равно уничтожал, прессовал и душил. Почему? Не знает. Ему не нравились эти людишки, не нравились своим теоретизмом. «Теоретики!» — обзывал он их, — «у-у-умный что ли?» — начинал он, а заканчивал ударом. Так и жил, институт закончил. Начал работать на «дядю», и тут он потихоньку пришел к тому, что теоретики — они везде, и с этим приходится мириться. Он и мирился. Смотрел на своего начальника и думал: «*Шамай халгаажархиха байгаа*».¹ Так прошли годы. От него прежнего остались лишь сломанные уши и грубый, острый взгляд узких черных глаз. Его друзья тоже изменились, подженились,

1 Уничтожить бы тебя.

потолстели и все чаще проводили выходные дома, в обществе семьи и бутылочки пива. А раньше они собирались вместе, шумной толпой, играли футбол, пиво по барам, гонки по ночному Улан-Удэ, шумели все выходные, чтобы в понедельник сидеть на работе с потухшими глазами и со зверским сушняком в пересохшем горле. А он, со сломанными ушами, не смог пристроиться там, где смогли теоретики, не смог потолстеть и разлентиться. Сидит он верхом на черном Морхооне в своей родной степи, пасется отара в шестьсот овец. А он, сломанные уши, сидит и чатится по ноутбуку со своими друзьями. Солнце, яркое Солнце над его головой. Небо, Вечное Синее Небо отражается в экране ноутбука. Бүргэд¹ парит в небе, пасется отара в шестьсот овец.

| БИГУДИ

Они жили вместе уже тысячу лет, и было между ними всякое — ругались, мирились. Она била посуду, в нервном раздражении называла его всякими мерзкими словами, топала ногами, срывалась на крик, и он тоже не следил за выражениями. В такие моменты он уходил, хлопнув дверью. Шел по улице, нервно куря сигареты, одну за другой. Но все это как-то утрясалось, забывалось, и они вместе, обнявшись, лежали на диване и зырили фильмы на DVD, переживая за главных героев так, будто и не было этих ссор. Это потому, что они любили друг друга.

Кхммм... Я вот уже и не знаю, что такое любить. В моем понимании, это понятие вечное, такое, что ты ни на секунду не прекращаешь любить того, кого ты любишь, но всегда случается так, что те, которые вроде как любят друг друга, расходятся, разрывают отношения с мазохистским удовольствием, с какой-то большевистской решимостью сжигают мосты, последние мосты. На их лицах, с безумным блеском в глазах, отражаются языки пламени и... все — конец! Не отвечают на звонки друг друга и сухо процеживают: «Нет!» — на смс-ки. Любовь заканчивается тогда, когда кто-то из них двоих на-

чинает, не смущаясь, пердеть в постели, как говорит один мой друг, и когда при нем (ней) начинает стричь ногти на ногах. Ну, да ладно!

Лежат они на диване, зырят фильмы на DVD, кушают вино-град, попивают вино, и нет людей счастливее их на всем белом свете. Он смотрит на нее и видит в ней ту самую единственную и любимую, ради которой он готов на все, и она говорит тоже самое, нечто подобное. И лежат они на диване, зырят фильмы на DVD, а за окном проносятся годы, так и живут вместе уже тысячу лет: сын, дочка, работа, дом.

Одним словом, он один из тех, у кого есть сын и есть дочь, для которого есть день и есть ночь, и которого ждет дома обед, как пел про них Виктор Цой.

Футбол по субботам с друзьями на Центральном стадионе. Пиво с ними же. Вечером сидит он на кухне, ест подогретый суп. Пьяный и грустный. А она, его жена, бигуди в волосах, моет посуду и ворчит на него, типа, этот футбол ее достал, что он сломал ей всю жизнь, что Гале муж подарил норковую шубу, а его зарплаты едва хватает на квартплату и пропитание, что он думает только о себе, что его друзья все неудачники и бла-бла-бла, а он ест подогретый суп, смотрит на нее и видит в ней ту, которая для него самая единственная и любимая, хотя и постаревшая, хотя и подряхлевшая, хотя и с отвисшими сиськами и дебильными бигудями в волосах, но такая же, как и тогда — тысячу лет назад, когда они лежали вместе на диване и зырили фильмы на DVD, красивые и молодые.

Сидит он и ест подогретый суп, пьяный и грустный.

«Не надо выпячивать свое я!», — грубо оборвал он ее и вышел на улицу. Идет в бар. Брови нахмурены, руки в карманах брюк, смотрит себе под ноги, шапка сидит криво. Идет в бар. Ему плохо оттого, что он ожидал совершенно другого от их совместной жизни. Они начали жить совсем недавно, прошло всего два месяца, а она позволяет себе рыться у него в телефоне, удалила номера всех знакомых девушек, все номера с женскими именами удалены из его телефона ею, даже такие, как Дарима Чимитовна. Она ведь знает, что это начальник отдела кадров, женщина пятидесяти лет, замужем уже лет тридцать, сын которой старше его... все равно удалила. «Ши хаанабши?»¹, «Хэнтэйбши?»², «Юу хэжэ байнабши?»³ — вопросы летят на него с периодичностью в тридцать минут все эти два месяца. Он понимает, что, наверное, она ревнует его, но ведь ни одного повода для этого не было. Ни одного, хотя бы маломальского повода. Нужно ли ему это? Казалось бы, ему это не нужно, но он идет домой: за пазухой цветы, на губах улыбка, в желудке весело булькают четыре кружки темного пива.

1 Ты где?

2 Ты с кем?

3 Чем ты занят?

| ДЕВУШКА-СОЛНЦЕ

Девушка-Солнце шла по улице большого города. Метель заметала ее следы. Она шла, кутаясь в пуховик, но все равно ей было холодно, холодно потому, что на улице метель, но еще холоднее оттого, что кругом злые и колючие взгляды. На работе на нее катят бочку, хотя к этой бочке она не имеет никакого отношения. В этом большом многомиллионном городе она одинока. Это, может быть, покажется вам абсурдом, быть одинокой там, где много миллионов жителей, но так оно и есть на самом деле. Она одинока. Она ужасно одинока, но каждое утро она просыпается с улыбкой, она улыбается городу, улыбается Солнцу, хоть его и не видно из-за туч, но она улыбается Солнцу! Она знает, что оно есть, хоть и не видно, но есть! Не обязательно нужно быть видимым, чтобы быть! Девушка-Солнце подобна лесной лани, каким-то чудом попавшей в каменные джунгли, где живут по закону: «кто сильнее, тот прав!», где забыли справедливый закон: «мы с тобой одной крови, Ты и Я!», — по которому жили обитатели индийских джунглей, где жил Маугли, Балу, Багира и Мудрый Каа. Наша лесная лань, живет в Каменных джунглях, и каждый день сталкивается с колючим равнодушием окружающих. Но как бы эти джунгли не были холодны и неудобны, в ее гла-

зах живет Солнце, прожектором бьет из красивых ее глаз. В ее улыбке живет первый луч восходящего Солнца, в ее волосах потерялся степной ветер, ее движения изящны как движения лесной рыси, ее смех как журчание холодного ручья, стремительно спускающегося с вершин Ябаган Дабаана в Кижингу. Она подобна цветку подснежника, пробившегося ранней весной через асфальт на тротуаре большого города, нежная. Идет она по улице, и бьет прожектором из ее глаз Солнце! Людям от этого света становится теплее, пробуждается в их сердцах что-то прекрасное и хорошее, которое, казалось, исчезло навсегда из их сердец под влиянием жестких законов и стремительного ритма зарабатывания денег. Они улыбаются и дарят друг другу цветы и улыбки, и не знают, что это благодаря Девушке-Солнцу. Не знают... А Девушка-Солнце идет по улице каменных джунглей и несет улыбку, первый луч восходящего Солнца, вспоминая Степного Орла, который кричал ей с Вечного Синего Неба, что у нее все будет хорошо! Да! У нее все будет хорошо!

Улыбайся, Девушка-Солнце! Дари каменным джунглям Солнце каждый день! И не дай Солнцу потухнуть в твоих глазах! Улыбайся!

| ВСЯКОЕ ПРО ВСЯКОЕ

Прищемили в дверях сердце и выскоблили душу чем-то твердым и колючим, оставив там рваные раны, которые кровоточат грустью и невыносимой тоской. Кровоточат по тому, что ушло уже в прошлое, превратилось в пыль. Было ли это? Может ему все приснилось, глюканул? Возможно, он излишне драматизирует ситуацию. Может быть. Но сегодня он проснулся с тяжелой головой, с приступом диареи, сидит он на толчке и грустит. Тоскует. Вообще, что может быть лучше, чем кайфово посидеть на толчке? Нет ничего. Вот и я о том же. Нет ничего лучше, чем здорово посидеть на толчке. Вот и он сидит на толчке, с прищемленным в дверях сердцем, с выскобленной до кровавых ран душой и смотрит перед собой в дверь толчка. Та, которую он любит всей душой и всем сердцем, кто она? Где она? Она сидит у себя дома перед монитором и изучает рынок ценных бумаг, думая куда лучше уйти: в акции или облигации? Нет ей никакого дела, что в тысячах километрах от нее сидит на толчке чувак и думает о ней, думает о ней с тех пор как они расстались, что раны его кровоточат с тех самых пор. А помнит ли она, как они вместе гуляли по ночным улицам, как сидели в кино и зырили фильмы, как бухали с друзьями, как смеялись, глядя друг другу в глаза? На-

верное, помнит. Только вот спит в кроватке ее сын, трехлетний малыш, сидит на диване и зырит т в ее муж, которого она, может быть, любит так же, как и того чувака на толчке десять лет назад. Это значит практически ничего, кроме того, что зря этот чувак тоскует по ней, напрасно грустит по тем моментам, когда она, смеясь, заглядывала ему в глаза, клялась в вечной любви. «У-ха-ха-ха! Как мне смешно... как мне смешно... как мне смешно!».

Чувак вышел из дома и побрел к магазину. Хочет взять себе чего пожрать и выпить. Телефон его разрывается, а ему пох@й до тех, кто его беспокоит. Не читая, стирает смс-ки вчерашних собутыльников. Сегодня он как-то чересчур сильно ощутил то, как не хватает ему ее, что никто ему не нужен, кроме нее, а прошло, между прочим, несколько долгих лет с тех самых пор. Сидит он на кухне, постепенно пустеет бутылка «Байкала». Сидит бедняга-чувак на кухне и думает о ней. Открылись его незаживающие раны, открылись и кровоточат грустью и тоской.

На улице темнеет. А там, за тысячи километров от него, она собирается заснуть, прижавшись щекой к волосатой груди своего мужа, которого она, может быть, любит так же как и тогда этого чувака, с незаживающими ранами.

| НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Забежал в общагу, на вахте ключи, через три ступеньки на пятый этаж, на свою койку. В подушку выплеснул все, что не сумел сказать там, на автовокзале. Гордость! Она уехала навсегда... навсегда. Все! Он читал у нее в глазах, что если бы он сказал то, что не сумел, то, возможно, она осталась бы, но он не сказал. Лишь в тот момент, когда автобус уже отходил, она вдруг бросилась к заднему окну и кричала ему что-то, слеза катилась по ее щеке, у него дрогнула в душе какая-то нежная и очень хрупкая струна, издав красивый и очень тонкий звук, но он сжал в кулак эту струну, вырвал ее с мясом и вместе с окурком выбросил в урну. Помахал ей вслед рукой и шагнул в общагу. Умирает у него в душе то, что раньше он называл любовью. Умирает в мучительных агониях. Он нервно курит сигарету за сигаретой, идет, прибавляя шаг, идет по улицам, где раньше они гуляли вместе. Он читал ей Намжила Нимбуева,¹ она прятала лицо в букете ромашек, и счастливый блеск появлялся в ее черных глазах. По этой улице он бежал под осенним дождем, спрятав за пазухой пирожное для своей любимой. Вода весело стекала по его шее, за шиворот, а он бежал, перепрыгивая через лужи, встряхнув головой, сбрасывал

1 Намжил Нимбуев (1948–1971), бурятский русскоязычный поэт.

капли с мокрой головы. Капли дождя летели и падали ему на лицо. Ему было хорошо оттого, что в комнате общежития ждет она, его единственная и неповторимая, его милая и красивая, его самая хорошая и умная, его ждет Любовь. От таких мыслей у него в душе что-то поднималось и опускалось, будто он двигался с невероятно быстрой скоростью. На этой улице он впервые увидел ее. Она шла со своими одноклассницами, увидел ее и потерял привычное восприятие мира. Все его внимание сфокусировалось на ней. Она шла, ее черные глаза блеснули веселым огоньком, ее черные волосы колыхал весенний, прохладный ветерок. Он был убит наповал. Амур всадил ему пулю сорок пятого калибра в его дерзкое, гордое сердце. А сейчас он идет по этой улице, автобус увозит ее от него навсегда. Из динамиков музыкального киоска — «Кино»: *«Покажи мне людей, уверенных в завтрашнем дне»*. Внутри него идет борьба Гордости с Любовью, сталкиваются лбами, искры летят. Эта борьба переполняет его нутро, сжигает всего изнутри, и уже не может он спокойно идти, и вместе с очередным приступом агонии умирающего чувства, переходит на бег. Бежит, проносится его отражение в витринах магазинов, где раньше отражались они вместе. Бежит его тело, бежит, потому что не может спокойно идти, бежит, потому что не влезает в него печаль, грусть, злость на себя, на нее, боль утраты. Бежит, а сознание его застыло в тупике и не видит выхода, одна лишь тень, тень падающего с огромной высоты чего-то страшного и незнакомого...

Неопределенность.

Дверь в комнату не заперта. Он спит на койке в одежде, на щеках русла высохших рек-слез, из соседнего окна — магнитофон голосом Цоя: *«... скоро кончится лето»*.

Тумэр убаюкивает маленькую Пылму: *«Мигмэд зэви дэрчен Жанрайсиг! Демид ченби ванбо Жамбиян! Ганжан хэви зугжан Зонхааваа! Ловсан дагби шавла солвандэв!»*,¹ — точно так же, как его убаюкивала нагаса эжы, когда Тумэр был маленьким. Из детства остались хорошие воспоминания. Мэгзэм,² под который он засыпал. Зула³ на алтаре. Темно в доме, и лишь свет от зула выхватывает из темноты улыбающиеся лица Будд. Запах талхатай шүлэнэй.⁴ Речка и костер на берегу. Футбол летом и хоккей зимой, когда делились на четыре команды и до захода солнца рубились в кубки. Динамо (Киев), Спартак, Ювентус, Днепр — летом... Нью-Йорк Рейнджерс, Питсбург Пингвинз, ЦСКА, Крылья Советов — зимой... И всегда детство ассоциировалось с самым вкусным на свете нагаса *эжын*

- 1 Четырехстрочная Мигцема:
Авалокитешвара — великая сокровищница безобъектного сострадания, Манджуши — владыка незагрязненного ведения, Украшение в короне мудрецов Страны снегов — Цонкапа, Стопам Лозанга Драгна поклоняюсь с мольбой! (молитва-благопожелание Цонкапе).
- 2 Мэгзэм — бурятское произношение Мигцемы.
- 3 Лампадка.
- 4 Супа с лапшой.

шанахан талхатай шүлэнтэй,¹ с ее рассказами о своей жизни, с ее песнями, когда щемит душу от протяжности и чего-то такого, которое невозможно определить, которое можно лишь почувствовать, с ее запахом, запах санзай, дыма и еще чего-то непонятного. Приятный запах нагаса эжы. Из множества внуков нагаса эжы особенно любила Тумэра, наверное, потому, что он был рожден в год огненного дракона, как и его нагаса баабай,² ее муж Сампил, который умер, когда родился Тумэр. Да, Тумэр был похож на своего нагаса баабай. Нагаса эжы думала, что это Сампил переродился, никто ее в этом не переубеждал, ведь возможно и такое. В жизни Тумэра нагаса эжы занимала очень важное место, он любил ее. Они ладили, понимали друг друга с полуслова. Приезжая на каникулы в деревню, Тумэр первым делом отправлялся к нагаса эжы и они болтали всю ночь. Она знала все его секреты. Он знал всю ее жизнь. Ведь столько часов они провели за беседами. Потом нагаса эжы заболела и слегла. В начале весны ее не стало. *Бурхан болоо*.³ Тумэр знал, что нагаса эжы обрела хорошее рождение. Знал, что нагаса эжы обрела покой, что ей теперь хорошо, но все равно, как вспомнит он ее, в груди так защемит, станет так грустно и слезы наворачиваются на глаза.

В ту же весну он встретил одну девушку, которая поразила его с первого взгляда. Он как-будто знал ее уже тысячу лет. С первых минут общения была между ними легкость и простота. Они смеялись и болтали так, будто знакомы уже несколько лет, хотя встретились только час тому назад. Потом оказалось, что по году она железная обезьяна, так же как и нагаса эжы. «Это судьба!», — пронеслось в голове у Тумэра. В об-

1 Сваренный бабушкой суп с лапшой.

2 Дедушка по материнской линии.

3 Обратилась в божество.

щении она очень напоминала ему его нагаса эжы. Такая же веселая, такая же. Теперь стало понятно, почему у него такое чувство, будто знает ее уже тысячу лет. И Тумэр посмотрел ей в глаза, спросил: «Ты хочешь прожить долгую и счастливую жизнь вместе со мной?», — спросил, будучи уверенным, в том, что так и будет, если она согласится, что не может быть иначе, что вот она сидит перед ним, его счастливая Звезда! Он знает, что будет добиваться ее любви, что бы там ни было. Конечно, в тот день она ничего не ответила. Но через несколько недель она дала ответ — положительный. Была свадьба, все дела.

И вот родилась у них дочка, которую Тумэр назвал именем своей нагаса эжы — Пылма. Хоть и не модно, хоть по-русски оно звучит не очень, дело не в этом! Главное, у него теперь есть его нагаса эжы, — маленькая.

Ходит Тумэр по комнате, убаюкивает маленькую Пылму: *«Мигмэд зэви дэрчен Жанрайсиг! Демид ченби ванбо Жамбиян! Ганжан хэви зугжан Зонхааваа! Ловсан дагби шавла солван-дэв!»* — улыбается, вспоминая свою нагаса эжы. Спит жена Туяна — его счастливая звезда. На алтаре горит пламя зула, выхватывая из темноты улыбающиеся лица Будд.

Было бы все хорошо, если бы все не было так плохо, как оно есть на самом деле. Ригзема, не смотря ни на что, находила в себе силы улыбнуться утром солнцу, отвести в садик дочку, на работе делать вид, что у нее все хорошо. Она не отчаивалась, твердила себе, что, рано или поздно, у нее все будет хорошо. Шесть лет тому назад, когда умер отец, мама заболела и слегла. Ригзема тогда училась в Улан-Удэ на втором курсе, ей стоило невероятных усилий не бросить учебу и не сломаться. Потом она похоронила маму. Не прошло и года, как она осталась совсем одна. Отец и мать оставили ее. Шел снег, гроб погрузили на грузовик, и машины тронулись. Ригзема стояла и смотрела вслед машинам, и слеза катилась по ее щеке, она не понимала, за что на нее так обозлилась судьба, вопрошала себя — когда она посеяла причину этих страданий, ведь ее родителям едва перевалило за сорок? Она была на грани срыва. Ригзема сорвалась бы, если бы не Батор, который поддерживал ее, который в школе писал ей записки, провожал после уроков, писал письма из армии. Батор подставил ей плечо, поддерживал ее, в его глазах она увидела то, ради чего стоило жить дальше. Он любил ее с тех самых пор, когда они вместе играли в песочнице, она помнит, как Батор провожал ее после уроков,

как пьяный на своих проводинах в армию говорил: «*Рэгзэмаа, намайе хүлээгээрэй*».¹ Он любил ее. Потом была свадьба. Снимали квартиру на Октябре, Ригзема заканчивала институт, Батор работал в банке охранником, учился заочно на юриста. После окончания института, осенью, Ригзема родила дочку. Оюна. Жизнь начала налаживаться. Батор окружил своих девочек теплотой и нежностью. Приходил с работы, приносил цветы. Ригзема была счастлива. Любимый муж, любимая дочка, но тут случилась трагедия. Батор наткнулся на нож в совершенно ненужной и глупой драке, прямо в сердце. Ригзема сидела, обняв дочку и, раскачиваясь, смотрела в никуда. Она запретила себе плакать, слишком она любила Батора, чтобы сделать ему плохо, а у бурят по умершим не плачут, и Ригзема держалась. Это был тяжелейший удар по сознанию двадцатидвухлетней девушки. За четыре года потерять троих самых близких людей. В голове единственная мысль стучала как барабан: «*Басагамни, Оюунамни!*».²

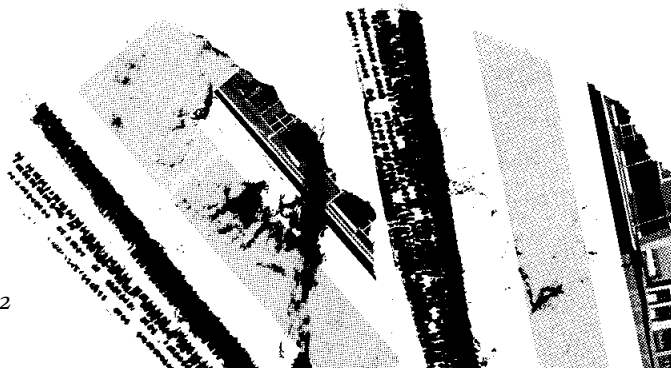
Она понимает, что должна жить дальше, должна жить ради своей дочки, и нет у нее возможности впасть в отчаяние, как бы ей этого не хотелось. Хотя она билась в истерику, но единственными свидетелями этого, когда она, стиснув зубы, беззвучно рыдала и неслышно билась о холодный кафель в ванной, были ванна, шампуни и всякие банные принадлежности. Затем она умывалась и выходила к дочке, как ни в чем не бывало, как будто это не она только что рыдала в ванной. Жизнь продолжалась. Как всегда солнце вставало на востоке, поднималось в зенит и заходило на западе. Солнце сменяла луна. Осень кружила хоровод опавших листьев, зима

1 *Ригзема, жди меня.*

2 *Доченька моя, Оюна!*

покрывала землю пушистым белым снегом, за зимой приходила весна, за весной лето. В общем, все как всегда. Боль притупилась, душевные раны затянулись, жизнь вошла в более-менее нормальное русло. Ригзема старалась забыть все потрясения, старалась как можно реже вспоминать о трагедиях. Работа, дочка...

Сидит Ригзема на балконе. Летняя ночь. Дочка спит в своей кроватке. Дрожат реснички, улыбается, наверное, видит хороший сон. Смотрит Ригзема на небо и думает о своих родителях, о Баторе. Она знает, что все у них хорошо, что они обрели хорошее рождение. Но не знает Ригзема, что в этот самый момент, на ту же звезду смотрит Ринчин. Всего в нескольких кварталах от нее. Смотрит Ринчин на мерцание звезды, курит сигарету и не знает, что послезавтра в маршрутке № 37 встретит он ту самую — красивую и единственную, с которой ему суждено прожить долгую и счастливую жизнь.

| ДУВ БАР ШОГ!¹

— Сайн байна!² — наглая пьяная ухмылка, сдвинутая набок шапка-ушанка, в уголке наглой ухмылки дымит сигарета «Прима», руки в карманах полушубка, ноги в унтах расставлены широко, уверенно. Стоит Солбон, среди друзей он Солбоо-деэ или Боня, стоит в дверях Арюны и смотрит на нее, смотрит на нее так же, как всегда, нежно и ласково. Нежность струится из глаз сквозь наглую ухмылку. Хоть и прошло несколько лет с тех пор, как Солбон вернулся из армии, а Арюна родила без него ребенка, не дождалась одним словом: в общежитии институтской был парняга один, соблазнил ее и бросил, как обычно... Приехал Солбон из армии и с цветами в ее общежитие, а там такие вот дела, пеленки, соски. Солбон стоял на вахте с опустошенным взглядом, а мимо него проносились студенты, друзья студентов, родители студентов. Хоть и клялся Солбон потом, когда пришел в себя от шока, бухая с друзьями на кухне у Эрдэма в 47-м, что все — для него Арюна умерла в тот момент, когда изменила ему, но все равно, тянет его к ней.

1 *Да сбудется задуманное! (тиб.)*

2 *Здравствуй!*

— Сайн байна! — и все, больше ничего в голову не приходит, только вот рану свою раздерет до крови и идет домой или к друзьям, идет и несет эту свою рану, прикрывая ладонью, оставляя кровавый след за собой.

Есть возможность уехать из деревни в Улан-Удэ, работать там в оМоне или у своего нагасы,¹ большого бизнесмена и зарабатывать неплохие бабки, да и девушек красивых там полно. Забыл бы Арюну и зажил бы себе спокойно, но нет. Живет у себя на родине, живет с нагаса эжы² вдвоем. Хозяйство: коровы, овцы, свиньи. Зимой в лес — по дрова, летом — сенокос. В перерывах, конечно, бухает с друзьями. А Арюна в школе. Учительница начальных классов. Закончила и приехала домой. Поедет Боня по дрова в лес и пару машин Арюне завезет. Забьет свинью, одну ногу Арюне занесет, но жить с ней не может. Изредка зайдет: «Сайн байна!», — постоит в дверях, даже чай не попьет, уйдет. Идет по улице, несет свою рану, смотрит на Вечное Синее Небо, и слеза тонет в его черных как смоль глазах. «Юунһээ боложо иимэ хуби заяатай байһан байба гээшэби?!»³ — вопрошает он у Неба, а в ответ ему летят легкие снежинки и падают на лицо, превращаясь в капельки чистой воды.

Что будет дальше? Не знаю, честное слово, не знаю. Пусть все будет так, как угодно Вечному Синему Небу. Дув Бар Шог!

1 Дядя по материнской линии.

2 С бабушкой по материнской линии.

3 Отчего у меня такая судьба?

| ДЯДЯ ЖАМБАЛ

Эржена сидела на уроке чтения и вспоминала своего папу. Первый класс. Она очень скучала по тому времени, когда папа жил с ними вместе, а сейчас он с ними не живет. Развелись родители. Без скандалов, тихо-мирно разошлись. Как в море корабли. Папа вдруг перестал ночевать дома. Изредка придет, заберет Эржену на день — кино, аттракционы, мороженое. Уже как-то по-другому смотрит на нее папа, грусть у него в глазах. Раньше он часто смеялся, поднимал ее на руки, а теперь не смеется. Сидели в кинотеатре, смотрели «Мадагаскар», и тут Эржена заметила, что папа смотрит не на экран, а на нее, но она сделала вид, что не заметила. Эржена сидела на уроке, подперев голову ладонями, локтями о парту, смотрела прямо перед собой и вспоминала, как летом они с папой ездили в деревню к хүгшэн эжы,¹ как она сидела на корточках и смотрела как хүгшэн эжы доит корову. Солнце заходило на западе, тучи комаров, хүгшэн эжы рассказывала Эржене, что ее папа точно так же как она, сидел и смотрел, как она доит корову, когда был таким же маленьким.

А сейчас у них дома появился дядя Жамбал. Он хороший. Купил ей на день рождения домик для Барби, да и мама весе-

1 Бабушка по отцовской линии.

лая стала, но зато случилось страшное в жизни Эржены: исчез папа. Появился Дядя Жамбал, а папа исчез.

— *Папа хана бэ? Юундэ ерэнэгүй бэ?*¹ — спросила как-то у мамы.

— *Папашни Москва ябаа!*² — ответила мама и тут же перевела разговор на другую тему.

Эржена звонила папе на сотовый, но там женщина говорила: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Она так ждет папу, хочет, чтобы раздался в квартире звонок: «Тын-тын-ты-ты-тын!», — так звонит папа. По тому как он поднимается по лестнице, Эржена узнавала папины шаги и вместе со звонком открывала дверь, подавала ему тапочки, а он поднимал ее высоко, целовал в щеки, царапался щетиной:

— *Зай, минии жаахан басаган, тоомоо таһараа үгыши мүнөөдэр?*³

Она конечно же:

— *Үгы!*⁴

— *Мольдес!*⁵ — и вытаскивал из кармана м & м's.

Они вместе валялись на диване и смотрели «Симпсонов», папа смеялся. Как не хватает папиного смеха! Вдруг Эржене показалось, что сейчас папа дома, что он приехал забрать свои вещи, три сумки, которые собрала мама и поставила в темнушке. Кое-как досидев до конца урока, она побежала домой, дом ее в двух шагах от школы. Запыхавшись, добегает она до двери, на цыпочках дотягивается до звонка. Открывается дверь. Дядя Жамбал...

1 Где папа? Почему он не приходит?

2 Папа твой в Москву уехал!

3 Ну что, моя маленькая девочка, не шалила сегодня?

4 Нет!

5 От рус. молодец.

Батор поднимается по лестнице. Домой. В кармане билет на утренний рейс в далекий западный город, в один конец. Дом тот же. Подъезд тот же. Лестница та же. А Батор уже не тот, что неделю назад, когда узнал, что жена ему изменяет, изменяет ему с его приятелем Солбоном. С тем Солбоном, с которым Батор тусовался в одной компании со школы, соседи. Солбон до сих пор живет в соседнем дворе, Боня...

У Батора «погремуха» Джигит — за то, что у него внешность хачикообразная, горбатый нос, узкое лицо, чернявый и за то, что нрав у него крутой. Спокойный внешне, но если заведется, то все. Поднимается Батор по лестнице, открывает дверь ключом, снимает куртку в коридоре и проходит в спальню. Оюна, жена его:

— Батор, иди кушать!

— *Не-ээ! Би эдеэлэнхэйб...*¹

Разделся, лег. Отвернулся к стенке, закрыл глаза.

Сегодня Галданыч вызвал его к себе в кабинет: «Что случилось, Батор? Юундэ ажалһаа гарахаа һанаабши?».² Батор никому не рассказывал причину, а тут почему-то взял и рас-

1 Я поел уже.

2 Почему ты решил уйти с работы?

сказал все как есть, наверное, потому, что Галданыч был лучшим другом его отца, который на похоронах отца очень им с мамой помог, которого он знает с детства. Галданыч, ни разу не перебив, выслушал сбивчивый рассказ Батора, позвонил в бухгалтерию и пожав Батору руку: «Удачи! *Бухгалтери руу ошоожо мунгөө аба!*».¹ Когда Батор выходил уже из его кабинета: «*Баатар, бай даа!*»,² — подошел, протянул ему пять тысяч рублей. «Пригодится», — и по-отечески обнял его.

Пришла Оюна, легла рядом, прижалась к нему теплым телом, обняла сзади, поцеловала в шею. Батор поежился так, будто что-то очень неприятное рядом с ним. Оюна та же, что и раньше, те же духи, те же глаза, те же волосы, но после того как он узнал, что она ему изменяет, родилось такое чувство, что она грязная. Такое чувство, подобное тому как, допустим, была у тебя любимая рубашка, которую ты постоянно носил, которая тебе нравилась, но случилось так, что ты уронил ее в общественный туалет, наподобие туалета на автовокзале. Фууу-у-у-у! Даже если 100 000 000 раз постираешь эту рубашку, вряд ли наденешь ее снова, хоть она и та самая, твоя любимая рубашка. Фу! Поежился: «*Оюуна, хүрөө болыш даа. Би унтахаа һананаб!*».³ Обиженно отвернулась.

Батор проснулся рано утром, оделся. В сумку закинул документы, сменное белье. Обжигаясь, выпил крепкий утренний чай. Долго не мог сломанной дрожью рукой попасть в рукав куртки. Посмотрел на спящую Оюну: «*Баяртай!*».⁴ Оставил ключи на столике возле телефона, захлопнул дверь. Вышел из подъезда, посмотрел на восток, туда, где Солнце поднимало голову, закурил сигарету, сплюнул и шагнул к Боне.

1 *Иди в бухгалтерию, получи деньги.*

2 *Постой, Батор!*

3 *Оюна, прекрати. Я хочу спать.*

4 *До свидания!*

«А-а-а... Джигит, что ли? Ну, проходи. Чо не спится-то?», — и падает, сраженный правым боковым. Ногами по корпусу: «Тыц! Тыц! Тыц!». «Что такое?!», — выбежала Эржена, жена Бони. Батор зыркнул на нее так, что та заскочила обратно в спальню и уже не высывалась оттуда, пока продолжался акт мести. Батор бил Боню молча, сильно. Затаптал ему промежность так, что там все хрустело. Прошел на кухню, выбрал самый большой нож, вернулся и отрубил Боне большой палец правой руки, завернул его в платок, в карман куртки. «А-а-а! А-а-а!» — орет Боня. Батор еще пару раз по корпусу ногой.

Сидит с Дамдином в аэропорту, ждет рейс.

— С Боней поговорил?

Батор из кармана палец Бони, завернутый в платок. Дамдин улыбается и кивает головой.

— Респект! Тачку твою продам, не беспокойся. На! — протягивает карточку MasterCard, — тут пять тысяч, как продам, остаток тебе сюда закину.

Пьют пиво.

— *Зай, Баатар, баяртай!*¹ — обнимаются.

— *Баяртай!* — Батор поднимает воротник куртки, выбрасывает щелчком недокуренную сигарету, идет к барьеру. В сумке документы, сменное белье, в кармане тридцать пять тысяч рублей и карточка с пятью тысячами \$.

Рассвет. В синем небе летят самолеты. В одном из них сидит Батор, смотрит на облака сверху, в наушниках Цой: *«Доброе-е-э-э-э утра-а-а, последний герой! Доброе-е-э-э-э утра-а-а тебе и таким как ты!»*.

1 Ладно, Батор, до свидания!

«... песня без слов, ночь без сна, все в свое время — зима и весна...» — Цой из наушников. Бато сидит в сортире и справляет нужду, дым от сигареты лезет в глаза, сортир смердит очень, деревенский сортир. Лет ему эдак двадцать-двадцать два. Не меньше. На улице ночь. «Сможешь ли ты изменить этот мир, сможешь ли ты принять как есть, сесть на электрический стул или трон» — из наушников. «Блин!», — в голове у Бато, ничего кроме этого «блин», потому что что-то не получается в жизни так, как того хочет он. Где-то что-то не так. Если тут хорошо, то там коряво, и он уже запутался в том, что ему нужно от этой жизни. Учиться ли дальше на физмате БГУ или уехать куда-нибудь, например, в армию пойти. Не нравится ему этот физмат, и что он будет делать по окончании университета? Идти в школу и горбатиться там до пенсии, получая мизерную зарплату? Не хочется. Пошарил по карманам: «Блин!» — нету никакой бумажки. «Тот судьбою больше любим, кто живет по законам другим и кому умереть молодым» — Цой. «Сук@! Нэгэл юумэ мартаад лэ байхаб даа»,¹ — грузится Бато, шаря во внутреннем кармане пиджака. Есть! Есть бумажка, шпаргалка по дифференциальным уравнениям. Как, заши-

бись, что он написал шпаргалки по диффурам, хе-хе! Хоть такая радость. *«Мы сидим у разбитых корыт и гадаем на розе ветров..»*, — Бато вышел из сортира, выкинул окурок с оплавленным фильтром. *«Тем, кто хочет умереть молодым»*, — и шагнул по направлению к Баярто.

Зимние каникулы. Сессия сдана вовремя и на хорошие отметки, но нет тяги к изучению математики, нет совсем. В армию идти неохота, и нет такой мечты, чтобы бросить все что есть, а то, что есть у него теперь совсем не то, чего бы он хотел. *«Там за окном сказка с несчастливым концом!»*. Бато идет по ночной Кижинге. *«Странная сказка»*, — Бато идет по улицам, знакомым ему с детства, по которым он бегал с самострелом в руках, или с мячом под мышкой — и он уже не помнит, какие мысли тогда имели место быть у него в голове, но он знает точно — не те, какие сейчас. «Блин!», — в голове зависло это слово, и с каждым прожитым мгновением оно увеличивается в размерах, заполняя своей бессмысленной тупостью все его сознание. Блин! *«У меня есть дом, только нет ключей, у меня есть солнце, но оно среди туч»*, — Бато идет, засунув руки в карманы полушубка, ступая в такт песне, в руке у него бутылка «Рояля», в кармане брюк пачка «Опала», а в голове у него огромное: «Блин!». Он идет пить водку. Бато идет туда, потому что ему совершенно не хочется сидеть дома, не то, что бы он горит желанием пить эту водку, просто это лучше, чем сидеть дома и смотреть «Поле Чудес» с этим неприятнейшим Якубовичем. Бато хочет изменить реальность, сломать привычное ощущение окружающего его Бытия посредством опьянения водкой. Плевать ему, что завтра будет похмелье, плевать на завтра, ведь все равно оно еще для него сыро и пахнет недоваренным мясом. Он слеп, но он ви-

дит свет. Бато сегодня напьется вдребезги и подерется на дискотеке с Дугаром из Ушхайты. Снег во дворе дк обагрится кровью Бато и Дугара, потому что биться они будут так долго и с такой яростью, что даже наряд милиции не станет вмешиваться в эту драку. А пока Бато идет к Баярто, где собираются пацаны и девчонки.

Оставим его в покое и попытаемся взглянуть на него со стороны. Представьте себе ночную Коммунистическую улицу, кое-где на столбах горят фонари. Идет Бато, шапка ондатровая, полушубок черный с цигейковым воротником, брюки, сапоги зимние «Саламандер», хотя издали не видно, что за сапоги. Ночь темная. Из труб дым поднимается столбом. Выражение лица у Бато ближе к грустному, нежели веселому, потому как в голове его едва умещается огромное: «Блин!».

«Но странный стук зовет в дорогу, может сердца, а может стук в дверь! И когда я обернусь на пороге, я скажу одно лишь слово — верь!».

| ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Ночь. Лунная ночь, когда на небе не видно звезд, одна только луна. Полная луна. Баярта идет домой, идет пьяный вдребезги, идет домой, потому что не может не идти домой, ведь если он остановится, то заснет и, наверняка, замерзнет, и утром, уже остывший и превратившийся в твердый кусок замерзшего мяса — труп, найдет какой-нибудь шофер, или сторож, или, быть может, просто какой-нибудь, спешащий на первый автобус до Улан-Удэ, студент. Надо идти. Идет. Холодно. А он не чувствует холода, ему хочется побыстрее добраться до своей комнаты, залезть под одеяло, прижаться к своей жене и забыться крепким сном.

А сегодня днем, на работе, когда Цырен Эрдынеевич сказал: *«Бухгалтери руу ошогты. Мүнгөө абагты»*,¹ — Баярта так обрадовался, ведь им не выдавали зарплату уже полгода, в сентябре дали по стегну худящей коровы, в ноябре по два мешка пшеницы и вот сегодня — дали зарплату за четыре месяца. *«Басагандаа үбэлэй сабхи, Оюунадаа норка малгай. Хоёр машина түлээ абаха хэрэгтэй, энэ үбэл хүйтэнишэг байна, сохом үшөө хоёр машина хэрэгтэй болохо»*,² — планировал он, полу-

1 Идите в бухгалтерию. Получите деньги.

2 Дочери зимние сапоги, Оюне — норковую шапку. Две машины дров, нынче зима морозная, наверняка, еще две машины потребуются.

чая из окошка кассы деньги. Надо было сразу идти в школу и отдать зарплату жене, Баярта так и планировал, но что-то на него нашло, наверное, радость от того, что он сделает все, что запланировал, от того, что наконец-то он получил то, что заработал, от того, что хорошо он не ушел с работы как Нима и другие. Ушли, уволились, три месяца валили лес в Хуртэе и, в конце концов, Ринчин их кинул, не дал ни копейки. Они даже собирались его убить, но тот скрылся и до сих пор не появляется в Кижинге, знает, собака, что его здесь накажут. Говорят, видели его серую «Кресту» в Улан-Удэ. В общем, нашло что-то на Баярта, и он пошел с мужиками в кочегарку, предварительно купив выпивки и закуски. Поначалу было хорошо, все смеялись, общались, выпивали, закусывали, пока не заглянул в кочегарку Юра. У Баярта с Юрой были проблемы, они не могли друг друга переносить, еще со школы они враждовали, хотя учились в одном классе. Дрались из-за пустяков, дрались до крови, пока один другого не вырубит, а одноклассники стояли и смотрели, ибо знали, что их не разнимешь. И вот теперь, захмелевший Баярта начал задирать Юру. Опять была драка. Мужики стали их разнимать, разняли вроде, но, немного погодя, снова ссора и снова драка. Баярта дрался как волк, в нем проснулась какая-то ярость, он не чувствовал боли, он рвал зубами, бил локтями, коленями, пытался выдавить глаза Юре — он превратился в комок злости. Очнулся, когда Батор оттаскивал его от Юры, Юра лежал весь в крови и стонал, мужики смотрели на Баярта и неодобрительно качали головами. *«Ши бэээ бариши даа, Баярта. Юун гэтэрээ Юрада дураа гутаашоо хүмши? Ягаа юм шамайе?»*¹ — спросил его Бадма-ахай,

1 Ты, Баярта, держи себя в руках. Что ты так на Юру взъелся, что он тебе такого сделал?

зайдя в кочегарку. Баярта не нашел что ответить. Юру увезли домой, пришли мужики с гаража больницы, и гулянка продолжилась. Баярта пил много. Пил оттого, что жизнь его как-то не сложилась. Эти четыре года в Гусиноозерской колонии за то, что ударил начальника оvd Кижингинского района, который приставал к его невесте, поставили крест на его учебе в БГСХА, где он учился тогда на ветфаке на одни пятерки. Пил оттого, что невеста его не дождалась и вышла замуж за Ринчина, того, который кинул его друзей. Пил оттого, что работа, на которой он работает, совсем ему не нравится. Пил просто потому, что водка помогала как-то забыться, почувствовать себя хорошо. Пил.

Проснулся оттого, что кочегарская кошка лизала своим шершавым языком его щеки. Вышел на улицу, взглянул на полную луну, пошарил во внутреннем кармане куртки деньги: «На месте». Натянул на уши шапку и шагнул домой. Идет Баярта домой. Идет пьяный вдребезги, идет домой, потому что не может не идти домой. Тут на дороге двое: «*Ахатан, тамхя татуулыт даа!*».¹ Баярта полез в карман за сигаретой, и тут, тот, который стоял справа от него, с наскоку пробил его правым боковым в подбородок. Баярта падал и последняя мысль его была: «*Энэ юун болоно бэ?*».² Те двое, прошарив карманы, нашли деньги — его зарплату, забрали сигареты, сняли часы и, закулив, удалились в сторону центра. Оюна, жена Баярта, не спала, что-то ее тревожило еще днем, сейчас чувство острейшей тревоги овладело ею, но она отогнала от себя дурные мысли и продолжила писать план урока, ведь завтра ей давать открытый урок. А на следующее утро, возвращавшийся

1 Уважаемый, дайте закурить!

2 Что происходит?

домой от любовницы Монсогор¹ Тумэн, споткнулся обо что-то твердое и, еле удержавшись на ногах, вдруг понял, что это лежит человек. Потом приехала скорая, менты, но было уже поздно. Холод сделал свое дело. Спустя время, проходящие ночами мимо этого места прохожие иногда слышали голос, который совершенно ясно спрашивал: «Энэ юн болоно бэ?».

1 Круглый (зд.—прозвище).

| МЫ ПОБЕДИМ!

«Сегодня будет лучше, чем вчера. Сегодня должно быть лучше, чем вчера. Сегодня все будет гораздо лучше, чем вчера. То есть, завтра, чем сегодня — или сегодня, чем вчера, ибо вчера день был хреновый, давно такого хренового дня не было и сегодня тоже какой-то размазанный получился денек. Уже семь вечера, стало быть, сегодня уже закончилось, завтра будет лучше, чем сегодня. Надо с утра к Цырену заскочить и забрать “Дружбу”, а то жена уже достала меня с этими бревнами, напили-напили», — думал Жаргал, шагая хойшоо¹ по пыльной Нефтяной.

Жаргал женился два года тому назад по глупому залету, пришел из армии и полгода не прошло, как Туяна, его подруга, залетела. А чувства большого, возвышенного, которого хотел Жаргал, учась в школе и зачитываясь Грином, не было. Да, Туяна умная, добрая, хорошая, не красавица, но и не дурнушка, но нет у Жаргала к ней того большого и возвышенного, что именуют непонятым словом любовь. Отсюда мелкие семейные ссоры стали для их семьи обыденностью. Жаргал не торопился домой после работы, забегал в шиномонтажку к пацанам и играл с ними в карты допоздна, выпивал. Не ска-

1 В северную сторону.

зять, что Жаргал любитель выпить, но эта жизнь в деревне как-то все сводит к тому, что рано или поздно все приходят к водке, к застолью с пьяными разговорами, с пьяной радостью, что тут собрались все друзья и так хорошо сидят, с пьяными драками между собой. Он, Жаргал, после школы поступал на экономический факультет ВСГТУ, но не хватило балла, как всегда, когда нет толкачей. Поступил в Ербановку, оттуда в армию. Надо было съездить и, восстановившись в Ербановке, закончить-таки, но, как уже кажется, все, жизнь его засосала в свой омут. Как же он оставит жену с дочкой и уедет учиться, а кто будет их кормить? Кто будет заботиться о них? Так что уже все, решено, Жаргал работает в пожарке и будет в ней работать до пенсии. Его зарплаты хватает на жизнь, хоть и без излишеств, но вполне нормальную жизнь можно вести. А вчера Жаргал разбил свой мотоцикл. Зачем он пьяным сел за руль, зачем ему надо было ехать на мотоцикле без света ночью? «*Бараг юм ааб даа! Хүнүүд ябажал байдаг гүбэ*»,¹ — сказал он и выехал со двора. *Хүнүүд ябажал байдаг*,² а вот Жаргал доехал до ближайшего поворота и врезался в сани — шарга, на которых возят сено. Хорошо хоть ничего себе не повредил, только ободрал локти и колени, пока тело его благополучно тормозило об асфальт, теряя кинетическую энергию. А хотел он съездить в лес и нарвать цветов для своей Туяны. Бывает иногда с ним такое. Вдруг, ни с того, ни с сего, припрет домой цветы и стоит с ними в коридоре, закрыв цветами свое лицо. Просто ему нравится, когда у Туяны на лице появляется радость. Или же взял и купил на двухмесячную зарплату большого плюшевого мишку дочке. Жена ворчала на него:

1 *Да нормально! Люди ведь ездят.*

2 *Люди-то ездят.*

«Юугээ эдижэ байха юмди?»,¹ — а у Жаргала глаза светились радостью, когда он видел, как его дочка Арюна весело визжит, ползая по мягкому и большому мишке. «Туяана, харыш Арюуныг, ямар энеэдэтэйгээр баярлана гээшэб!»,² — улыбался Жаргал. Нравится Жаргалу залезть на Челсану,³ на самую вершину, и стоять там, раскинув руки, подставив свое скуластое лицо вольному ветру, рубашка бьется на ветру, а Жаргал стоит, закрыв глаза, представляет себя орлом, парящим в Вечном Синем Небе. Нравится Жаргалу подолгу смотреть на огонь, не мигая уставится на огонь и сидит так, не шелохнется, будто огонь рассказывает ему очень интересную историю. Нравится Жаргалу лежать на берегу Кижинги и слушать реку, как будто он разговаривает с Кижингой, делится с ней своими секретами, улыбается. Нравится Жаргалу бежать под снегопадом и ловить ртом снежинки. Нравится Жаргалу стоять под дождем, раскинув руки, подставив свое лицо каплям лета. Нравится Жаргалу думать, что все-таки в мире больше хорошего, чем плохого, и все неприятности, которые с ним случаются, разбиваются об его «*Все что ни делается — к лучшему*». А сегодня Жаргал проснулся у Баира в половине третьего, хорошо, что выходной, а то проспал бы работу. Пока проснулся, пока встал, пока собрался, вышел, мотоцикл посмотрел, сходил к Дамдину за запчастью и так далее, уже семь часов. Идет Жаргал домой, к нелюбимой жене, к любимой дочке, сжимая в кармане шортов размякший «Сникерс» для дочери и думает: «Сегодня будет лучше, чем вчера. Сегодня должно быть лучше, чем вчера. Сегодня все будет гораздо лучше, чем вчера».

1 *Что же мы есть-то будем?*

2 *Туяана, посмотри на Арюну, как она смешно радуется.*

3 *Священная гора в Кижинге.*

| ОТРАЖЕНИЕ ЛУНЫ

Сигарета летит в урну. Мысли текут ленивой и усталой рекой в сторону абсолютно явного тупика. Все! К черту такую жизнь! Руки в карманы, вниз глаза, идет в сторону дискотеки. Сжимает в руке пятидесятитысячную купюру: сегодня он напьется. Друзья, приятели, недруги, абсолютно посторонние люди — двигаются в темпе музыки. «Ынцыг-ынцыг-ынцыг» — кислотные 80-е. «*You're a woman...*» — Bad Boys Blue. И тут в толпе он замечает полный теплоты и какой-то страшной тайны взгляд красивой девушки, похожей на стройную косулю, глядевшую на него этим летом из-за столетнего кедра в местности Жэбхээһэн,¹ куда он ездил по ягоды. Он не то, чтобы засмущался, а просто ему стало как-то неудобно, потому, наверное, что он недостойн такого взгляда. Он так думал, что недостойн. Через некоторое время он опять ощутил на себе взгляд, обернулся и встретился глазами с той же девушкой, она весь вечер не сводила с него глаз, непонятно почему. Он так и не подошел к той девушке в тот вечер, напился, подрался с Базыром, их обоих забрали в отдел. Сидели там, на нарах, в обнимку

1 Жипхеген — местность в Кижингинской долине.

и пели: «*Үе сагшые үнгэрөөл даа...*»,¹ — пьяными хриплыми голосами и пили водку из горла. Затягивались «Примой», водку занюхивали головами друг друга. Затем все как-то утряслось. Прошел год. Он снова на каникулах в Кижинге, снова дискотека: «Дынц-дынц-дынц», Dr. Alban, «*It's my life!*». Снова друзья, приятели, недруги, абсолютно посторонние люди двигаются в темпе музыки. Он выбежал на улицу, взглянул на звездное небо над своей головой и побежал к магазину, купить сигарет. «*Намда нэгэ пачка “Магна” үгйт даа!*»,² — протягивая деньги продавщице, и, собираясь выходить уже из магазина, встречается глазами с красивой девушкой, взгляд полный теплоты и нежности обжег его душу, точнее — нечто разорванное в лохмотья, то, что раньше было его душой. Его сердце вдруг гулко застучало, и какое-то шестое чувство начало шептать ему в ухо: «*Энэ шинии хуби заяан. Алдажа бү орхёорой!*».³

— *Мэндэ!*⁴ — и в ответ — смущенно отведенный взгляд, и голос, будто звон тысячи хрустальных шариков:

— *Амар сайн!*⁵

Оказалось, это младшая сестренка Базыра. Та самая, некогда маленькая и пухленькая, та, которая увязывалась за ними, когда они собирались на речку или на стройку стреляться из самострелов. Та самая, которая носила им воду во фляжке и сидела, важная такая, на багажнике его зеленого «Урала». Та самая, что звала из дома Туяну, с которой он дружил, и уходила прочь, сдвинув брови на переносице, недовольная

1 Строчка из популярной песни «Турүүшын дуран» («Первая любовь»).

2 Мне пачку «Магны».

3 Это твоя судьба. Не упусти ее!

4 Здравствуй!

5 Здравствуй!

чем-то. «Гайтай һонин басаган»,¹ — думал он тогда. Когда это было? Всего четыре года прошло, а она изменилась так, что ни за что не узнаешь. Идут они по ночной Кижинге, общаются, смеются. Полная луна, на водной глади Кижинги лунная дорожка. Миллиарды звезд над их головами мерцают разноцветными огнями. Он уверен в том, что с ней у него все будет иначе, чем с Туяной, которая разорвала его душу в лохмотья и вырвала его сердце, как казалось в тот момент, с корнем, которая обманула его, опрокинула его с той основы, на которой, он думал, стоит прочно.

Как бы мне хотелось, чтобы они не привыкли друг к другу, а глядели всегда, всю свою жизнь так, как смотрят они друг другу в глаза сейчас...

Стоят они обнявшись на улице Жанаева, и смотрят друг на друга. Он видит в ее глазах отражение луны, а она в его глазах видит отражение своих глаз, а в них отражение луны.

Пустеет четвертая бутылка «Соджу». Они сидят в беседке во дворе дома н. 12-31 города Ансан. Сигарета дымится в руках у Мунко.

— Все, пацаны, прем в караоке! — окурок летит в пустую бутылку. Идут по грязной улице Ансана, подворотнями срезая путь в сторону караоке бара «Саранг». Заела Мунко эта жизнь в Корее, работа, душный контейнер, прохладный душ (самый зашибись!). Единственное развлечение — это Интернет и бухалово с друзьями. Самое ценное, что приобрел он в Корее — это друзья и высокий скилл в Контер-Страйк, хотя Контер — не так важно, как друзья. Заело Мунко вставать каждое утро в 6:00. Он ненавидит свой будильник, живет тем, что когда-нибудь он с удовольствием разобьет его об стену, или же утопит в море, когда будет возвращаться домой, или же подарит его какому-нибудь хорошему человеку, чтобы тот не проспал работу, или же просто оставит его в своем контейнере, будто забыл, взял и забыл этот будильник, взял и забыл.

Взять бы и забыть всю эту х@йню, которая у него на душе, всю эту тоску по дому, всю эту тоску по родным, по жене, по дочке, но не может. Не может потому, наверное, что он живой, что нутро его не пустое, а есть там что-то, что движет им,

что дает ему жизненную силу. Да! Он дойдет до конца! Не съедет на полпути, а дойдет до конца и вернется домой в серебре и со щитом, а пока ему остается петь песенки в караоке и вспоминать теплые моменты, которые были у него раньше, когда он был дома.

Стоят они с Баиром в обнимку и поют: *«Темная ночь, только пули свистят по степи»*, — вспоминая своих жен, вспоминая своих детей. *(Хотелось прибавить, что скупая мужская слеза текла по их щекам, но это будет ложью)*. В тот миг они искренне верили, что где-то там, в тысячах километрах от них, их жены не спят у детских кроваток, так, наверное, и было. Не наверное, а точно! Так и было! Их жены ждали и тосковали по ним так же сильно, как и они по ним. Но вот прошли годы, пацаны заработали запланированное количество денег, вернулись домой, и... все! Развелись с женами. Почему так случилось? А потому что: *«Эй, моряк, ты слишком долго плавал!»* — и еще они изменились, изменились не в лучшую, наверное, сторону. Все меняется! Только вот сидит сейчас Мунко в баре, пустеет уже пятая кружка темного пива, ждет Баира, договорились встретиться, только что звонил, говорит, задерживается на работе. Ждет Мунко Баира и напевает вполголоса: *«Темная ночь! Только пули свистят по степи...»*, — и уже реальная слеза, скупая мужская слеза, катится по его небритой щеке.

Баир лежит в своей каморке, магнитофон орет «Сектор Газа», в пепельнице — пустая консервная банка из-под шпротов — тлеет папироса, о немытое стекло бьется муха. Грибок, который подхватил Баир во время службы в рядах Российской Армии, проснулся и развился до такой степени, что он еле передвигается, теперь отмачивает ноги в марганцовке. Вроде как дело движется к лучшему — и то ладно. Баир лежит и молится во благо всех живых существ: «Ом Мани Пад Ме Хум!». Спокойствие царит на его загорелом лице. А на прошлой неделе, когда они гуляли с девушками, и Марина загапризначала, собралась домой, тормознула тачку и уже села в нее, Баир в каком-то пьяном порыве ревности прыгнул и двумя ногами пнул в лобовое стекло этой тачки. Стекло разбилось, Баир скрылся, а дурак Зориг не в тему выдал его водителю. Непонятно, зачем. Теперь Баира грузят на шесть тысяч рублей. Проблема, и виновата она! На фиг она собралась домой? Ну и ладно. Недавно выезжал из ворот и на ровном месте взял и поцарапал бочину о ворота. Офигеть! Каждый день выезжал, и все нормально, а тут взял и поцарапал. Жамсо из его зарплаты удержал за ремонт три тысячи рублей. Три дня назад приехал к а м а з с пивом, разгрузили и напились этого пива. Найдан начал стегать,

рвать на себе рубашку, типа, я самый тут основной, пришлось Баиру его утихомирить, а тут его брат Бимба. Драка была нешуточной, разнесли всю комнату отдыха, девчонки вызвали ментов, менты пришли, Найдан стукнул одного из них, драка с ментами... Хорошо, хоть повезло, и Баир скрылся, убежал, а то бы сейчас с Найданом сидел в ментовке. В деревню надо было ехать, ремонт у мамы сделать, а денег нет, да еще долги кругом. На улице жара, середина июня, тополиный пух, пыль, дождя нет уже две недели, асфальт плавится, в каморке душно, «доширак» в желудке чувствует себя как-то неудобно, а Баир лежит и молится во благо всех живых существ: «Ом Мани Пад Ме Хум!».

Он бежал. Бежал изо всех сил. За пазухой цветы, алые розы. Всему виной ужасные пробки на дороге. Он бежит. Бежит, потому что опаздывает. Бежит, лавируя между пешеходами. Вот он поскользнулся на гололеде, упал. Шапка слетела с головы, но ему нет дела до шапки, он вскакивает и продолжает свой бег. Налетел на зазевавшуюся женщину, сбил ее с ног. «Простите!», — убегая. Перебегает улицу. На дороге гололед. Скрип тормозов. Бампером по ноге — тыц! бум! — спиной о лобовое стекло машины, скатился по капоту на асфальт — бац! Вскочил и, буксуя по гололеду ботинками: тук-тук-тук! — побежал дальше.

Пар валит изо рта, остается инеем на розах, выглядывающих из-за пазухи. Весело и непринужденно смотрят они на него. Не понимают, что он опаздывает... опаздывает! Да и откуда им понять, не имеют они сознания, чтобы что-то понимать. Хотя некоторые уверены в том, что все вокруг имеет сознание: стол, стул, дерево, цветы. Может быть, оно и так. Стало быть, если оно так, то цветы понимают, что он опаздывает и, наверное, смотрят на него с надеждой, что все-таки он успеет. Жалуют, что так получилось, что он попал в ужасную пробку. Оставил машину на дороге и побежал.

Вот он выбежал на перрон. Поезд отходит уже. Опоздал! Бежит вдоль уходящего поезда, бежит в надежде увидеть ее. Бежит, лавируя между провожающими. А поезд неумолимо уходит, уходит на запад, уходит, увозя с собой ее, его любимую. Возможно навсегда. Все! Поезд ушел. Уменьшаясь в размерах, удаляется от перрона. Он сидит на коленях и смотрит вслед поезду. Слеза, скатившись по щеке, упала на цветок. Цветок скинул с себя иней и обнажил алую свою сущность. «На второй путь прибывает поезд Владивосток-Харьков!» — железным голосом говорит вокзал. А в уходящем поезде в девятom вагоне сидит она и увозит с собой частичку него. Слеза катится по ее щеке...

Возможно, они найдут свое счастье. Возможно. Но все-таки ужасно жаль, что получилось так, что он опоздал. Ведь если бы он успел, то все могло бы быть по-другому, возможно она простила бы его, и они прожили бы вместе долгую, счастливую жизнь.

Он стоит, опершись плечом о фонарный столб и смотрит в никуда. Бывает такой взгляд — в никуда, когда глаза смотрят сквозь пространство, не задерживаясь ни на чем, бывает...

На нем футболка красного цвета, черные шорты, бейсболка, сандалии, в кармане у него пачка сигарет, значит, как пел Виктор Цой: *все не так уж плохо на сегодняшний день*.

Он влюблен. Влюблен точно школьник. Как будто ему четырнадцать лет. Он любит ее безумно. Всего полгода прошло как они вместе, а он уже представить себе не может себя без нее, без ее черных, как спелая черемуха, глаз, без ее нежного голоса, без ее звонкого смеха.

На небе ни облачка. Жарко. А он стоит и смотрит в никуда, опершись плечом о фонарный столб.

«Есть ли здесь что-нибудь, ради чего стоит жить? Ради чего стоит суетиться? Ради чего каждый день ходить на работу? Ради чего лежать вечером на диване и смотреть телевизор? Ради чего изо дня в день волочить существование в этом изменчивом и подлом мире?», — думал Лодой, ступая по тротуару чужого города. В последнее время у него появилось множество проблем. Были такие, которые можно назвать большими, были и мелкие, были огромные, такие, что заставляли его думать так, как он думал сейчас. Он шел домой. Шел домой после работы. Он шел, а в наушниках Виктор Цой пел, что все не так уж и плохо, если в кармане есть пачка сигарет. Вчера вечером в подворотне на него налетели трое гопников, хорошо хоть, что он отбилсЯ от них: сказались годы тренировок. Первого левым боковым усыпил сразу, отбилсЯ от двоих и убежал. Если бы это произошло, хотя бы года три назад, вряд ли он убежал бы, а сейчас он пришел к тому, что иногда лучше убежать, чем тешить свое самолюбие и гордость тем, что он такой смелый и сильный. Ну да ладно, черт с ними, с гопниками. В последнее время Лодой потерял смысл жизни, раньше как-то не задумывалсЯ он над этим, над тем, зачем и для чего, ради кого он здесь существует. Учился, работал, веселил-

сы с друзьями, вел обыкновенный образ жизни и нисколько не волновали его эти вопросы, а теперь почему-то остро начал задумываться над смыслом своего существования. Где-то случился сбой программы, которая вела его по этой жизни, которая закрывала ему глаза на изменчивость реальности, которая шептала ему, что все нормально. Как-будто он проснулся после глубокого и долгого сна, открыл глаза и увидел, что все здесь так зыбко и непрочное, что все существование пронизано страданием, страданием каждую секунду, страданием каждое мгновение, Великим Страданием. Если бы все было нормально, если бы у него не было проблем, если *хотябушки* он был у себя на Родине, то вряд ли Лодой задумался над такими вопросами, ведь рядом были бы те, кто помог бы ему решить его проблемы. А тут он один и должен драться за себя, должен решить свои проблемы сам, не надеясь ни на кого. Не верь! Не бойся! Не проси! Вот его девиз последние несколько лет, которые он живет в чужом городе, по волчьим законам, со злыми ментами, с дорогими ресторанами, с вредными кондукторами. Он идет, смотрит себе под ноги, идет в потоке людей, один из миллиона, кто знает, может, рядом с ним и не люди вовсе, а боты какие-нибудь или киборги, но ему до них ..., пусть идут, главное, чтобы его не трогали и все. Вдруг он ясно расслышал в общем гуле перехода метро: «Лодой!», — остановился, обернулся, вытащил из ушей наушники. Вроде послышалось. Какая-то вселенская грусть вдруг налетела на него, как бы он хотел не ослышаться, как бы он хотел встретить здесь, среди чужих людей, знакомое широкое скуластое лицо своего сородича. Оглядывался по сторонам, подпрыгивал, чтобы через головы людей осмотреть пространство перехода, как совсем рядом: «Лодой! Сайн!», — увидел ее, ту, которая еще школьницей сводила его с ума своими черными

глазами, своими розовыми резинками в черных косичках, ту, с которой он танцевал первый раз в своей жизни медленный танец, ту, которая снилась ему в его детских снах.

«Сайн, Оюна! Ши эндэ юу хэжэ байнабиш?»,¹ — она реализовалась из небытия, как добрая фея появилась в его сознании, озарив Лодоя белым светом. Вспомнил, как они жили вместе, как она сделала аборт, потому как решила, что слишком рано, а Лодой проявил слабость и не настоял на ребенке. Затем отношения как-то разладились, и они разошлись. Она разочаровалась в нем, обвиняла его в том, что он недозрелый фрукт, что еще не повзрослел, что он маменькин сынок, тупой, дурак, а он молчал в ответ, так и разошлись. Оюна хотела взять от жизни все и сразу, у нее было стремление обрести независимость, финансовую и духовную, она говорила, что не хочет никому быть должна, что он заталкивает ее в рамки, не дает ей вдохнуть полной грудью свободы, и была права, наверное, потому что Лодой любил ее слишком сильно. Ему не нравилось, когда она уходила по вечерам на деловые встречи, ревновал ее. Одним словом, такие у них сложились отношения, которые привели к разрыву. Разрыв Лодой пережил тяжело, не ел, не спал, лежал на диване, где они раньше лежали вдвоем, просто лежал, ничего не думал, просто лежал. Приходил в кафе, где они любили пить пиво, заказывал себе чай и сидел, на ее месте, просто сидел, ни о чем не думал, просто сидел. Сигарета дымилась между указательным и средним пальцами правой руки, а Лодой сидел, и глаза его смотрели в никуда, просто сидел. С тех пор ни одна женщина не смогла пробить сердце Лодой так же звонко, как Оюна, так и жил он один, работа, дом. Иногда веселье по ночным клубам, в пьяном угаре,

1 Привет, Оюна! Что ты здесь делаешь?

с пьяными приятелями, с девушками, но всегда он вспоминал свою Оюну с теплотой и любовью, и вот теперь, спустя восемь лет, они встретились в переходе метро чужого города, среди сплошного потока абсолютно чужих людей. Оюна смотрит ему в глаза, и Лодой видит в ее глазах теплоту. У него в душе как будто все перевернулось, депрессивные мысли как ветром сдуло, взошло солнце у него в груди, осветив нутро слепящим белым светом. Сидят они в кафе, пьют чай, делятся новостями. Она рассказывает ему, что приехала сюда по делам своей компании, что пробудет здесь месяц, что она все еще одна, что вспоминала его, что ей жаль, что они тогда разошлись. Как у нее радостно блеснули ее черные, как спелые ягодки черемухи, глаза, узнав, что он тоже один, что он до сих пор думает о ней так же часто, как и тогда.

Сидят они в кафе, в чужом городе, в тысячах километрах от своей родины, встретившиеся совершенно случайно в переходе метро, среди тысяч чужих людей, и между ними заискрилось и запылало по новой то чувство, которое, казалось, угасло уже навсегда. Лодой теперь знает, что есть то, что неизменно у него в душе, это его любовь к ней, к единственной и неповторимой, к самой, самой, самой! Он знает ради кого стоит жить. Ради нее! Ради нее стоит жить и умереть!

А на улице зима. Падает снег. Пусть у них все будет хорошо, пусть они будут счастливы.

*Использованы темы
из творчества
Виктора Цоя,
Намжила Нимбуева,
Владимира Маяковского,
Игоря Сукачева,
Константина Кинчева.*

| УВЕРТЮРА НА ТЕМУ

Поздно лег, рано встал, электричка везет меня туда, куда я не хочу... Думаю, что надо кем-то мне становиться. Перемен требуют наши сердца! Печаль... знаешь, каждую ночь, я слышу во сне песню, струны деревьев играют ее, музыка ветра... Знаешь, я хотел бы остаться с тобой, я хотел бы прижаться к тебе и рассказать, рассказать все, рассказать слов, рассказать дух, и если ты скажешь в ответ те несколько слов, то я готов оставить след на этом снегу — пушусь ветром в дикий пляс! Распоюсь навзрыд соловьем! Буду петь и плясать, обжигая прохожих счастьем из глаз! Я опрокинусь Небом, ты разольешься Морем, буду в тебе отражаться, будем с тобой целоваться, засинеет вдаль горизонтом, и поплывут между нами Белые Корабли, но я не прижмусь к тебе, не расскажу тебе... Ты далеко, ты слишком далеко, я не имею никакой возможности дотянуться до тебя своим коротким и глупым сознанием — Ты как та Звезда! По имени Солнце, кроме которой, некому нам помочь в темную-темную ночь. Если есть тьма — должен быть свет, если есть шаг — должен быть след, если есть ночь — должен быть день! И этот день придет и приведет за собой Свет! Я в это верю! Я это знаю! Знаю, что когда-нибудь я стану лучом Звезды! А пока надо быть сильным,

надо уметь сказать: «Руки прочь! Прочь от меня!» — надо быть сильным! Иначе, зачем мне быть? Я закуриваю сигарету, иду, иду туда, куда не хочу, руки в карманы, вниз глаза...

Я выключаю телевизор, лежу в темноте, за окном гудят машины, думаю о тебе. Голубых небес навес нам с тобой, станет лес глухой стеной нам с тобой. А ты живешь в центре всех городов и вряд ли, вряд ли... Ночь! Лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок, черным ладоням сбежавшихся окон раздали горящие желтые карты. Знаешь, а я люблю ночь за то, что в ней меньше машин, за то, что она хранит тайны, за то, что мой магнитофон хрипит о прелестях дня, я лежу в темноте, лежу, закинув руки за голову, гляжу в потолок — за моим окном гудят машины, думаю о тебе. Ну, а ты давно уже спишь там, в центре всех городов.

Пальто на гвозде, шарф в рукаве и перчатки в карманах шепчут — *подожди до утра!* Но высокая в небе Звезда зовет меня в Путь! И я готов идти. Готов!

Пожелай мне удачи.

| СОДЕРЖАНИЕ / ГАРШАГ

<i>Первый луч восходящего солнца</i>	6
--	---

МОВООК

Хэжэнгэ	11
Я	13
Она	14
Ностальгия	16
Вместе!	22
Прогиб	24
Ом Мани Пад Ме Хум!	31
Настроение	32
Знаешь	33
Нагаса эжы	34
Ансан	38
Рингтон	44
Хорбоо	45
Для тебя!	47
Зимний дождь	49
Печаль	51

Вперед!	52
Победа наша!	53
Настроение-2	54
Арсик	55
Город смерти	58
Милая моя, солнышко лесное!	61
Цветы	62
Пучонэ	63
Танец орла	67
Степь	69
Летит монета	70
Блистающий яркий день	72
Судьба	74
Счастье	75

А НАШ БРАТ В АРМИЮ УЕХАЛ

Ахай	79
Мы ведь работаем	86
Тоска	88
Булытка	91
Проход	97
Дондогоодеэ	99
Стрижка	102
А наш брат в армию уехал... ..	108
1992	111
Я так хотел	115

МГНОВЕНИЯ

Мужчины и женщины	121
Утро	124
Вечеринка	127
Успеть	130
Так бывает	132
Это не любовь	135
Бургэд	136
Бигуди	138
Жизнь	140
Девушка-солнце	141
Всякое про всякое	143
Неопределенность	145
Пылма	147
Ригзема	150
Дув бар шог!	153
Дядя Жамбал	155
Респект?	157
Верь!	160
Что происходит?	163
Мы победим!	167
Отражение луны	170
Темная ночь	173
Смайл	175
Бег	177
Мгновение	179
Встреча	180
<i>Увертюра на тему</i>	186

Книга издана при
финансовой поддержке
Министерства
культуры Республики
Бурятия в рамках
реализации
Государственной
программы Республики
Бурятия «Сохранение
и развитие бурятского
языка в Республике
Бурятия»

«Буряад хэлэ Буряад
уласта сахин хамгаалжа,
болбосоруулан хүгжөөхэ»
гэһэн Буряад Уласай
гүрэнэй хүтэлбэрийн
хүрээндэ Буряад Уласай
Соёлой яаманай
һанхүүгэй дэмжэлгээр
энэ ном хэблэгдэбэ

МОБУ

ТАНЕЦ ОРЛА

Редактор:

Жаргал Цыбикова

Корректор:

Жаргал Бадагаров

Оформление, верстка:

Шарайд О. Галсан

ISBN 978-5-9905883-2-5

Редакция проекта

«БУРЯД-МОНГОЛ НОМ»:

Республика Бурятия

670000 Улан-Удэ, ул. Ербанова 4

Тел. +7 (3012) 21 48 57

Email: buryadnom@gmail.com

<http://buryadnom.blogspot.com>

По вопросам распространения:

Тел. +7 (914) 844 9579

Email: buryadnom@gmail.com

Отзывы о книге и пожелания

присылайте по адресу:

buryadnom@gmail.com

Подписано в печать 27.11.2014

Бумага офсетная 120 г/м²

Формат 70×100/32

Тираж 500 экз. Тип. зак. № 5805

PRINTLETO.RU /Москва

ISBN 978-5-9905883-2-5

9 785990 588325

Сборник коротких рассказов-зарисовок *Мобу*, рожденных на просторах Интернета и ставших популярными для широкого круга блогосферы. Автор описывает простые ситуации, в которых открывает для своего героя неизведанный мир, сложный и притягивающий одновременно. Здесь его интересует все: и музыка, и выпивка, и вопросы жизни и смерти, взаимоотношения мужчины и женщины.

Буддийская вдумчивость легко уживается с бунтарской рок-музыкой, которой пронизаны рассказы. Наивность героя-степняка, основанная на трепетном отношении к жизни, любви к природе и родному краю, вызывает читателя на искренний диалог, в котором, в конечном итоге, оба задаются одним и тем же вопросом: кто я и каково мое место в этой жизни?

